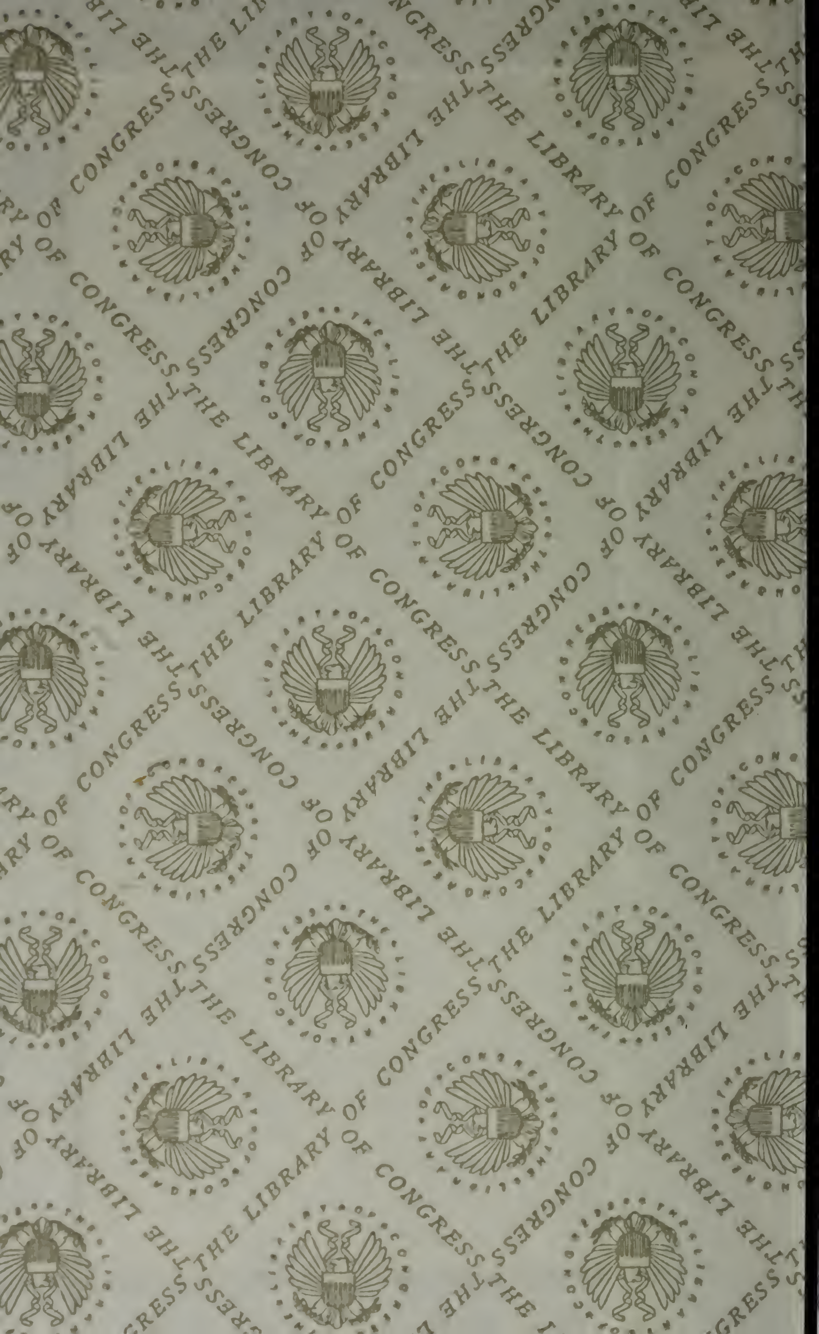

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ГЛУХІЯ МѢСТА.

ГЛУХІЯ МѢСТА.

РАЗСКАЗЫ

Д. И. СТАХѢЕВА.

ИЗДАНІЕ

А. И. ЩЕРБАКОВА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ, 1868.

ТИПОГРАФІЯ А. МОРИГЕРОВСКАГО, ТРОИЦКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ ДОМЪ ГАССЕ.

ОТЪ АВТОРА.

Слѣдующіе два тома моихъ сочиненій «Путевыя впечатлѣнія въ Забайкальской и Амурской областяхъ» и «Исторія ящика чаю», — назначенные къ печати еще въ 1867 году, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не могутъ быть изданы ранѣе 1869 г. Надѣюсь, что къ этому времени мнѣ удастся, при помощи благопріятныхъ обстоятельствъ, загладить свою виновность въ несдержаніи обѣщанія.

С.-Петербургъ.
Марта, 1868 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЛѢСОПРОМЫШЛЕННИКИ.

Городъ У. стоитъ въ сторонѣ отъ большаго сибирскаго тракта. Городъ У. ничѣмъ не замѣчателенъ,—маленькій, ничтожный городишка, о немъ даже и въ географіи упоминается только вскользь, безъ означенія числа жителей: есть, молъ, въ сѣверной Россіи ничтожный городишко У., а сказать о немъ мы ничего не можемъ. Да и что говорить о русскихъ городахъ сѣверной или сѣверо-восточной полосы?

«Нечѣмъ тѣшить пытливые взоры:
Снѣгъ, да снѣгъ, всё одинъ вѣчно-дѣвственный снѣгъ,
Да узоры лиловые скованныхъ рѣкъ,
Да сосновые темные боры».

Кажись-бы и намъ нечего заводить рѣчь о городѣ У., но «сосновые темные боры» привлекли къ себѣ наше вниманіе. Всматриваясь въ нихъ, мы замѣчаемъ, что они годъ отъ году рѣдѣютъ; слышимъ мы, что въ этихъ темныхъ борахъ каждую зиму

стучатъ сотни топоровъ, валятся съ трескомъ и шумомъ тысячи деревьевъ; слышимъ мы все это, и хочется намъ видѣть вблизи эти темные боры, забраться въ ихъ таинственную глубину и посмотрѣть, какъ «царь природы» царствуетъ въ своемъ царствѣ.

Ѣдемъ мы въ ту сторону и смотримъ.

Тянется наша дорога горами и оврагами, степями и болотами, остаются за нами кривыя и косыя и полугнилыя избушки плаксивыхъ деревень, робко жмущихся одна къ другой по окраинѣ густова лѣса; крыши избушекъ долго остаются въ нашей памяти, возбуждая удивленіе изсохшей соломой и деревянной трубой.

— А что, ямщикъ, не опасно вамъ печи-то свои топить? спрашиваемъ мы своего возницу.

— Поштo опасно? ничево-о! отвѣчаетъ онъ, не поворачивая головы.

— Солома-то на крышахъ вся пересохла, а труба-то плохая, искру можетъ выбросить....

— Оборони Богъ, что говорить! Вонъ анамеднись деревня вся до тла погорѣла, рядомъ съ ней опять тоже, въ пятнадцати верстахъ, — всю какъ есть спалило! Мужики безъ лаптей ходятъ! Божье попущенье за грѣхи наши.

— Да, велики ваши грѣхи, и отвѣтъ за нихъ кто-нибудь да долженъ держать...

— Теперича, — продолжаетъ ямщикъ, уже повернувшись къ намъ лицомъ, — въ прошломъ году су

сѣдскія деревни погорѣли,—народу што обѣднѣло— бѣда! Какъ и жить!...

— Нужно крыши крыть тесомъ, печи выводить подъ крышей кирпичныя, а не вставлять выдолбленыя бревна.

— Это ты, ваше почтеніе, точно. Это ты правильно толкуешь, только силы у насъ на тесовую крышу не хвататъ, достатки-то наши тово...

— Застраховать надо свои избы.

— Мы штрафуемъ... только мало больно даютъ— вотъ теперичка сусѣдской-то деревни мужики погорѣли, дома-то у нихъ штрафы платили сколько годовъ, а теперича, сказываютъ, имъ выходитъ бумага получать за свои избы по тридцати рублевъ, только...

— Нужно тесовую крышу и кирпичный выводъ трубъ надъ крышей, тогда больше дадутъ...

— Та-а-къ,—задумчиво заключаетъ возница и снова поворачивается къ конямъ лицомъ.

Ѣдемъ мы дальше и въѣзжаемъ въ лѣсъ. На пути нашемъ видны слѣды недавней бури, свалившей грамадное количество лѣсу.

— Что у васъ недавно, должно быть, буря была? спрашиваемъ мы ямщика.

— Нѣтъ, давно, года никакъ два ужь...

— Отчего-же до сей поры лѣсъ не убранъ?

— Какой лѣсъ?

— А вотъ что бурей-то сломило.

*

— Это казенный! безпечно отвѣчаетъ возница.

— Знаю, что казенный. Отчего-же его не употребятъ въ дѣло, чѣмъ ему гнить?

— Такъ, значитъ, надо. Казна, извѣстно дѣло... Какъ начальство прикажетъ, потому лѣсъ казенный, береги пуще глазу. Вотъ тутъ-то кругомъ рубятъ и сплавляютъ, а этотъ все лежитъ, да гніетъ, потому, видно, неприказано трогать его, чтобы сохранно...

— Да вѣдь онъ сгніетъ?

— Може и сгніетъ... Казенный вѣдь!..

Ѣдемъ мы дальше и снова видимъ работу царя природы: рубитъ онъ все, что попадаетъ ему подъ руку: моладая-ли сосна, только что поднявшаяся на сажень отъ земли, столѣтнѣе-ли дерево, оберегающее отъ бури молодые кусты, все равно! Все рубится съ плеча. Нужно-ли этому царю природы надрать лыка, онъ обдеретъ липу снизу до верху и оставитъ ее обнаженной, а на дрова срубитъ другую, съ корой. «Мнѣ, дескать, плевать на всякія теоріи, я, молъ, на практикѣ такъ дѣйствую, что послѣ моего топора въ лѣсу ничего рости не будетъ. Тамъ о лѣсоводствѣ хоть тысячу лекцій читай, а я все-таки буду дѣлать по своему, потому, что въ эти лекціи не вѣрю да и не понимаю ихъ». И вотъ кончается зима, «лиловые узоры скованныхъ рѣкъ» превращаются въ мутныя грязныя воды, ручьи и ключи шумятъ и пѣнятся, полныя тающихъ снѣ-

говъ, несущихся съ горъ и долинъ. Мелкія рѣчки превращаются въ большія рѣки, и два весеннихъ мѣсяца сплавляются внизъ по теченію ихъ громадныя сплавы съ лѣсными матеріалами. Ѣдемъ мы къ берегамъ мутной рѣчки Кульмези посмотрѣть на проплывающіе плоты. Длиннымъ, безконечно-длиннымъ караваномъ тянутся они одинъ за однимъ къ берегамъ пустынной Камы; на этихъ плотахъ нагружены громадные бунты лубьевъ,—это кора, содранная съ липы, это—жизнь, отнятая отъ дерева, и сколько мы видимъ такихъ лубьевъ, столько осталось въ лѣсу деревьевъ, обрѣченныхъ на гибель; далѣе за этими безконечными караванами, тянутся новые караваны съ рогожами, кулями, мочаломъ, и все это содрано съ липы ради копѣечной выгоды, и липа эта изсохнетъ и изгніетъ безъ всякой пользы для человѣка.

Велико богатство нашего царства. и никто не дивится, глядя на это звѣрское истребленіе лѣсовъ.

— Дивиться тутъ, сударь, нечему, разсказываетъ нашъ бородатый старикъ купецъ изъ старообрядцевъ, Кусковъ, — нечему тутъ дивиться, потому— Господь для того и лѣсъ создалъ, чтобы его рубили.

— Да рубить-то бы надо съ толкомъ...

— Съ толкомъ и рубимъ, да еще съ молитвой. Я вотъ немного немало этимъ дѣломъ тридцать лѣтъ занимаюсь, у меня вонъ бываетъ по сту, а то и по полтараста человѣкъ рабочихъ, — говорю имъ что-

бы всякое дѣло дѣлали съ молитвой, дерево-ли, говорю, рубите, лыко-ли дерете,—все вы должны съ молитвой, потому—Божье!

— Не нужно-бы,—говоримъ мы,—для мочала и рогожъ деревья-то губить.

— А какъ же быть-то безъ этого? спрашиваетъ удивленный Кусковъ и продолжаетъ докторальнымъ тономъ: «Безъ этого, ваша милость, жить на свѣтѣ нельзя, потому и рогожа, и куль, и мочало нужно, и коробокъ лубочный нуженъ.

— Въ другихъ мѣстахъ этого не водится,—отвѣчаемъ мы.

Кусковъ смотритъ, покровительственно смѣется и треплетъ насъ по плечу, какъ малаго ребенка, приговаривая: «не смѣши, не шути».

— И смѣшить, говоримъ, нечего и шутить незачѣмъ, а говоримъ вамъ серьезно, что есть такія мѣста, гдѣ для рогожи деревомъ не пожертвуютъ.

— Нѣтъ, ваша милость, такого царства, нѣтъ на свѣтѣ такой земли, гдѣ-бы безъ рогожи и безъ мочала обошлись.

— Есть, говоримъ, дѣдушко, есть.

— Шутить изволите, ваша милость, али-бо сами не знаете.

— Есть, да еще и не одна такая есть сторона, а много.

— Чудно! Въ чемъ-же они муку возятъ?

— Въ мѣшкахъ. Сѣютъ для этого ленъ, собира-

ютъ его и дѣлаютъ холстъ для мѣшковъ, а лѣса свои берегутъ.

— Для чего-же и лѣсъ Господь далъ, чтобы его рубить.

— Нѣтъ, дѣдушко, не для одной рубки лѣсъ Богъ далъ: гдѣ лѣсъ есть, тамъ рѣки не мелѣютъ, гдѣ лѣсъ, тамъ влажность почвы поддерживается; вблизи лѣсовъ воздухъ лучше; лѣса удобреніе землѣ даютъ...

— Все это, ваша милость, пустяки,—недовѣрчиво посматривая, возражаетъ Кусковъ,—а я такъ мѣкаю, что въ другихъ земляхъ оттого и ленъ разводятъ, что лѣсу у нихъ мало.

— Да у насъ тоже придетъ такая пора, если будемъ такъ истреблять лѣса.

— Намъ объ этомъ думать нечего. На нашъ вѣкъ еще хватитъ. Тамъ они, наши-то потомки, какъ хотятъ, пусть хоть изъ шолку, изъ атласу мѣшки дѣлаютъ, а мы теперь пока будемъ держаться за рогожу, благо пріобыкли къ этому дѣлу.

Въ этомъ разговорѣ со старикомъ Кусковымъ, представителемъ торговаго класса лѣсопромышленниковъ, мы ясно видимъ, на какой степени экономическаго развитія находится наша торговля и промышленность: «Тамъ они какъ хотятъ, а мы всетаки будемъ держаться за рогожу, благо пріобыкли!» И чудесно! Стало быть, по Сенькѣ и шапка. Куда ужь намъ въ холщевыхъ мѣшкахъ хлѣбъ возить, ладно намъ и рогожа.

— Оно тово, лучше рогожа-то. Да-а! Рогоженный-то куль стоитъ всего семь али восемь копѣекъ, а за холщевый-то, пожалуй, придется истратить копѣекъ тридцать, а то и всѣ сорокъ. Разсчетъ-то вѣрный.

Такъ разсуждаютъ умныя головы. Ихъ слушаютъ другіе умники, и всѣ довольны логичнымъ выводомъ и всѣ подсмѣиваются себѣ въ бороды и потираютъ руки: «хе, хе, хе! молъ, вы ученые люди! Считаете, считаете, а настоящаго счету не смыслите. Мы на томъ стоимъ, и вамъ бороться съ нами не подъсилу: въ циферяхъ мы собаку съѣли!» Похвально! Такъ и должно быть, на то ты и купецъ, чтобы «соблюдать свою коммерцію». Дальше носу смотрѣть нечего и нечего о томъ думать, что рогоженный куль отслужитъ свою службу въ одинъ сплавъ и болѣе ни на что не годится, а холщевый мѣшокъ можетъ прослужить три четыре сплава и послѣ этого дастъ еще за себя выручку, потому что будетъ годенъ на бумажную фабрику въ качествѣ матеріала.

Слушаютъ эти слова лѣсопромышленники, слушаетъ и сѣдой Кусковъ, и покачиваютъ головами.

— Э, ваша милость! Объ этомъ что говорить! Улита ѣдетъ, когда-то будетъ, а тутъ съ рогоженнымъ-то кулемъ покончилъ на семь копѣекъ, да и дѣлу конецъ...

— Но вѣдь при замѣнѣ рогоженныхъ мѣшковъ холщевыми можетъ развиться новая промышлен-

ность, сколько рукъ будутъ заняты выгоднымъ дѣломъ, сколько лѣсовъ сбережется, говоримъ мы.

— Это, опять-таки, не наше дѣло, слѣдственно и говорить объ этомъ нечего, заключаетъ Кусковъ' а его устами глаголетъ весь промышленный классъ русской земли.

Какъ же не похвалить за такія диковинныя заключенія?!

Насладившись бесѣдою съ г. Кусковымъ и уяснивъ изъ этой бесѣды всю быстроту нашего шествія по пути прогресса, мы ѣдемъ дальше по берегу рѣки, видимъ во очію дивныя дѣла, слышимъ множество разсказовъ, которымъ затрудняемся вѣрить; но повтореніе одного и того же мотива въ устахъ многихъ лицъ, заставляетъ насъ быть внимательными и вслушиваться во всѣ подробности тайныхъ дѣлъ лѣсопромышленниковъ. Слышали мы всего болѣе о дѣяніяхъ господина Кускова и сотоварища его по истребленію лѣсовъ господина Корчемина, по этимъ разсказамъ мы составляемъ понятіе о дѣяніяхъ и другихъ лѣсопромышленниковъ, потому что всѣ они одного поля ягоды.

А слышали мы о лѣсномъ дѣлѣ слѣдующее:

Наступаетъ весна, а съ нею наступаетъ время повѣрки лѣсныхъ матеріаловъ: столько ли ихъ вырублено, сколько позволено начальствомъ, завѣдующимъ лѣсами. Повѣрку эту иначе производить нельзя, какъ только въ то время, когда плоты съ бревна-

ми, мочаломъ и кульемъ сплавляются изъ лѣсовъ внизъ по рѣкѣ.

Въ то счастливое время, кагда жизнь наша олицетворяла собою нераскопанную помойную яму, въ то время повѣрка лѣсныхъ матеріаловъ производилась семейнымъ образомъ, просто, безъ всякихъ хлопотъ и счетовъ. Окончивъ всѣ дѣла въ лѣсу, купецъ-лѣсопромышленникъ являлся въ квартиру лѣсничаго, предъявлялъ ему билеты, выданные ему на право вырубки извѣстнаго количества лѣсу, и затѣмъ загибалъ длинную полу своего кафтана и преспокойно вытягивалъ изъ кармана брюкъ пачку кредитныхъ билетовъ.

— Это вотъ, ваше благородіе, тебѣ на чай, не побрезгуй!

— А много ли? лаконически спрашивалъ его высокоблагородіе.

— Да извѣстно... какъ завсегда, такъ и теперь...

— То-есть пятьсотъ?

— Ну да...

Купецъ зналъ уже заранѣе, что пачка свое дѣло сдѣлаетъ, но считалъ нужнымъ еще поклониться его высокоблагородію и, приглаживая руками спустившіеся на лобъ волосы, смиренно говорилъ:

— Ужь ты, ваше благородіе, не побрезгуй!

Его высокоблагородіе не брезговалъ. Онъ молча пересчитывалъ деньги, молча подносилъ бумажки къ свѣту и удостовѣрившись, что фальшивыхъ нѣтъ,

также молча клалъ всю пачку въ столъ и кивалъ купцу головой: «можешь, молъ, ты сиволапъ убираться». Такъ дѣло и оканчивалось безъ всякой повѣрки.

Иногда попадался на такое дѣло его высокоблагородіе совсѣмъ другаго закала: начиналъ онъ хапать не по положенію, останавливалъ плоты съ лѣснымъ матеріаломъ и вытягивалъ изъ купцовъ вмѣсто пятисотъ тысячу. Купцы вздыхали, охали, утирали свои вспотѣвшіе лбы и шептались между собой, говоря, что такого хапалу послалъ имъ Богъ за грѣхи; но, не смотря на то, что сами они признавали нашествіе хапала законнымъ, они тѣмъ не менѣе принимали противъ этого свои мѣры: отправляли они изъ среды себя что ни на есть лучшаго доку и говоруна въ такое мѣсто, гдѣ можно было найти противъ хапала средство. Говорунъ пріѣзжалъ въ такое мѣсто и находилъ именно такого человѣка, который могъ хапала убрать. Загибалъ этотъ говорунъ полу своего кафтана и выкладывалъ на столъ пачки кредитныхъ.

— Вотъ тебѣ, ваше — ство, бери, только дѣло сдѣлай.

— Въ чемъ ваша просьба? смиренно спрашивалъ его —ство.

— Бери деньги и сдѣлай намъ то, чтобы хапалу мы больше не видали, а давай намъ другаго сподручнаго.

Его —ство, внявъ просьбамъ и желаніямъ говоруна, убиралъ хапала въ другое мѣсто, а на должность его назначалъ такого человѣка, «какой требуется».

И такой человѣкъ, бывало, возьметъ, «что полагается», пересчитаетъ и только спроситъ:

— Такъ у васъ все вѣрно?

— Вѣрно, вѣрно... Тутъ вѣрно пятьсотъ рублей...

— Нѣтъ, я говорю, у васъ матеріалы именно въ такомъ количествѣ, сколько значится въ выданныхъ билетахъ?

— Вѣрно, вѣрно.

— Ну такъ и запишемъ.

Купецъ поклонится, скажетъ: «за симъ прощайте», и гонитъ по рѣкѣ столько плотовъ и судовъ съ лѣсными матеріалами, сколько сможетъ и, насколько хватитъ его силы и денегъ.

И такъ все шло семейнымъ образомъ, тихо, покойно и въ сладкихъ радостяхъ дружбы, любви и обоюднаго обогащенія. Но времена перемѣнились. Жизнь нашу, эту не раскопанную помойную яму, слегка тронули, и поднялась изъ ямы вонь, и былъ по всей землѣ русской смрадъ великій и дымъ, закоптившій бѣлыя стѣны многихъ присутственныхъ мѣстъ мутно грязнымъ цвѣтомъ. Вездѣ слышалось слово «гласность», и старые чиновники, построившіе на имя своихъ женъ каменные дома, тоже кричали про гласность и порицали взяточниковъ. Малыя

ребята, подражая старшимъ, твердили про необходимость возрожденія и, лазая по крышамъ, истребляли галокъ, считая ихъ за взяточниковъ; а фельетонисты, избѣгавъ полгорода и натыкавшись своими чуткими носами во всѣ углы, и во всѣ переулки, и во всѣ кухмистерскія, съ пѣной у рта садились за столъ и строчили по десяти тысячъ строкъ, варіируя на разные тоны слово «гласность». Наконецъ, кто-то сказалъ даже словами Пушкина, что гласность—«когтистый звѣрь, скребущій сердце человѣка». Ну, словомъ, всякій дуракъ писалъ и кричалъ и только одни умные люди старались не обращать вниманія на общую трескотню и сохраняли упорное молчаніе. А ломка шла все сильнѣе и сильнѣе съ каждымъ днемъ—что твое разрушеніе Помпеи! Поднялся шумъ, трескъ и грохотъ, и думали многіе изъ довѣрчивыхъ людей, что наступаетъ новая эра, и трусливые лѣсничіе низко опустили свои головы, боязливо придерживая карманы, набитые деньгами, и глубоко вздыхая, взводили очи горе, какъ бы прося защиты у небесъ. Да, много было шуму и много во время этого шума и треска было обдѣлано «подъ шумокъ» хорошихъ дѣлъ: дескать, напослѣдокъ, все равно, можетъ быть, завтра въ Сибирь сошлютъ

Но чѣмъ сильнѣе и сердитѣе буря, тѣмъ скорѣе она оканчивается. Такъ было и съ гласностію, такъ было и съ лѣснымъ дѣломъ. Теперь, впрочемъ, все-таки времена другія, и повѣрка лѣсныхъ матеріа-

ловъ дѣлается иначе. Теперь уже утратился тотъ семейный элементъ, какой мы видѣли прежде, теперь ужь нѣтъ того комфорта, какъ бывало: сидитъ себѣ въ своей квартирѣ лѣсничій и лупитъ пачками кредитные, нѣтъ теперь уже не то. Прилетѣли другія птицы и поютъ онѣ другія пѣсни. Теперь уже лѣсничій ни за какія деньги не согласится брать въ своей квартирѣ. Я, говоритъ, долженъ быть на мѣстѣ сплава лѣсныхъ матеріаловъ, я, говоритъ, долженъ его повѣрить; и ѣдетъ онъ къ берегамъ рѣчки Кульмези или другой подобной и живетъ тамъ въ продолженіе всей весны, смотритъ, какъ сплавляютъ лѣсные матеріалы, считаетъ плоты, барки и потомъ уже получаетъ за свои заслуги. Теперь уже и того нѣтъ, чтобы кредитные на свѣтъ разсматривать, «не фальшивые-ли». Тутъ ужь не до того, а просто взялъ поскорѣе, да сунулъ въ карманъ, чтобы другіе не замѣтили, а сосчитаешь уже у себя дома.

— Да-а! Времена другія! вздыхая, говорятъ и лѣсопромышленники и опять заключаютъ, что «все это за грѣхи».

— За грѣхи, это какъ есть и на бобы не мѣчи!

— Грѣхъ по міру ходитъ! Да-а!

— Совсѣмъ не то, что прежде было! Прежде, бывало, отдалъ, и дѣло чисто, а нынче ходи за нимъ, да кланяйся, наговоритъ тебѣ сто коробовъ всякихъ умныхъ словъ, намахается руками, да потомъ уже возьметъ. Вспотѣешь пять разъ, слушая его.

— Тр-рудно! Что говорить!

— Прежде, бывало, отдалъ только одному, много двумъ, и шабашъ, а теперь съ тебя взлупятъ трое, а то либо четверо, да каждаго изъ нихъ по получасу слушай, да потѣй. Значитъ, деньги-то отдай, да и пріятства-то никакого!

Прогрессъ-то, собственно говоря, есть. Да-а! Радуюсь.

А Кусковъ съ Корчеминымъ, не смотря на то, что прогрессъ видѣнъ во всемъ, Кусковъ съ Корчеминымъ все-таки вздыхаютъ. Ходятъ и ѣздятъ они зиму-зимскую по лѣсамъ и чешутъ себѣ затылки: «какъ будемъ сплавлять? Сколько надо платить?»

— А вѣдь этого прежде братъ, Корчеминъ, не было?

— Чего это?

— А того, чтобы мы задумывались: «сколько отдать».

— Не было. Не было. Времена-то нонѣ трудныя!

— Да-а! Тр-рудно!

Есть недалеко отъ города У. деревенька Турокъ, стоитъ она на рѣкѣ Кульмезѣ и вблизи-то этой деревеньки живутъ весною купцы старообрядцы Кусковъ и Корчеминъ. Съ ними живетъ и начальство, повѣряющее сплавляемые по рѣкѣ лѣсные матеріалы. Живутъ они вмѣстѣ недолго, мѣсяцъ, два, оканчиваютъ повѣрку и мирно разъѣзжаются всякій на свое мѣсто. Разъ какъ-то въ числѣ началь-

ства жилъ на берегу Кульмези чиновникъ съ большимъ чиномъ и былъ въ первое время очень недоволенъ, что Кусковъ и Корчеминъ являлись къ нему въ балаганъ въ халатахъ; но это недовольство скоро прошло, такъ какъ большой чинъ узналъ, что Кусковъ владѣетъ пятью-стами тысячъ, а Корчеминъ семью-стами тысячъ рублей. Большой чинъ даже былъ доволенъ, что такіе тузы не женируются съ нимъ.

— Ты только, господинъ начальникъ, насъ узнай по короче, то тебѣ будетъ вольготно. Ей, ей! Говорили ему Корчеминъ съ Кусковымъ.

Большой чинъ до того разстаялъ отъ этихъ рѣчей, что въ тотъ же день нализался съ купцами водки и цѣловалъ ихъ мохнатые бороды.

— Др-друзья мои! Бр-ратья! восклицалъ онъ, валяясь на полу.

— Братья стали мы всѣ о Христѣ, это точно! Говорили купцы и тащили ослабѣвшаго чина на кровать.

— Бр-ратья! Сдѣлайте, чтобы мнѣ было вольготно...

— Вотъ теперь лежи. Теперь тебѣ вольготно... утѣшали купцы.

Большой чинъ спалъ и грезились ему золотыя горы денегъ, и на каждой монетѣ была надпись «вотъ теперь тебѣ вольготно».

— Бр-ратья! бормоталъ чинъ и тревожно мѣтался на протухшей купеческой перинѣ.

На утро слѣдующаго дня онъ гналъ нарочнаго въ городъ за докторомъ и долго не выходилъ изъ своего балагана. Но, не смотря на болѣзнь, Большой чинъ, возвратившись съ береговъ рѣки Кульмези, разсказывалъ въ губернскомъ городѣ, какой это хорошій и радушный народъ купцы, и какъ они нынче честно ведутъ свои дѣла, и какія громадныя силы таитъ въ себѣ русская земля.

Всѣ съ умиленіемъ слушали слова чина и только въ тайнѣ думали: «Ахъ, какъ бы хорошо было пожить на берегахъ рѣки Кульмези».

— Скажите, пожалуйста,—спрашивали чина слушатели,—говорятъ тамъ деревни бѣдныя, часто пожары бываютъ?

— О, да! Это отъ пьянства. Да. Вы знаете, крестьянинъ очень грубъ, необразованъ, ну вотъ и причина.

— А скажите пожалуйста, купцы какъ тамъ живутъ на рѣчкѣ Кульмезѣ, когда сплавляется ихъ товаръ?

— Живутъ хорошо. Порядокъ такой во всемъ; но я и наблюдалъ строго, чтобъ вовсемъ былъ порядокъ. Впрочемъ купцы народъ хорошій, трезвый...

— Ахъ ты бѣсъ! Ахъ ты бѣсъ! втайнѣ думали слушатели:—хапнулъ видно ты хорошо. По глазамъ видно, что хапнулъ! Ахъ ты бѣсъ! И отчего это судьба къ намъ не справедлива?

— А скажите пожалуйста, — продолжали допрашивать чина,—скажите какъ тамъ... расходы?..

— О, да! да! ничего... расходы купцы принимаютъ на свой счетъ. Да... добрый народъ!..

— Ишь, какъ его тамъ умаслили! Завидовали слушатели.

И такъ не смотря на раскапываніе помойной ямы, не смотря на коловратности міра сего, дѣла лѣсопромышленниковъ идутъ своимъ, чередомъ и всѣ до вольны. Иной разъ спроситъ кто-нибудь изъ большихъ начальниковъ, проѣзжая чрезъ лѣсныя губерніи,—«что это, говоритъ, господа купцы, вы лѣса истребляете безщадно»

Купцы кланяются и ораторъ Петръ Ивановичъ начинаетъ держать предъ его-ствомъ рѣчь, доказывая его-ству, что лѣса истребляютъ не купцы, а крестьяне, что «они все переселяются съ мѣста на мѣсто и каждый разъ строятъ себѣ новыя избы» Его-ство величественно слушаетъ, закусивъ верхнюю губу, а Петръ Ивановичъ уже вошелъ въ азартъ и не обращаетъ вниманія на то, что на столѣ стынетъ супъ, и что его-ство давно принюхивается къ запаху кушанья,

— Такъ вы говорите, что все это мужики истребляютъ лѣса? медленно, выпуская слово за словомъ перебиваетъ его-ство.

— Они, они, ваше-ство! Подсказываетъ Петръ Ивановичъ.

— Ну хорошо. Я прикажу, чтобы они не смѣли переселяться... Я ихъ водворю...

И, не окончивъ фразы, его-ство садится за столъ на первое мѣсто подъ образами.

— Я еще считаю долгомъ доложить ваше-ству,— продолжаетъ неугомонный Петръ Ивановичъ, но сотоварищи дергаютъ его за полу сюртука и стараются общими силами посадить на стулъ и «водворить на мѣстѣ». Его-ство заслышавъ слова Петра Ивановича, не выпуская изо-рта ложки, поднялъ было отъ тарелки свое лицо, но, замѣтивъ къ удовольствію своему, что Петра Ивановича «водворяютъ на мѣстѣ», снова углубился въ тарелку супа и началъ работать ложкой. Такъ ораторъ, считавшій долгомъ что-то доложить, умолкъ, и его-ство уѣзжаетъ отъ хлѣбосоловъ купцовъ, не услышавъ продолженія рѣчи Петра Ивановича. Проѣзжаетъ онъ чрезъ другой городъ, снова спрашиваетъ, снова слушаетъ, купцы сново откармливаютъ его такъ, какъ будто готовятъ на убой, и, уѣзжая, онъ снова медленно заключаетъ рѣчь: «А, такъ это крестьяне!?.. А!..»

— Ну хорошо. Я ихъ водворю...

— Водворить, водворить безпримѣнно надо, ваше-ство! а то они просто всѣ лѣса истребятъ...

— Я ихъ водворю... говоритъ полусоннымъ голосомъ его-ство и уѣзжаетъ.

Слѣдовательно, къ утѣшеніемо нашему все обстоитъ благополучно. Лѣсные матеріалы повѣряются

*

тоже какъ слѣдуетъ и тоже оказывается все благополучно, и его-ство благополучно возвращается къ своимъ пенатамъ и благополучно забываетъ о водвореніи крестьянъ, и только растройство желудка напоминаетъ ему о хлѣбосольствѣ русскаго купечества. «Да, купцы народъ радушный!» замѣчаетъ его-ство и принимаетъ порошки...

Но случись же такая бѣда въ 186... году, что въ числѣ повѣряющихъ лѣсные матеріалы попался человѣкъ «не отъ міра сего». Какъ его лѣсопромышленники не ублажали, какіе резонты непредставляли ему о томъ, что «вольготно будетъ» жить ему съ купцами въ совѣтѣ и любви, человѣкъ этотъ ни на что не соглашался, никакой суммы брать не хотѣлъ и требовалъ, чтобы повѣрка лѣсныхъ матеріаловъ была производима точно, безъ всякаго нарушенія казенныхъ интересовъ. Съ этимъ человѣкомъ «не отъ міра сего» никакія средства не оказались дѣйствительными, и даже знаменитая рѣчь Кускова о томъ, что всѣ мы братья и должны другъ друга тяготы носить,—даже и эта рѣчь прошла безслѣдно. Кусковъ и Корчеминъ опечалились, снова вспомнили, «что это за грѣхи», и въ чистосердечныхъ воздыханіяхъ проводили нѣсколько дней.

— Что же братъ, Кусковъ, намъ дѣлать? вопросилъ Корчеминъ. Кусковъ почесалъ свою сребровидную голову, потрепалъ длинную бороду и высказалъ

ту мысль, что «новый человѣкъ» совсѣмъ имъ «не по двору пришелся».

— Не подвору! Это исгиппо!

— Надо-бы его проучить, — сказалъ Корчеминъ.

— Да надо видно ужь на эту оказію идти, коли другаго средствія нѣту! подсказалъ Кусковъ.

Порѣшили они проучить новаго человѣка, но, сознавая всю важность своего предпріятія, пошли еще разъ къ новому человѣку, предложить ему «не дурѣть а жить въ мірѣ и любви».

— Слушай, баринъ, не дѣлай зла ни себѣ, ни другимъ. Говоримъ тебѣ толкомъ, бери двѣ тысячи серебромъ, сиди и жди конца,—предлагали Кусковъ и Корчеминъ.

— Пойдите вонъ! прикрикнулъ новый человѣкъ.

— Да ты не горячись, а выслушай съ разсудкомъ...

— Вонъ! вонъ!

— Говоримъ тебѣ въ послѣдній разъ, бери! Не возьмешь, тебѣ худо будетъ,—послѣ пожалѣешь!..

— Вонъ, говорю вамъ. Прочь съ глазъ моихъ. Я буду повѣрять все такъ какъ мнѣ велитъ законъ и совѣсть.

— Ну не пѣняй послѣ этого!..

Купцы пригрозили новому человѣку, но, видя, что и угрозы нисколько дѣлу не помогаютъ, стали дѣйствовать иначе. Они всю сумму, обѣщанную новому человѣку, роздали находившимся съ нимъ его подчиненнымъ и условились съ этими послѣдними

убрать новаго человѣка подальше отъ лѣснаго дѣла. Подчиненные были люди сговорчивые и не захотѣли отступать отъ мудраго правила: «когда даютъ, такъ бери».

— И чудесно! Молодцы вы, господа! и въ тысячу разовъ лучше вамъ отдать, чѣмъ этому барину! напѣвали купцы.

— Ясно, что въ насъ вся сила, что онъ одинъ можетъ сдѣлать! храбрились подчиненные.

— Извѣстно, гдѣ ему!

Наступилъ день, въ который подплыли къ мѣсту повѣрки первые плоты съ лѣсными матеріалами. Новый человѣкъ налетѣлъ, какъ орелъ.

— Стойте! крикнулъ онъ.

Плоты остановились. Новый человѣкъ потребовалъ билеты на право рубки лѣсовъ; Кусковъ и Корчеминъ отказались ихъ показывать. Новый человѣкъ покричалъ, покричалъ и распорядился, чтобы выгружали всѣ лѣсные матеріалы на берегъ.

— Ей, ребята! выгружай! кричалъ новый человѣкъ рабочимъ.

— Ей вы, олухи! Не смѣйте! Не смѣйте! кричали въ свою очередь купцы.

Рабочіе стояли, глядѣли то на купцовъ, то на новаго человѣка, чесались и не знали, кого слушать.

— Выгружайте! а то я васъ всѣхъ подъ судъ отдамъ! Въ Сибирь на поселенье сошлю! горячился новый человѣкъ.

— Не смѣйте ребята! Вы у насъ служите, отъ насъ хлѣбъ соль ѣдите, отъ насъ жалованье получаете! Не смѣйте выгружать! Мы хозяева, мы и отвѣтъ дадимъ! Кричали купцы.

— Выгружайте!

— Не смѣйте!

— Выгружайте!

— Не смѣйте!..

Кого слушать? какъ быть? А новые плоты одинъ за другимъ все прибываютъ и прибываютъ. Долго по берегамъ рѣки Кульмези слышался крикъ, долго въ сосѣдней горѣ раздавались слова: «Выгружайте! Не выгружайте!» Но наконецъ все смолкло. Новый человѣкъ остался побѣжденнымъ: рабочіе послушались своихъ хозяевъ и не стали выгружать на берегъ лѣсныхъ матеріаловъ.

Новый человѣкъ бросился къ своимъ сослуживцамъ и солдатамъ.

— Выгружайте ребята сами!

— Не возможно, ваше высокоблагородіе...

— Что вы? Что вы? Да я самъ буду вамъ помогать!

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе! Да намъ тутъ придется три года работать!

— Что же дѣлать! будемте работать три года...

— Лучше ваше высокоблагородіе, народу нанять, послѣ расходъ можно будетъ взыскать съ купцовъ, подскочилъ одинъ изъ подчиненныхъ.

Новый человѣкъ согласился на эту мѣру.

— Поѣзжайте! Сгоняйте изъ деревни народъ! Скажите, что за все будетъ заплачено наличными деньгами, тотчасъ-же по окончаніи работы. Я самъ изъ своего кармана отдамъ деньги.

— Такъ прикажете ѣхать?

— Поѣзжайте, поѣзжайте!

Подчиненный ѣхалъ, пріѣзжалъ въ деревню, пилъ чай и возвращался назадъ.

— Не идутъ, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ онъ новому человѣку.

— Отчего это? Какъ? почему?

— Не идутъ! громко объявлялъ подчиненный и потомъ, наклонившись къ самому уху начальника, шепталъ ему.

— Они, ваше высокоблагородіе, по всѣму вѣроятію, всѣ подкуплены купцами-съ.

— Подлость! Подлость! Мерзость!

— Они, ваше высокоблагородіе, смѣются-съ... снова шепталъ подчиненный,—они ваше высокоблагородіе, свиньи-съ, ихъ надо проучить...

— О! Я ихъ проберу! Я все это дѣло представлю куда слѣдуетъ! О! О! Я ихъ выучу!

И горячо восклицалъ новый человѣкъ, бѣгая взадъ и впередъ по берегу.

Плоты уже всѣ собрались и стоятъ около берега, ждутъ того времени, когда ихъ снова пустятъ внизъ по рѣкѣ. Новый человѣкъ горячится, а рабочіе ва-

рятъ себѣ кашу и нагло подсмѣиваются надъ сердящимся начальникомъ. Кусковъ и Корчеминъ важно сидятъ въ своихъ балаганахъ и попивая, чаекъ, хихикаютъ себѣ подъ носъ.

— Мы тѣ братъ обработаемъ! Да-а!

— Мы тѣ братъ, тово... прокалимъ!

— Они, ваше высокоблагородіе, — сново шепталъ подчиненный новому человѣку, — они всѣ свиньи и надо ихъ проучить!

— Я ихъ проучу! горячился новый человѣкъ.

— Нѣтъ, вы, ваше высокоблагородіе, извольте сами съѣздить, да согнать народу. Васъ они не смѣютъ ослушаться, вы ихъ проберете!

Новый человѣкъ задумался.

— А какъ же здѣсь оставить? кто же будетъ смотрѣть, чтобы эти купцы не проплавили безъ меня свои сплавы?

— А я то на что, ваше высокоблагородіе! Помилуйте-съ! Да я буду день и ночь сидѣть на берегу! я, ваше высокоблагородіе, этихъ купцовъ терпѣть не могу, потому они все дѣлаютъ не по закону!

— О! Подлость! Подлость!.. Я все это выставлю предъ высшимъ начальствомъ!

— Слѣдуетъ. Слѣдуетъ, ваше высокоблагородіе, потому что не по закону... Теперь вы, ваше высокоблагородіе, извольте ѣхать и нагнать народу, а я здѣсь буду наблюдать строго, потому на нашихъ солдатъ тоже положиться нельзя...

— Да! Да!.. нужно смотрѣть зорко.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе!

— Смотрите! Законъ и совѣсть дороже всего!..

— Повѣрьте, все будетъ аккуратно. Я стр-рого!

Новый человѣкъ повѣрилъ своему подчиненному и поѣхалъ самъ сгонять народъ для разгрузки плотовъ. Не успѣлъ онъ отъѣхать отъ берега двадцати саженъ, какъ на плотахъ поднялась тревога.

— Отчаливай! Вали! Живо!

— Выгребай ребята! ыгребай на Всередину рѣки! Го! Го!

И плоты быстро поплыли внизъ по теченію рѣки.

— Работай! Работай! Веслами работай живо! Загребай руками!..

— Молодцы приналягте!

— Трогай! Трогай! Го! Го! Го!

— Молодцы ребята: сто рублей за васъ, — не деньги!

Плоты плывутъ, рабочіе помогаютъ теченію ихъ и чрезъ часъ, два, *все то, что было лишнее*, — уплыло изъ Кульмези въ другую рѣку, соединилось съ плотами другихъ лѣсопромышленниковъ, и, какъ говорится, всѣ концы были брошены въ воду!

Новый человѣкъ возвратился назадъ. Плоты стояли около берега, но это были плоты только съ тѣмъ количествомъ лѣсныхъ матеріаловъ, которое значилось, въ билетахъ выданныхъ на право вырубки лѣса.

— Ну что? Все благополучно? вопросилъ новый человѣкъ своихъ подчиненныхъ.

— Все обстоитъ благополучно!

— Вы смотрѣли за плотами? обратился онъ къ тому подчиненному, который совѣтовалъ ему ѣхать за рабочими.

— О, какъ же! Я тутъ все время, ваше высокоблагородіе, стоялъ, да вотъ и всѣ остальные сослуживцы, всѣ мы стояли на берегу и зорко смотрѣли за плотами...

— Не пропустили-ли вы плотовъ внизъ по рѣкѣ.

— Б-боже сохрани и помилуй. Мы все по закону и по совѣсти! Мы принимали присягу!.. Спаси Господи! Мы, ваше высокоблагородіе, берегли пуще глазу.

— Ну хорошо! Благодарю! сказалъ новый человѣкъ и обратился къ рабочимъ, которыхъ собралъ съ различныхъ деревень.

— Ну ребята! выгружайте!

Крестьяне двинулись къ плотамъ, но Кусковъ и Корчеминъ остановили ихъ.

— Погодите. Мы переговоримъ съ начальникомъ.

— Нечего вамъ со мной говорить! прикрикнулъ новый человѣкъ.

— Да вы послушайте. Мы дѣло вамъ скажемъ.

— Подлости только у васъ на умѣ, а не дѣло...

— Ей-Богу дѣло скажемъ. У насъ все вѣрно по билетамъ, сейчасъ умереть,—вѣрно!

— Давайте билеты! потребовалъ новый человѣкъ.

— Пропускайте плоты, одинъ за однимъ и считайте, а потомъ мы вотъ и билеты представимъ...

— Нѣтъ! Если у васъ законное количество матеріаловъ, то вамъ нечего было раньше ломаться, нечего и теперь комедіи строить. Давайте билеты и тогда я буду повѣрять, какъ законъ повелѣваетъ!

Купцы усмѣхнулись и почесали себѣ бока.

— А ежели законъ повелѣваетъ, такъ мы супротивъ закону идти не хотимъ. Ежели ты хочешь дѣйствовать, какъ слѣдоваетъ, то изволь и билеты!

— Что, видно попались! Струсили!

— Пошто трусить. Дѣлай по закону, такъ намъ нечего трусить!

Подали купцы билеты. Новый человѣкъ взялъ ихъ къ себѣ и думалъ, что если купцы ранѣе не рѣшались выдавать билетовъ, то слѣдовательно чего нибудь опасались, а опасаться имъ было нечего, кромѣ того лишь, что у нихъ лѣсныхъ матеріаловъ сплавляется больше противъ того количества, какое значится въ билетахъ.

Основываясь на этомъ выводѣ, новый человѣкъ приказалъ выгружать весь лѣсной матеріалъ на берегъ, бывъ совершенно увѣренъ въ томъ, что матеріаловъ больше законнаго числа.

Много-ли, мало-ли времени пошло на работу, но она наконецъ окончилась и на берегу рѣчки Куль-

мези лежало матеріаловъ *именно столько, сколько значилось въ билетахъ.*

Новый человѣкъ былъ поражонъ, какъ громомъ.

— Такъ вотъ теперь мы съ тобой, ваше благородіе, поговоримъ! потѣшались Кусковъ и Корчеминъ,—прежде ты надъ ними бахвалился, да носъ-то задиралъ къ верху выше лба, а теперича на нашей улицѣ праздникъ-то. Мы тебѣ полушубокъ-то взлупимъ! хе! хе! хе!

Убитый, задавленный, но честный человѣкъ ушелъ въ свой балаганъ, и одинъ только Богъ знаетъ, что у него было на сердцѣ. Онъ все понялъ! Онъ, по выраженію лицъ самодовольныхъ купцовъ, по ироническимъ улыбкамъ своихъ подчиненныхъ, по дикому хохоту рабочихъ увидѣлъ, что былъ нагло, низко и подло обманутъ.

А купцы между тѣмъ не переставали потѣшаться надъ новымъ человѣкомъ.

— Давали тебѣ деньги, не бралъ, теперь съ тебя возьмемъ. Теперичка ты будешь до самаго своего смертнаго часу насъ вспоминать! Да—а!

— Мы теперичка тебѣ зададимъ жару! Мы тебѣ голову-то взмылимъ.

Новый человѣкъ просилъ ихъ выйдти изъ балагана и оставить его одного, но Кусковъ и Корчеминъ не обращали на его просьбы вниманія и подперши руки въ боки, тѣшились надъ новымъ человѣкомъ.

— Ну-ко-ся ваше благородіе, прикажи-ко наши плоты нагружать! а!

— Сдѣлай милость, ваше благородіе, потороши своихъ-то рабочихъ поскорѣе ворочаться, а то вонъ рѣка-то мелка стаетъ.

Новый человѣкъ молчалъ.

— Рѣка-то, братъ, ваше благородіе, не сегодня завтра совсѣмъ обмелѣетъ, потому теперичка ужь на убыль она пошла. Да. Товарцы-то наши не дойдутъ до мѣста-то, а изволь-ко ты, ваше благородіе заплатить намъ протори и убытки.

— Да еще и забезчестье мы съ тебя слупимъ!

— Теперичка мы изъ тебя можемъ дѣлать, что только душѣ будетъ угодно! захочемъ въ дугу согнемъ, захочемъ на оглоблю изведемъ. Все наша воля!

— Хе! Хе! Хе! пріунылъ! Посѣдѣла, значится, головушка буйная, не отъ время, не отъ лѣтъ, — все отъ безвременья!..

Долго потѣшались купцы надъ новымъ человѣкомъ.

Рѣка дѣйствительно часъ отъ часу мельчала и лѣсные матеріалы не могли быть сплавлены по рѣчкѣ Кульмезѣ въ другую болѣе глубокую рѣку. Остались они на сухомъ берегу и лѣсопромышленники-купцы Кусковъ и Корчеминъ завели съ новымъ человѣкомъ дѣло объ убыткахъ и безчестьи. «Товары наши лѣсные, — писали они въ своихъ проше-

ніяхъ, — «лежатъ теперь на берегу, и мы не могли исполнить своихъ обязательствъ съ купцами такими-то и такими-то, которымъ должны были по контракту доставить товары на іюль мѣсяцъ. Все это произошло отъ беззаконныхъ дѣйствій новаго человѣка (такого-то: имя рѣкъ) и потому просимъ: дабы повелѣно было взыскать и насъ удовлетворить и проч. и проч.» Все по закону и на основаніи извѣстныхъ статей извѣстнаго тома. Свидѣтелей на сторонѣ купцовъ явилось множество, на сторонѣ же новаго человѣка не было никого. «Такъ отъ крѣпкаго дуба отпадаютъ листья и непобѣдимый царь лѣсовъ остается на произволъ вольной стихіи.»

Чѣмъ кончилось это дѣло, основанное на законномъ основаніи, — мы не знаемъ. Знаемъ только, что господа лѣсопромышленники Кусковъ и Корчеминъ здравствуютъ и благоденствуютъ, а вмѣстѣ съ ними здравствуютъ и благоденствуютъ и другіе лѣсопромышленники, потому что всѣ они одного поля ягоды. Впрочемъ, со времени описываемыхъ событій, прошло уже нѣсколько лѣтъ, — теперь, можетъ быть, ничего подобнаго не случается; теперь, можетъ быть, купцы ни одной щепки не сплавляютъ, не оплативъ ее предварительно пошлиной; теперь, можетъ быть, въ зимніе морозы на улицѣ цвѣты разцвѣтаютъ! Все можетъ быть!..

Весной прошедшаго года намъ случилось снова быть въ той сторонѣ, гдѣ «вблизи лѣсовъ сосновыхъ» жмутся одна къ другой кривыя и косыя избушки крестьянъ.

Возница опять разговорился съ нами.

— Живемъ мы ничего болполушно, толькй вотъ пожары насъ шибко донимаютъ! Нонѣ вотъ опять по веснѣ-то выгорѣло три деревни. Божеское попущеніе! Батюшко-попъ говоритъ: прогнѣвался Господь! Грѣховъ, говоритъ, на васъ много, да!

Возница вздохнулъ и почесался.

— Вотъ сейчасъ поѣдемъ,—продолжалъ онъ, — мимо деревеньки «Высоки горы», всю ее спалило!

— Крыши у васъ плохи...

— Чаво плохи! крыши какъ есть...

— Соломой крыты. Лѣто жаркое, одна искра и пожáръ!

— Говорю тѣ, не отъ того,—за грѣхи вишь...

— Отчего-же крыши-то не кроете тесомъ?

— Лѣсу-то вишь нѣтъ, а купить ненашто...

— Да вотъ лѣсъ подъ бокомъ.

— Это козенной. Его безъ билета не моги брать, коли себя не жаль. Стр—рого у насъ! Просили было онамеднясь бурелому «на погорѣлое мѣсто». Нельзя, сказали. А буреломъ лежитъ, гніетъ...

— Отчего нельзя-то?

— Казенный, говорятъ, нельзя.

— А купцы-то какъ же берутъ?

— Купцы по билетамъ берутъ. Пошлину платятъ...

— А безъ билета развѣ не случается имъ брать?

Ямщикъ повернулся ко мнѣ лицомъ и сказалъ:

— Какой ты, баринъ, простой, я погляжу!...

И больше ничего не сказалъ.

Проѣхали мы мимо погорѣвшихъ «Высокихъ горъ» Мужики и бабы, печально понуривъ головы, двигались по пепелищамъ, на которыхъ торчали только одни жалкіе остатки развалившихся печей. Гдѣ-то въ сторонѣ отъ дороги, на мѣстѣ погорѣвшей избы, мужикъ уныло тянулъ пѣсню.

«Охъ ты горе великое!
Тоска печаль несносная!»

Звукъ его печальной пѣсни долеталъ до нашего слуха и наводилъ на грустныя размышленія. Вспомнилась намъ при этомъ «Запѣвка» Мея.

«....» Не сама собой ты спѣлася—сложилася:
Съ пустырей тебя намыло снѣгомъ-дождикомъ,
Нанесло тебя съ пожарищъ дымомъ-копотью,
Намело тебя съ сырыхъ могилъ мятелицей...

ЛЕГКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ.

Тихо и невозмутимо тянется жизнь города Само варова, одного изъ многихъ, ему подобныхъ, кра сующихся мелкими точками на картѣ Россіи. Глу бокій песчаный оврагъ пересѣкаетъ это скромно захолустье и съ наступленіемъ весны нарушает спокойно-лѣнивую жизнь Самоваровскихъ граждан сухой оврагъ вдругъ превращается въ бурную шу мящую рѣку—масса мутно-грязной воды съ страш ной быстротой несется по оврагу и подрываетъ сва городскаго моста. Жители города оставляютъ сво занятія и спѣшатъ къ крутому берегу оврага по любоваться на даровое зрѣлище. Нѣкоторые съ глу бокимъ, сердечнымъ сокрушеніемъ, покачиваютъ го ловами и жалобно взглядываютъ на матовыя под порки, приговаривая: «Охъ, вывалитъ она собака вонъ энтотъ столбъ-отъ, опять придется какъ-ни какъ подпирать мостишко.» Другіе, напротивъ, ст

нетерпѣніемъ ждутъ того момента, когда повалятся столбы въ воду и втайнѣ думаютъ: «Эхъ кабы еще столбика три выбурило, важно-бы мостъ-то грохнулся съ тр-рескомъ!»

— По курьерской мчится! дѣлаетъ замѣчаніе одинъ изъ уѣздныхъ чиновъ, слѣдя глазами за мелькающей въ мутныхъ волнахъ бочкой.

Изъ толпы слышатся различные отзывы.

— Важно!

— Этакая гадость этотъ оврагъ!

— Эхъ что-бъ тѣ, — бочка! Отколева взялась!

— Валяй!

— Охъ ты мнѣ, тошнехонько! вдругъ раздается жалобный, пискливый голосъ дряхлой старушонки, забравшейся тоже въ толпу, поглазѣть какъ *дуритъ* оврагъ.

Три-четыре теплыхъ апрѣльскихъ дня шумомъ шумитъ и воемъ воетъ Самоваровскій оврагъ. Съ утра до вечера толпа любуется быстрымъ, сердитымъ бѣгомъ воды, и только къ полночи, когда воздухъ начинаетъ свѣжѣть, зрители по немногу и какъ-то нехотя расходятся по домамъ.

— Прощай Кузьма, ноги озябли, какъ-бы въ оправданіе себя, говоритъ молодой парень товарищу.

— Куда тѣ несетъ, посмотримъ еще чуточку, може еще столбъ выворотитъ.

— Нѣтъ братъ, я пойду, а то пожалуй тятька встрепку задастъ, неравно на глаза попадешься.

*

Съ шумомъ и воемъ пронесется по оврагу масса грязной воды отъ сбѣжавшаго съ сосѣднихъ горъ снѣга, исковеркаетъ она дряхлый Самоваровскій мостъ и изчезнетъ изъ оврага до будущей весны. Высохнетъ снова оврагъ и почетные граждане города, осторожно спустившись по песчаной крутизнѣ подъ мостъ, начинаютъ тщательно осматривать и дивиться на искалѣченный мостъ.

— Поработала—а! говоритъ, разводя руками, сѣдой гражданинъ, Самоваровскій градской голова.

— Да, Михаилъ Панфилычъ, точно што поработала, землю-то то есть самую на сажень изрыла.

— Ровно какъ Мамай войной прошелъ.

— Да, со вздохомъ заключаетъ Михаилъ Памфилычъ, подпорочки, видно, надо опять ставить и столбиковъ-то тоже два три поприбавить.

— Не безъ тово видно,—надо.

Порѣшили граждане починить искалѣченный мостъ, посмотрѣли еще на слѣды разрушенія и стали подниматься въ верхъ по крутому спуску.

Опустѣлъ давно берегъ оврага, никто не хотѣлъ болѣе смотрѣть на его сухое дно, и жизнь мирныхъ гражданъ снова вошла въ свои обычныя будничныя формы. Всѣ забыли о временно дурящемъ оврагѣ и всякій занялся своимъ дѣломъ. Но первый гражданинъ города Самоварова, Самсонъ Силычъ Богатѣевъ, не забывалъ о городскомъ мостѣ, болѣло гражданской скорбію его сердце, при видѣ погнув

шагося и пошатывающагося отъ ѣзды дряхлаго моста.

— Ахъ, кабы Господь мнѣ помогъ! вскрикивалъ Самсонъ Силычъ, ударяя себя въ грудь массивнымъ кулакомъ своей богатырской руки: сердце мое страдаетъ, хочу я выстроить новый мостъ на пользу отчества.

Зеленые глаза Самсона Силыча наливались слезами, когда приходила ему мысль послужить на полезное общественное дѣло.

Читатель можетъ подумать, что Богатѣевъ самъ не имѣлъ средствъ, чтобы привести свое легкое намѣреніе въ исполненіе. Подумать можетъ—это вѣрно; но, подумавъ, ошибется жестокимъ образомъ. У Богатѣева денежная сила была необъятная, въ городѣ онъ былъ первый богачъ и, не смотря на то, что велъ торговлю въ пяти городахъ разными товарами, онъ былъ еще награжденъ судьбою такимъ излишкомъ денегъ, что ежегодно выдавалъ подъ векселя изъ процентовъ до милліона руб. сер. А отчего онъ такъ долго думалъ о предстоящемъ подвигѣ на общественную пользу, на это были свои уважительныя причины. Любилъ онъ дѣлать добрыя дѣла безъ убытку для себя, и удавалась ему эта штука отмѣннѣйшимъ образомъ.

Такъ же точно призадумался Богатѣевъ и надъ постройкой. Долго онъ думалъ, и къ августу свѣтлая

мысль осѣнила его посѣдѣвшую голову; даже заплакалъ отъ радости.

— Что это ты, дитятко, плачешь? заботливо спросила Богатѣева старушка мать.

— Вотъ что, мамонька, перебилъ рѣчь старухи сынокъ,—хочу я нашему городу благодѣяніе сдѣлать: мостъ черезъ оврагъ устроить. Старый-то больно плохъ.

— Да какъ же, дитятко, вѣдь это ужь суетное дѣло, земное... Зачѣмъ же деньги-то тратить, кабы для души спасенія, а то—мостъ...

— Нѣтъ, мамонька, ты безтолкова, бухнулъ сынокъ.

— Что ты, что ты дуракъ, мать-то ругаешь? вступилась за обиду старуха. Да вѣдь я на свѣтѣ семь десятковъ прожила; мало-ли я чего видѣла, да слышала,—кричала она все громче и громче.

— Ну, мамонька, прости — хотѣлъ успокоить Самсонъ Силычъ разгнѣванную старуху, но старуха не унималась, дряхлая голова ея тряслась на сгорбленномъ тѣлѣ, и, стуча высохшимъ кулакомъ объ столъ, она продолжала: да я сама 5 лѣтъ купцомъ была, капиталъ вносила... Да ты что, очумѣлъ што-ли сегодня?

Самсонъ Силычъ, во время монолога старухи, прибиралъ на столѣ бумаги и, желая прекратить начавшуюся бурю, снова сталъ просить прощенія. Мамонька, прости ты меня грѣшника окаяннаго, закричалъ онъ громче старухи.

— Ну то-то, смотри у меня!..

Богатѣевъ поспѣшилъ убраться поскорѣе изъ комнаты. Чрезъ нѣсколько минутъ появился онъ на крыльцѣ лавки въ обыкновенномъ своемъ костюмѣ—халатѣ, на бѣлечьемъ мѣху. Постоялъ, посмотрѣлъ по сторонамъ и, увидя идущаго по другой сторонѣ улицы мѣщанина, подозвалъ его къ себѣ. Мѣщанинъ, заслыша его голосъ, снялъ блинообразную фуражку, запахнулъ старый армячишко и, шагая черезъ улицу, не переставалъ кланяться, встряхивая длинными волосами.

— Чево угодно, Самсонъ Силычъ?

— Чево мнѣ отъ тебя угодно,—ничево не угодно, а то што я вамъ дуракамъ хочу мостъ черезъ оврагъ построить, вотъ што!

— Завсегда за васъ будемъ Бога молить, за эту вашу, значитъ, добродѣтель, денно и ночно, можно сказать за ваше благоутробіе, возносить молитвы,— низко кланяясь льстиво наговаривалъ косматый мѣщанинъ, придерживая фуражку наотмашъ.

— А ты нынче чѣмъ занимаешься? ласково спросилъ Богатѣевъ.

— Да такъ... то-ись, больше быдто по субботамъ на базарѣ кое-што на счетъ муки, перепродать примѣрно... Знаете сами наши достатки, такъ какъ теперча вы люди умные, то вамъ все это не безъизвѣстно.

— Такъ, такъ. Ты парень славной, славной парень, почтительной.

— Завсегда, если бы приказали только, примѣрно, готовъ сичасъ—въ огонь и въ воду, ударивъ себя въ грудь, прошепталъ страстнымъ шопотомъ мѣщанинъ, замѣчая, что Богатѣевъ отъ его льстивыхъ рѣчей, разнѣжился, какъ котъ, у котораго щекочутъ за ухомъ.

— Ладно, ладно. Вотъ что братъ, я тебя досмотрщикомъ при работѣ сдѣлаю.

Мѣщанинъ упалъ въ ноги Богатѣева.

— По гробъ моей жизни не забуду вашей милости. Дѣтямъ и внукамъ закажу молиться за вашу милость.

— Не кланяйся, не кланяйся. Охъ Господи, Господи... Поди-ко ты теперь обѣги домовъ пять купеческихъ (Богатѣевъ переименовалъ фамиліи купцовъ), да попроси ихъ ко мнѣ на полчасика, Самсонъ Силычъ, молъ, зоветъ.

Мѣщанинъ, нежданно, негаданно получившій мѣсто, бросился бѣгомъ, не слыша подъ собой ногъ.

— Что тебѣ парень? спрашивали купцы запыхавшагося парня.

— Да вотъ такъ и такъ Самсонъ Силычъ приказали просить къ себѣ на полчасика.

— Что за оказія! Чево тамъ у него? предчувствуя недоброе, озабоченно спрашивали купцы.

Мѣщанинъ, задыхаясь и захлебываясь, торопливо заговорилъ.

— Объ этомъ мнѣ совсѣмъ не извѣстно. Только какъ значитъ я, то есть давича шелъ по улицѣ мимо лавки Самсона Силыча, и они, то есть сами Самсонъ Силычъ, изволили меня подозвать,—дескать Прохоровъ я тебя завсегда знаю, и ты долженъ у меня за всѣмя работами смотрѣть, потому какъ ты то есть...

— Да постой, постой, перебивали купцы, чево ты, ровно трещотка трещишь. Ты скажи основательно, какія тамъ работы, гдѣ?

— Мостъ они изволили выдумать построить. Я, говоритъ, городу хочу благодѣтель свою оказать, потому говоритъ, чтобы чувствовали...

— Какой тамъ мостъ опять?

— Да черезъ оврагъ, значитъ.

— Зачѣмъ же насъ-то зоветъ?

— Этого я не могу знать, а може такъ примѣрно имъ скушно, такъ видно на чай просятъ. Такъ сказали, позови, говоритъ, такова-то и такова-то на полчасика.

Почесали купцы свои головы,—знали они давно, что Богатѣевъ попусту въ гости не позоветъ, а ужь видно, думали они, какой нибудь тутъ есть фортель.

— А не ходить бы ребята? толковали нѣкоторые изъ купцовъ.

— Эхъ тебя дернуло! Ты разѣ не знаешь, что онъ—сила!

— Ну такъ что же?

— А тоже, что захочетъ, такъ доѣдетъ. Вотъ теперь хоть на бобы не мѣчи, а ужь у него какая нибудь фигура на умѣ засѣла, не даромъ мостъ-то задумалъ строить.

— Н-ну?

— Вотъ-те Христосъ!

— Притча!

Собрались граждане въ большія хоромы своего собрата. Велѣлъ онъ подавать чай и предложилъ даже гостямъ рому.

— Я бы самъ выпилъ съ вами, но вѣдь я не пью, не пью ничево, то есть, хмѣльнаго въ ротъ не беру.

— Точно. Это мы всегда знаемъ.

— Вотъ у меня покойный тятенька пивомъ зашибался, не тѣмъ будь помянутъ, прокуратъ былъ покойникъ, царство ему небесное!

Богатѣевъ вздохнулъ, помолчалъ съ минуту и началъ опять угощать гостей.

— Пожалуйте, пожалуйте, господа... да вы бы въ накладочку искушали.

— Нѣтъ ужь съ угрызеніемъ тово... лучше.

Всѣ гости сидѣли вокругъ ломбернаго стола и быстро опустошали стаканы. Изрѣдка слышались тяжолые вздохи. Въ комнатѣ было жарко, свѣчи

сальныя нагорѣли, и Самсонъ Силычъ снялъ съ нихъ нагаръ своими богатырскими, толстыми пальцами, плюнулъ потомъ на нихъ и выбросилъ нагаръ на полъ. Гости поочередно вынимали изъ-за пазухъ платки и обтирали ими вспотѣвшіе лбы. Нѣкоторые съ ожесточеніемъ злобно отгрызывали отъ кусковъ сахаръ и принимались снова тянуть съ блюдцевъ чай.

— Эй, дѣвка! Эй, Маланья! Тащи-ко, тащи-ко еще по стакану, подкрикивалъ по временамъ Самсонъ Силычъ.

— Да ужь однако бы и тово... кажись, много довольны...

— Ничево, ничево, нужды нѣтъ, по стаканчику еще дернемъ всѣ, не разорветъ вѣдь.

Выпили еще чаю и поставили стаканы дномъ къ верху, помѣстивъ на донышко огрызки сахару, дескать—шабашъ. Потомъ встали изъ-за стола, помолились Богу, поблагодарили хозяина и молча усѣлись.

Самсонъ Силычъ крикнулъ Маланью, велѣлъ убрать стаканы и повелъ такую рѣчь.

— Я, господа, знаете, давно уже собираюсь все торговлю открыть тѣмъ товаромъ, которымъ вы торгуете, то есть, значится, чаемъ кантонскимъ. Думаю такъ теперя покупать его, примѣрно въ Англіи, за наличныя деньги, оно выгоднѣе вашего будетъ.

Купцы переглянулись между собой. Послышались глубокіе вздохи и лбы снова обтирались платками.

— Дѣло это Самсонъ Силычъ, несмѣло началъ одинъ изъ вздыхавшихъ,—это дѣло, повѣрьте чести, плевое, совсѣмъ не по васъ, потому право—мелкота. Нашему брату оно какъ будто только немного и ладно.

— Маркое дѣло! пыль эта опять, ходишь во время торгу-то, ровно арабъ изъ черной арапіи пріѣхалъ, подхватилъ другой.

— Да и то надо сказать, тоже вѣдь и хлопотливо. Теперича за моря эфти самые посылать, капиталу можно неровно рѣшиться, если такъ, оборони Богъ, вдругъ—буря.

— Море, извѣстно—страсть! да вѣдь и телушка, говорятъ, за моремъ полушка, а перевозъ—рубль.

Богатѣевъ старался показать, что онъ внимательно слушаетъ рѣчи гостей и молчалъ. Зналъ онъ хорошо весь ходъ ихъ дѣла съ кантонскимъ чаемъ, зналъ, что они покупаютъ его въ Москвѣ и Петербургѣ въ кредитъ, и если не торговалъ имъ самъ, то потому, что имѣлъ всегда источники для своихъ оборотовъ въ другихъ торговыхъ дѣлахъ. Зналъ онъ также и то, что купцы, имѣя небольшіе капиталы, боятся его конкуренціи и будутъ готовы откупиться деньгами, лишь-бы только онъ не вмѣшивался въ ихъ торговлю.

— Не посылайте Самсонъ Силычъ за моря, зачѣмъ вамъ, у васъ и то дѣлъ-то столько, что не перечтешь; какъ вы только съ ними управляетесь.

— Съ Божіею помощію, господа, съ Божіею помощію. Вотъ и теперь думаю отправить по осени двухъ молодцовъ въ Англію.

— Напрасно: ей Богу напрасно, да и въ писаніи сказано, «море велико и пространно».

— Обидно, то есть и для насъ-то, какъ будто, примѣрно, хлѣбъ отбивать хотите.

Богатѣевъ вскочилъ со стула и приложилъ руку къ сердцу.

— Господи меня сохрани и помилуй! произнесъ онъ, крестясь и набожно взглядывая въ передній уголъ: какъ же можно, господа, это, вѣдь вольному воля, я вамъ не могу запретить, чѣмъ вы захотите торговать,—какъ же вы говорите, что я у васъ хочу хлѣбъ отбивать. Совсѣмъ неосновательно.

— Да вѣдь ваши капиталы нашимъ далеко не родня.

— Ну вѣдь это дѣло темное, вы моихъ денегъ не считали, можетъ быть, я милліона два долженъ другимъ.

Купцы вздохнули. Наступило тяжелое молчаніе.

— Пожалѣли бы насъ, Самсонъ Силычъ, оставили бы это дѣло...

— Я господа всегда готовъ, только знаете, всякой свою выгоду соблюдаетъ, — нельзя. А у меня теперь посмотрите какіе расходы—не напасешься! Вотъ я нонѣча тоже думаю для нашего города благодѣяніе сдѣлать, мостъ черезъ оврагъ построить,

а на него тоже худо-худо тысячи три или четыре нужно.

— Дорогой ужь вы больно хотите строить-то, сказалъ одинъ изъ купцовъ, замѣчая, въ которую сторону гнетъ Богатѣевъ.

— Чево же тутъ дорогова? Ужь если строить, такъ что-бы значитъ, какъ есть все въ порядкѣ. А то что-же теперь вонъ старый-то мостъ, лѣтъ ужь съ десять все подпорками подпираютъ и ѣздить-то по немъ страшно. Вонъ давеча я смотрѣлъ, одна старушка подобрала подолишко-то, чтобы послѣднюю одежонку не испортить, да и покатилась по песку въ оврагъ, а тамъ въ гору-то карабкалась, карабкалась, инда жалко мнѣ стало. Я еще нарошно перешолъ на ту сторону, да и спросилъ ее: чево, говорю, бабушка, ты по мосту-то не шла? Охъ ты, говоритъ, родимой мой батюшко, да вѣдь мостъ-то дрожмя дрожжитъ, того и гляди провалишься съ нимъ вмѣстѣ. Вонъ она статья-то какая!

Купцы опять вздохнули. На лбахъ у нихъ крупными горошинками выступилъ потъ.

— Это все справедливо, слова ваши вѣрны, только бы намъ значитъ на счетъ кантонскаго чаю хотѣлось васъ попросить. Мы-съ ужь на этотъ мостъ по силѣ возможности лепту принесли-бы.

— Это-бы намъ вальготнѣе...

— Мы-бы то есть, если на этотъ мостъ, могли-бы тысячу цалковыхъ пожертвовать.

— А какъ-же мнѣ-то господа дѣлаться, своихъ што-ли три-то прибавить? съ насмѣшкой спросилъ Богатѣевъ.

— На это вы, какъ будетъ угодно...

— Нѣтъ господа у меня и безъ моста расходовъ много. А вотъ что: если вамъ угодно, я три года торговать кантонскимъ чаемъ не буду и возьму съ васъ за это, на постройку моста, четыре тысячи цалковыхъ.

— Самсонъ Силычъ, вѣдь это махина денегъ.

— Мы значитъ, почитай, всѣ барыши тутъ положимъ.

— Ну какъ хотите, воля ваша.

— Двѣ-бы хоть тысячи...

— Не могу.

Наступило молчаніе.

— Такъ какъ-же? Самсонъ Силычъ.

— Четыре тысячи, меньше не могу.

— Да мы-бы полтысячи-то накинули, такъ и быть ужь...

— И не говорите.

Купцы потолковали между собой шопотомъ и порѣшили дать три тысячи.

— Ну Самсонъ Силычъ, заговорили они всѣ вдругъ,—послѣднее слово—три тысячи!

— Господа! тоже вставая и прикладывая по обыкновенію руку къ сердцу, началъ Богатѣевъ: да развѣ я для себя? Развѣ я свои барыши тутъ со-

блюдаю,—все вѣдь для общественнаго дѣла, вѣдь это на пользу нашего города.

— Сбросьте хоть 500 рублей.

— Нѣтъ, господа, не говорите понапрасну. Помолимся, да и дѣло порѣшимъ съ Божіей помощью.

— Ну, а какъ-же теперь, потомъ, черезъ четыре-то года?

— Далеко это господа, будемъ-ли живы, нѣтъ-ли, сказалъ, вздыхая Богатѣевъ.

— Да вѣдь извѣстно,—живой человѣкъ живое и думаетъ. Все-же бы вы намъ сказали, какъ предполагаете...

— Все въ руцѣ Божіей, все въ руцѣ Божіей, смиренно отвѣчалъ Самсонъ Силычъ.

— Мы, Самсонъ Силычъ, у васъ примѣрно теперь, ровно крестьяне у помѣщика на оброкѣ.

Нахмурился лобъ Богатѣева, наморщились его густые брови, дернулъ онъ себя за сѣдую бороденку и грозно засверкали зеленые глаза.

— Да развѣ я у васъ для себя прошу? Да развѣ я васъ неволю? Какой это вы оброкъ выдумали, а? Эхъ вы! для общественнаго дѣла вамъ жаль, а тоже еще граждане! Ненужно мнѣ вашихъ четырехъ тысячъ, я сорокъ брошу, каменный мостъ построю, а торговлю кантонскимъ чаемъ всю отобью отъ васъ!

— Ну, сорокъ-то ты своихъ не бросишь, подумали про себя купцы, но сказать побоялись, изъ

опасенія, что пожалуй Богатѣевъ и по шеямъ выгонитъ, ибо это съ нимъ иногда бывало.

— Самсонъ Силычъ, вы извините христа ради. Мы согласны ужь дать четыре.

— Что мнѣ ваше согласіе! Эка невидаль! Да я вонъ за Мишку за сына двѣсти тысячъ рублевъ заплатилъ, а развѣ меня могли заставить, а?

— Какъ можно, помилуйте!

— Доброта ваша извѣстна всему свѣту!

— Самсонъ Силычъ склонилъ голову на руку и сидѣлъ у окна, смотря въ полъ. Въ комнатѣ было молчаніе, прерываемое изрѣдка вздохами гостей; догорающая предъ иконами лампада издавала легонькій трескъ. Прошло минутъ пять. Дѣвка, стоявшая за дверью и смотрѣвшая на гостей въ щелку, рѣшилась заглянуть въ комнату—живы-ли молъ,—что-то ужь больно затихло. Гости стали покашливать и тревожно повертываться на стульяхъ, но Богатѣевъ все сидѣлъ по прежнему склонивъ голову.

— Такъ какъ же Самсонъ Силычъ? робко спросилъ одинъ.

— Я сказалъ, какъ, поднимая голову, отвѣчалъ Богатѣевъ.

— Такъ мы согласны. Буди воля Господня!

— Давно-бы такъ!..

Богатѣевъ поцѣловался со всѣми по три раза.

— Ну, господа, теперь пишите условіе, а я подпишу.

— А какъ-же его, примѣрно, писать?

— Не лучше-ли бы, знаете того... въ Магистратѣ-бы писаря попросить.

— Такъ завтра ужь утромъ, заключилъ Самсонъ Силычъ.

— И то благо. Такъ прощенья просимъ.

— До свиданья, до свиданья. Такъ утречкомъ пожалуйте, и деньги кстати не забудьте приложить, подсказалъ имъ на дорогу хозяинъ.

— Хоть и на будущій годъ я строить мостъ-то буду, подумалъ онъ, ну да оно все не мѣшаетъ, пусть у меня полежатъ.

Гости вышли въ прихожую.

— Эй! Маланья, крикнулъ Самсонъ Силычъ, держи-ко свѣчу-то, да постой на лѣстницѣ, что-бы кто не ушибся,—темно тамъ. Прощайте господа, на предки не забывайте, попросилъ Богатѣевъ и ушелъ въ комнаты.

— Ваши гости, вздыхая отвѣчали купцы, спускаясь съ лѣстницы.

— Ну, ребята! нагрѣлъ онъ насъ здорово! слышалось на улицѣ въ темнотѣ.

— А слышалъ, еще сказалъ: напредки, говоритъ, не забывайте...

— Божеское наказаніе!

— Стой ребята, тутъ ровно озеро по серединѣ-то улицы, осторожнѣе, бери влѣво къ заплоту.

— И темень-же какая—глазъ выколи!

— Слуша-а-й! вдругъ пронеслось по темнымъ улицамъ.

— Стой-ко братцы, нога завязла въ грязи, не могу вытащить...

— Вотъ оказія-то намъ сегодня, это просто горе, со всѣхъ сторонъ горе!

Выбрались кой какъ граждане изъ грязи и пошли по набережной улицѣ, всякій къ своему дому. На утро Самсонъ Силычъ денежки получилъ и условіе подписалъ. Чрезъ годъ онъ началъ строить мостъ, а еще чрезъ годъ и построилъ совсѣмъ.

— Вотъ я какъ для города хлопочу. Вонъ какой мостище сбухалъ—чево это только мнѣ стоило—не сочтешь въ недѣлю! объяснялъ Богатѣевъ пріѣхавшему въ Самоваровъ купцу.

— Похвально это, очень то есть пріятно слышать.

— Мало-ли я тутъ добра-то всякаго понадѣлалъ, только ужь говорить-то не хочется... Охъ-охо! Господи помилуй!

Прошло четыре года. Въ августѣ, мѣщанинъ, попавшій на службу къ Богатѣеву, опять былъ отправленъ просить купцовъ, на полчасика пожаловать къ Самсону Силычу.

— Что тебѣ? спрашивали купцы мѣщанина.

— Самсонъ Силычъ приказали просить къ себѣ на полчасика.

— О Господи! Прости ты наши согрѣшенія!

— А что, онъ ничего не говорилъ на счетъ по-

стройки какой-нибудь? распрашивали купцы посланнаго.

— Нѣтъ-съ ничего. Поди говоритъ позови, просили молъ...

— Наказанье!

Самсонъ Силычъ между тѣмъ расхаживалъ по обширнымъ покоямъ своего дома и думалъ думу о томъ какъ-бы устроить на высокой горѣ, у большой рѣки мужской монастырь, но дума его постоянно нарушалась тѣмъ, что «дорого стоитъ». Лучше въ соборѣ иконостасъ новой сдѣлать, пришло ему на мысль и съ этой-то мыслію онъ сталъ поджидать своихъ гостей.

Гости медленно подвигались къ дому Богатѣева и толковали между собой, что если Самсонъ опять заворотитъ четыре, то лучше отступиться отъ торговли чаемъ и заняться другимъ дѣломъ.

Чрезъ три часа они возвращались обратно потные и раскраснѣвшіеся. Вѣтеръ неистово ревѣлъ по Самоваровскимъ улицамъ и хлопалъ ставнями оконъ. Купцы плотнѣе завертывались въ свои суконныя чуйки.

— Ну и погода!

— А вѣдь облапошилъ онъ насъ ребята опять

— Ладно хоть полтысячи выторговали...

— Оказія!

— Да вѣдь и иконостасъ-то еще доброй, так нѣтъ вѣдь, я говоритъ его пожертвовалъ въ сел

скую церковь—видишь што! Онъ на наши-то деньги таровагъ.

— Наказанье!

— Слуша-ай! чуть слышно пронеслось, сквозь шумъ вѣтра, стукъ ставень и хлопанье плохо припертыхъ воротъ.

Купцы разбрелись по домамъ.

— Что-то будетъ черезъ четыре года, о Господи Владыко, думали нѣкоторые у себя дома.

— Наказанье! вздыхая говорили другіе.

ВЪ ГЛУХОМЪ ЛѢСУ.

Лѣсомъ дремучимъ, чрезъ горы крутыя, и камни, и пни, и трясины
Путникъ усталый, томимый тоскою и страхомъ
Медленно шолъ раздвигая руками нависшія вѣтви деревьевъ;
Солнечный лучь ни однажды сквозь чащу деревьевъ не глянулъ,
Ни разу живительный вѣтеръ не тронулъ древесны вѣтви,
И только, въ безмолвномъ затишьи, прохожаго рѣчь раздалася:
Въ этихъ мѣстахъ не бывала отъ вѣка нога человѣка живаго,—
Это лѣса первобытные, это глухіе мѣста.

I.

Нынче не прежнія времена, нынче — мировой судъ!

— Н-да! говорилъ купецъ Самоваровъ,—нонѣ не та пора-а...

Говорилъ онъ такую фразу и чесалъ себѣ спину.

— Нонѣ, братцы вы мои, коли ежели кто кому въ мордасы съѣздилъ,—молись Богу, потому,—чистой доходъ.

Слушали умные люди умныя рѣчи купца Само-

варова и тоже приходили къ тому заключенію, что нынче не то время.

— Да, это правильно. . Нонѣ время совсѣмъ другое, замѣтилъ одинъ старикъ, — прежде бывало промежду нашихъ такъ, что поспорятъ, подерутся и конецъ; а нонѣ совсѣмъ не то, нонѣ все наровятъ судомъ, правое-ли, не правое-ли дѣло,—все въ судъ. Только и есть, что надоѣдаютъ судьямъ. Другое дѣло и вниманія-то не стоитъ, а то-же въ судъ...

Но купецъ Самоваровъ, слушая слова стараго человѣка, давно вышелъ изъ себя и засучивая рукава своей длиннополой сибирки, бѣгалъ скорымъ шагомъ по крыльцу гостиннаго двора.

— Ка-акъ! Оскорбленіе прощщать?! Нѣтъ, ш-шал-лишъ! Я братъ купецъ и своей чести даромъ не уступлю—вотъ что! Нѣтъ, ты меня удоблетвори, какъ полагается по суду и по-божески...

И дѣйствительно у гражданъ города Сутягина только и дѣла, что заводить между собой ссоры.

— Потому—нонѣ не тѣ времена, нонѣ—мировой!

Начинается судъ и оканчивается дѣло тѣмъ, что обиженный возстановляетъ свое поруганное имя и «удоблетворяется» взиманіемъ съ обидѣвшаго нѣкоей суммы презрѣннаго, но въ то же время и благороднаго (какъ это согласить!?) металла.

— Вотъ это въ правилѣ... Это вотъ по божье-

му. Пытаму я купецъ и должонъ строго свою честь соблюдать...

Говоритъ обиженный эту фразу и спокойно кладетъ въ карманъ своихъ брюкъ деньги, взятыя за безчестье. Такимъ образомъ оказывается по тщательномъ разсмотрѣніи вопроса, что обиженный лишился своей чести и получилъ новое безчестье. Возвращается обиженный въ гостиный дворъ, высоко несетъ свою голову, широко разставляетъ свои ноги и подпираетъ руки фертомъ.

— Стратилату Ефимычу! привѣтствуютъ собраты.

— Наше вамъ-съ! отвѣчаетъ Стратилатъ Ефимычъ и посматриваетъ на собратовъ съ высоты своего величія.

— Что, Стратилатъ Ефимычъ, никакъ сорвалъ рублевъ сотнягу?

— Можетъ статься! надмѣнно отвѣчаетъ Стратилатъ Ефимовичъ и еще выше задираетъ голову,—съ нами, братъ, не шути!

— Молодецъ!.. А вонъ, говорятъ, Стратилатъ Ефимычъ, что это не хорошо своей честью торговать, правда-ли это? спрашиваютъ собраты, завидующіе счастію Стратилата Ефимовича.

— Мало-ли что говорятъ, это намъ наплевать... А ты только знай свое дѣло, веди себя по божьему, обидѣлъ тебя кто,—бери свое; самъ, ежели кого обидѣлъ,—заплати, и шабашь!

— Это точно! соглашаются собраты,—это правильно!..

Умные вы, господа, люди, и пріятно слушать ваши рѣчи.

Случилась крупная обида, тому назадъ мѣсяца три, и случилась она слѣдующимъ образомъ.

Отправилъ Стратилатъ Ефимовичъ Самоваровъ своего довѣреннаго Курсана Курсановича Игнашкина на ярмарку. Игнашкинъ, какъ это всегда водится за нимъ, зашелъ безъ приглашенія въ гости къ своему сосѣду по квартирѣ, у котораго въ то время была вечеринка. Сосѣдъ былъ купеческій сынокъ Мирошинъ. Не понравилось ему посѣщеніе незваннаго гостя и, немного думая, онъ попросилъ его выдти вонъ.

— Вотъ у насъ въ этомъ углу образъ, а въ этомъ—дверь, не угодно-ли вамъ убираться.

Но Игнашкинъ не хотѣлъ уходить.

— Ты долженъ понимать, говорилъ онъ,—ежели я тебѣ сосѣдъ и дѣлаю тебѣ честь, такъ ты это долженъ восчувствовать.

— Убирайся, милый человѣкъ, своей дорогой.

Игнашкинъ вломился въ амбицію.

— Какъ ты смѣешь меня гнать? Я довѣренный Стратилата Ефимовича Самоварова. Знаешь-ли ты, кто такой есть на семъ свѣтѣ Стратилатъ Ефимовичъ?

Купеческій сынокъ ругнулъ Игнашкина, ругнулъ и его хозяина.

Догадливый Игнашкинъ, видя, что представляется прекрасный случай воспользоваться правиломъ своего хозяина и востановить поруганное имя, возвелъ въ благодареніе очи свои къ небесамъ и ушелъ, записавъ на бумажкѣ имена гостей, какъ свидѣтелей нанесеннаго оскорбленія. Возвратился Игнашкинъ въ свою квартиру и пригласилъ къ себѣ писаку-крючка.

— Строчи! Строчи все, что бы, какъ есть, на законномъ основаніи... Валяй! Обида молъ, свидѣтели такіе-то и такіе-то,—прошу удовлетворенія по уголовному закону... На три мѣсяца въ тюрьму!

Писака-крючекъ иронически улыбнулся.

— Вы неопытны: зачѣмъ вамъ уголовнымъ судиться, лучше гражданскимъ,—денежное вознагражденіе получите...

— Дуракъ ты! Оселъ!.. Строчи.

Писака хотѣлъ вломиться въ амбицію, но Игнашкинъ только показалъ ему на пустую комнату,—дескать, свидѣтелей нѣтъ, не ломайся.

— Ну строчи.

— Такъ по уголовному?

— Конечно по уголовному. Мы, братъ, энти порядки давно произошли, вотъ что. Деньгами-то по гражданскому суду перепадетъ только кой-что по малости, а вотъ я его уголовнымъ поволоку, пусть-ка онъ у меня мировой попроситъ, тогда-то я его огорошу по домашнему.

Строчила смѣтилъ, что имѣетъ дѣло съ геніальнымъ человѣкомъ; онъ больше не смѣлъ возражать и преклонился предъ нимъ, какъ Расплюевъ предъ Кречинскимъ. На утро всѣ бумаги были готовы, всѣ имена, фамиліи и жительства свидѣтелей записаны и Игнашкинъ потиралъ себѣ отъ восхищенія руки.

Заслышалъ про это горѣ купеческій сынокъ, испугался суда... т.-е., собственно говоря, онъ суда не испугался, а струсилъ отъ того, что боялся больше всего на свѣтѣ своего тятеньки, который съ малаго дѣтства такъ вымуштровалъ сынка, что у него при видѣ грозной фигуры родителя глаза закатывались подъ лобъ, ноги тряслись и голова сама собой наклонялась подъ удары, для воспріятія отеческихъ поученій. Батюшка его часто говорилъ своимъ знакомымъ, «смотрите-ка, какой у меня сынъ: боится меня пуще огня, дрожмя дрожитъ отъ одного взгляду». Знакомые отцы завидовали такому сыну и старались своихъ дѣтей вымуштровать такъ же, какъ вымуштровалъ Мирошинъ своего сына. Вотъ потому-то такъ и струсилъ купеческій сынокъ при полученіи печальнаго извѣстія о искѣ Игнашкина:— «ну, какъ тятенька узнаетъ,—изуродуетъ меня». Понурилъ онъ свою голову и послалъ къ Игнашкину миротворца, просить мировой.

Игнашкинъ только этого и ждалъ.

— Такъ сколько-же вы мнѣ заплатите за оскорбленіе? спросилъ онъ миротворца.

— Да ужь ты, Курсанъ Курсанычъ, дорого не бери, сдѣлай милость, порѣши дѣло по скорѣе, — больно ужь, значитъ, нашъ, молодой хозяинъ отца-то боится...

— Я по божески, я три тысячи не прошу, а дайте вы мнѣ тысячу рублевъ, и тѣмъ дѣло покончимъ, предложилъ Игнашкинъ.

— Что ты Курсанъ Курсанычъ, съумомъ-ли? Экую сумму заломилъ!

— Меньше не возьму, а не то — пусть дѣло идетъ судомъ. Судъ разберетъ, нынче, братъ, не прежнее время, нынче мировой судъ, да-а!..

Миротворецъ ахнулъ.

— За что-же тысячу-то?

— За то, что не оскорбляй; оскорбилъ—заплати, и кончено дѣло.

— Да тебя и ругали-то не много, — тысячи не стоитъ платить...

— Какъ не много? Ругали меня всячески, это все обозначено въ прошеніи; моего хозяина тоже ругали... Да я еще и за хозяина могу жаловаться, потому что имѣю отъ него полную довѣренность.

— Возьми подешевлѣ, Курсанычъ, право не стоитъ: какая это брань была, такъ себѣ, только не много... Настоящей-то брани и не было; добро-бы ужь очень испохабили, али-бы, какъ грѣхомъ, поколотили... Ей-ей не за что тысячи брать!

— А если хотите, то доругивайте на всю тысячу, мнѣ что,—наплевать!

— Пошто ругаться, лучше помириться...

— Я меньше тысячи не возьму, потому нонѣ не прежнее время...

Игнашкинъ зналъ, какъ себя вести: чувствовалъ онъ, что стоитъ на твердой почвѣ, тогда какъ противная сторона нечувствовала подъ собой ногъ и дрожала отъ страха будущаго суда,—суда самаго строгаго, безпощаднаго,—суда отъ тяжеловѣсной руки тятеньки. Все это хорошо зналъ Курсанъ Курсановичъ, и потому не находилъ выгоднымъ дѣлать уступки. Миротворецъ ушелъ къ купеческому сыну, поговорилъ съ нимъ, посовѣтовался, и какъ не было жалко тысячи, и какъ не было трудно свести счетъ по торговлѣ, скрыть отъ наблюдательныхъ глазъ тятеньки тысячу рублей,—купеческій сынъ все-таки рѣшился отдать ее Игнашкину.

— Авось въ отчетѣ, Богъ дастъ, какъ нибудь сведу концы съ концами, подумалъ онъ и послалъ миротворца за Игнашкинымъ.

Игнашкинъ не замедлилъ явиться.

— Наше вамъ-съ? Все-ли въ добромъ?.. привѣтствовалъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало протягивая руку купеческому сынку.

Нечего дѣлать,—подалъ тотъ руку.

— Ну-съ, получайте деньги и пишите росписку,

что дѣло прекращаете и никакой претензіи на меня не имѣете.

— Извольте-съ. Въ секундъ!... Вотъ она, готова,—пожалуйте деньги.

Заплатилъ купеческій сынъ, получилъ отъ Игнашкина росписку и наругалъ его, какъ только могъ, быть можетъ, по разсчетамъ Курсана Курсановича, вдвое больше, чѣмъ на тысячу рублей. Отъ брани дѣло чуть не дошло до драки; но Игнашкинъ, памятуя о выданной роспискѣ въ томъ, что онъ не имѣетъ претензіи, поспѣшилъ уйдти.

Вы думаете тѣмъ дѣло и кончилось? Вы думаете только въ этомъ заключается вся сущность разсказаннаго факта? Нѣтъ! Позвольте. Это еще что за бѣда, что Курсанъ Курсановичъ, воспользовавшись случаемъ, содралъ за безчестьѣ тысячу рублей. Мало-ли такихъ Курсановъ. Другой, при настоящемъ положеніи дѣлъ, только на томъ и стоитъ, что подвертывается подъ всякій удобный случай, только для того и по гостиницамъ ходитъ, чтобы найдти задорнаго человѣка и притянуть его къ суду. Это уже, такъ сказать, дѣло обыкновенное, а вотъ въ чемъ вся сущность этого факта,—какъ Курсанъ Курсановичъ съ своимъ довѣрителемъ встрѣтился послѣ полученія тысячи рублей безчестья.

Поѣдемъ же за нимъ въ городъ Сутягинъ и послушаемъ, что говорятъ между собой, купецъ Стра-

илатъ Ефимовичъ Самоваровъ и довѣренный его урсанъ Курсановичъ Игнашкинъ.

Послушаемъ,—это поучительно.

— Я, хозяинъ, говорилъ Курсанъ, въ ярмаркѣ дно хорошее дѣло сдѣлалъ...

— Хвалю. Къ пасхѣ тебѣ за это сукна отрѣжу а брюки, по три рубля за аршинъ.

— На этомъ благодарю покорно... Только это ѣло я сдѣлалъ для себя...

— Какъ для себя? Ты у меня въ услуженіи. Разѣ ты можешь своими дѣлами заниматься?

— Это, хозяинъ, дѣло не торговое...

— Какъ не торговое? Барышъ, получилъ, значитъ орговое.

— Нѣтъ, совсѣмъ, хозяинъ, другая статья выш: мнѣ Богъ помогъ за обиду сорвать...

— Ну, слава Богу, говори; сослужи молебенъ.

— Я ужь и то служилъ... съ акафистомъ,

— Чудесно! Ну сколько сорвалъ, пятьдесятъ, али ю?

— Больше хозяинъ...

— Неужели двѣсти?

— Нѣтъ, хозяинъ, я тысячу рублей сорвалъ.

Хозяинъ соскочилъ со стула.

— Что ты, Курсанко? Врешь? Говори, врешь ты?

— Провалиться,—сорвалъ тысячу!

— Личными деньгами?

— Личными деньгами...

У хозяина слюнки потекли изо рта.

— Курсанко! заговорилъ онъ ласково: Курсанк Курсанушка! Ты у меня бѣдовой! Ты, Курсанко, ми нистръ!.. .

— Министръ, не министръ, а за обиду постою- сдеру съ живаго и съ мертваго, хвалился Курсан Курсановичъ.

— Молодецъ! Башка-а!

У хозяина глаза сдѣлались еще ласковѣе, точн масленные. Онъ близко подошелъ къ своему дов ренному, потрепалъ его по плечу и поцѣловалъ.

— Ну, Курсанушко, давай братъ мнѣ пятьсот рублей...

Курсановъ отскочилъ шаговъ на десять.

— Да какъ же Курсанушко, вѣдь ты говорил что и меня тамъ ругали...

— Нѣтъ, нѣтъ, хозяинъ, васъ не ругали. Вот хоть сейчасъ околѣть, провалиться на семъ мѣстѣ

— Ну, положимъ, хоть и не ругали, да вѣдь, т подумай о томъ, ежели-бы ты у меня не служил то за обиду больше-бы ста рублей тебѣ не дали, теперь ты взялъ тысячу и именно потому тольк что служишь у меня главнымъ прикащикомъ. П этому по самому ты долженъ со мной раздѣлить д ходъ.

Но Курсанъ Курсановичъ неподдавался.

— Помилуйте, хозяинъ, у васъ капиталу и бе того пятьсотъ тысячъ...

— Глупой ты человѣкъ, Курсанъ. Неужели ты этого понять не можешь, что я не въ свою пользу прошу,—я на эти деньги какое-нибудь благотворительное дѣло устрою...

— Нѣтъ хозяинъ, мнѣ это обидно.

— Давай хоть двѣсти пятьдесятъ рублей!.. Скаредъ! Вѣдь за даромъ взялъ тысячу!

Торговались, торговались хозяинъ съ довѣреннымъ и порѣшили на томъ, что на первый разъ Курсанъ Курсанычъ пользуется всей тысячей, не платя хозяину ни какой части, а впослѣдствіи, «если Господь благословитъ» снова и дастъ возможность содрать съ кого-нибудь за оскорбленіе, то положили, дѣлить доходъ по поламъ.

— А если меня, хозяинъ, побьютъ и мнѣ не удастся сорвать безчестія, тогда какъ, «тоже по поламъ»?

— Ты, Курсанка, молчи, бойкой ты больно на языкъ сталъ... А не то я тебѣ задамъ встрепку... Здѣсь свидѣтелей нѣтъ.

Курсанъ убѣдился, что свидѣтелей нѣтъ и не смѣлъ возражать.

На томъ и порѣшили. Теперь только ждутъ случая и въ ожиданіи его потираютъ себѣ руки. Смотрите же, купеческія дѣти, поберегайтесь: на васъ Курсанъ Курсанычъ всего болѣ разсчитываетъ.

Разнеслась молва о тысячѣ рубляхъ, полученныхъ Курсаномъ Курсановичемъ и много было тайныхъ

вздоховъ и много было зависти,—почему-же, молъ, меня Господь не сподобитъ получить даромъ тысячу рублей?!

II.

Въ городѣ... да что намъ за дѣло до города, какъ бы онъ не назывался. По моему всѣ русскіе уѣздные города не только похожи одинъ на другой, не только жители ихъ одинаково мыслятъ и чувствуютъ, одинаково спятъ и ѣдятъ, одинаково потираютъ руки при какомъ-нибудь неожиданномъ случаѣ, дающемъ возможность содрать съ собрата тысячу рублей; но мнѣ даже кажется, что русскіе уѣздные города, представляютъ собою повторенія одинъ другаго въ малѣйшихъ подробностяхъ. Если въ одномъ городѣ живетъ какой-нибудь разжирѣвшій купецъ Стратилатъ Ефимовичъ, то и въ другомъ онъ точно также есть, только подъ другимъ именемъ, а точно такой же жирный и такъ же чешетъ себѣ спину. Смотришь на него издали,—точно бы незнакомый человѣкъ, а поговоришь съ нимъ, послушаешь его рѣчей, всмотришься по внимательнѣе въ лицо и видишь: «ба! да это Стратилатъ Ефимовичъ! разжирѣлъ только очень. Онъ! Онъ»! И ужъ не спрашиваешь почему и за чѣмъ онъ переѣхалъ въ другой городъ, потому что незачѣмъ спрашивать, потому что Стратилатъ Ефимовичъ, какъ нѣ-

кій фатумъ, неизбѣжно присущь каждому русскому уѣздному городу. Точно также и относительно другихъ жителей уѣзднаго города: и они въ мельчайшихъ подробностяхъ повторяются одинъ въ другомъ, и если случится читателю побывать въ какомъ-нибудь захолустьѣ и увидѣть какого-нибудь секретаря ратуши, то онъ, читатель, можетъ успокоиться и не обращать болѣе вниманія ни на какихъ секретарей, потому что онъ увидитъ все одно и то же лицо и услышится все одинъ и тотъ же разговоръ.

Все это я говорю для того, чтобы разъ на всегда отдѣлаться отъ названій, а знать одно названіе: уѣздный городъ и только.

Такъ вотъ въ уѣздномъ городѣ, съ нѣкотораго времени, стали между обывателями ходить слухи о томъ, что народился Антихристъ и уже заявилъ свою дѣятельность поголовнымъ избіеніемъ собакъ. Что Антихристъ народился, этому, конечно, удивляться нечего,—мало ли чего на свѣтѣ не бываетъ, но зачѣмъ тутъ собаки? Почему онъ заявилъ свое пришествіе именно избіеніемъ собакъ, а не жителей уѣзднаго города и не другихъ какихъ либо животныхъ? На этотъ вопросъ мы получимъ отвѣтъ, что «ныньче строго стало на собакъ этихъ, бѣда»!

— Отчего же такъ строго?

— А такъ надо. Чуть гдѣ увидалъ,—лупи прямо по башкѣ, чтобы не дыхнула!

*

Слѣдовательно пришла собачья смерть.

Ѣдетъ ли проѣзжій человѣкъ по уѣздному городу, идетъ ли прохожій изъ дальней стороны, обозъ ли тянется чрезъ городъ съ купеческими товарами,—всѣ дивятся крику, визгу и писку, раздающимся на улицахъ, переулкахъ и площадяхъ уѣзднаго города. Дивятся прохожіе и проѣзжіе люди и, видя тамъ и сямъ толпы уличныхъ мальчишекъ, спрашиваютъ, что случилось?

— Собачья смерть пришла! слышатъ въ отвѣтъ проѣзжіе и прохожіе люди.

— За что же? По какой причинѣ?

— Нонѣ на собакъ строго стало...

— Для чего же много такъ народу толпится по улицамъ? Зачѣмъ мальчишки смотрятъ на избіеніе собакъ?

— Любопытно.

И дѣйствительно, должно быть, любопытно смотрѣть, какъ солдаты городской пожарной команды ходятъ по улицамъ съ крюками и топорами и какъ льется собачья кровь. Усердіе истребителей собакъ дошло до того, что крестьяне пріѣзжавшіе въ уѣздный городъ на базаръ, прятали своихъ собакъ въ телѣги и мѣшки, но и тамъ ихъ находилъ наблюдательный глазъ истребителей, и собаки оканчивали свое земное странствіе.

Мужики кланяются, молятъ о пощадѣ и развязываютъ свои кошели, но ничего не помогаетъ.

— Нельзя. Приказъ такой данъ. Нонѣ стр-рого! Сказано, чтобы собакъ ни одной не оставлять...

— Сдѣлайте милость, братцы,—собака у меня добрящая...

— Сказано—нельзя и конецъ. Собакамъ,—смерть!

— Да я сейчасъ съ базару ѣду, увезу домой, больше ни когда привозить не буду...

— Давай, давай... Нечего тутъ толковать-то! Волоки ее, ребята, изъ телѣги...

И слышится среди мольбы и брани мужиковъ пискъ и визгъ собакъ, и надъ всѣмъ этимъ царитъ крикъ и хохотъ уличныхъ мальчишекъ и учениковъ приходскаго и уѣзднаго училища.

Но отчего же это вдругъ припала охота къ такому истребленію собачьяго рода? спрашиваемъ мы и слышимъ въ отвѣтъ цѣлую исторію. Исторія, предшествовавшая собачьему истребленію, начинается почти съ самаго основанія уѣзднаго города. Онъ со дня основанія до второй половины девятнадцатаго столѣтія обходился безъ пожарной команды. Загорится, бывало, какая нибудь избушка, побѣгутъ граждане съ ведрами и зальютъ пожаръ, благо избушки маленькія, и граждане,—обрадовавшись случаю, нарушающему ихъ обыденный ходъ жизни,—какъ сумасшедшіе лѣзутъ въ огонь на крыши и подъ крыши домишекъ. Бывало, конечно, и такъ, что сгоритъ избенка до тла, не смотря на то, что граждане, съ пѣной у рта, лѣзутъ на пылающую избу

и обжигают свои бороды. Сгорала такая избушка и оставалась отъ нее только половина трубы съ обвалившимися кирпичами; бывало, и двѣ, и три, и десятокъ избъ сгоритъ, да что-жъ дѣлать-то, говорятъ граждане,—видишь, сударь ты мой, вѣтеръ былъ, потому не отстояли...

— Да вѣтеръ всѣму причиной, кабы не вѣтеръ, затушили-бы.

— Кабы не вѣтеръ,—что говорить, потому всѣ одурѣли,—въ огонь лѣзли. Самъ Стратилатъ Ефимычъ бороду спалилъ! Ну, говоритъ, ребята, видно ужь такъ тому быть, видно ужь на насъ такое насланіе, потому вѣтеръ больно здорово дуетъ!

Утѣшалъ Стратилатъ Ефимовичъ такими логичными доводами своихъ собратовъ, собраты соглашались, что «кабы не вѣтеръ, ничего-бы», и снова все шло по прежнему, собакъ никто не истреблялъ и о пожарной машинѣ никто не задумывался. Но наступили новыя времена, народились и выросли новые люди и запѣли новыя пѣсни. Отголоски этихъ пѣсней, отчасти непонятые, отчасти перевранные, долетѣли и до далекихъ захолустьевъ русской земли, долетѣли и до нашего уѣзднаго города,—и пошла работа. Граждане навострили уши и вслушивались въ новыя пѣсни; самъ Стратилатъ Ефимовичъ разставилъ широко свои бревноподобныя ноги и, поглаживая бороду, тоже вслушивался и, ничего не понимая, порѣшилъ, что все это отъ вольнодум-

ства. Но, не смотря на заключенія Стратилата Ефимовича, жители все чего-то ждали и наконецъ дождались. Пришла бумага, бумага большая, въ которой было написано много-много, въ которой между прочимъ говорилось, что въ настоящее время, когда и проч., что пора наконецъ проснуться, сбросить съ себя вѣковую лѣнь и приниматься за дѣло и т. д., и т. д. Въ концѣ концовъ предписывалось, чтобы обыватели уѣзднаго города во-первыхъ, завели пожарную машину, во-вторыхъ, бочки, багры и крюки, а въ третьихъ, доставляли-бы поочередно въ полицію по три лошади для возки воды на случай пожара.

Сказано—сдѣлано.

— Что-жъ въ самомъ дѣлѣ, пора-же наконецъ, чортъ возьми!... говорили граждане,—пора сбросить съ себя..., какъ тамъ сказано въ бумагѣ, и ну однимъ словомъ,—валяй пожарную машину и все какъ есть!

— И чудесное дѣло! Покрайности отъ пожара мѣры примемъ, что-жъ понапрасну бороды-то палить!

— Конечно такъ! То-ли дѣло, какъ все по закону. А лошади, что-жъ? Пущай ихъ, поочередно находятся при полиціи на всякъ часъ,—что-жъ? Пущай стоятъ тамъ,—все равно кормить-то, что дома, что при полиціи, — по крайности безопасно будетъ, и бороды не спалимъ...

Прошло нѣсколько времени, граждане отъ скуки иногда заходили въ полицію, посмотрѣть, «какъ тамъ все»; сначала многіе нетерпѣливо ожидали пожара, чтобы посмотрѣть, «какъ будутъ дѣйствовать»; какой-то нетерпѣливый гражданинъ поджогъ было свою старую баню, но баня никакъ не хотѣла горѣть, потому что давно сгнила и истлѣла; съѣхались было пожарные, но не успѣли ткнуть своими баграми и крюками въ ветхое зданіе, какъ оно разсыпалось въ порошокъ и горѣть было нечему.

Прошло еще нѣсколько времени. Пожаровъ не было и граждане больше не ходили въ полицію и не поджигали своихъ бань.

При полиціи, между тѣмъ, на обывательскихъ лошадяхъ началась работа.

Сначала стали на нихъ солдаты, по ночамъ, возить воду для частнаго пристава, видятъ, — ничего, дѣло идетъ ладно; стали изрѣдка и подъ вечерокъ выѣзжать за водой для другого пристава, — тоже ничего. Чрезъ нѣсколько времени, среди бѣлаго дня, стали на обывательскихъ лошадяхъ возить воду для всѣхъ властей уѣзднаго города, — ничего, никто не возражаетъ; потомъ стали и за дровами на нихъ ѣздить, а потомъ дальше и дальше и наконецъ дошло до того, что обывательскія лошади, какъ говорится, не вылѣзали изъ хомута и отощали такъ, что едва передвигали ногами.

— Что это вы какихъ клячъ доставляете въ полицію? говорили гражданамъ власти уѣзднаго города.

— Лошади добрыя,—одно слово, что вы!

— Какія добрыя, чуть ногами шевелятъ...

Обыватели посмотрѣли на своихъ коней, почесались и крѣпко задумались.

— А что, братцы, вѣдь наши лошади-то въ конецъ измучены. Надо объ этомъ подумать, кому онѣ работаютъ и за что это такая повинность?

Стратилатъ Ефимовичъ опять порѣшилъ, что «все это отъ вольнодумства».

— Я говорилъ вамъ, что добра не будетъ... На что тутъ машины всякія? Богъ поможетъ и такъ обойдемся. Зачѣмъ противъ писанія идете? Сказано, власъ съ главы не спадетъ, ежели ему падать не положено...

— Это ты правильно, Стратилатъ Ефимовичъ...

— Это ты точно... Лошади наши отощали...

Потолковали обыватели, и не смотря на то, что трудно плыть противъ теченія, а поплыли: рѣшились не давать лошадей; Стратилатъ Ефимычъ поддержалъ (потому—сила!) и — не дали.

Остались при полиціи шесть солдатъ безъ дѣла.

Задумался нашъ дѣятельный градодержецъ, навелъ справки о поведеніи солдатъ, оказалось—скучаютъ и спятъ, потому возить воду не на комъ, а на своихъ плечахъ приносятъ мало, —расплескиваютъ. Отдалъ градодержецъ приказаніе, чтобы воду носи-

ли кухарки, а солдатамъ чтобы немедленно были выданы пожарные крюки, для того чтобы они съ помощію ихъ истребляли собачій родъ.

Вотъ откуда беретъ свое начало исторія о избіеніи собакъ.

Избіеніе шло успѣшно. Въ будни, въ праздникъ, на базарѣ, около церквей во время обѣдни, вездѣ слышался пискъ и визгъ, вездѣ толпились сотни мальчишекъ, и лилась собачья кровь. Избіеніе собакъ продолжалось-бы и до сей поры съ тѣмъ-же усердіемъ, еслибы только не были убиты въ числѣ прочихъ двѣ собаки: одна, принадлежавшая непремѣнному засѣдателю, другая—мировому посреднику. Это-бы все еще ничего, а то вышла еще и другая оказія: нечаянно попался на крюкъ теленокъ, принадлежавшій самому сварливому, самому неспокойному существу въ городѣ, а именно старой вдовѣ дьяконицѣ. Забѣгала она по улицамъ и переулкамъ, замѣталась по площади, кричала, визжала, стонала и размахивала во всѣ стороны руками.

— Подайте мнѣ моего теленка! Подайте сейчасъ! требовала она отъ солдатъ.

— Мы за твоимъ теленкомъ не приставлены.. отвѣчали солдаты.

— Слышать ничего не хочу! Подавайте теленка, живаго или мертваго...

Вдова визжала, и не смотря на свою тщедушность и маленькій ростъ, лѣзла съ кулаками на солдатъ.

— Сичасъ пойду къ Самому и все ему выскажу... Что за разбой за такой!

Солдаты оробѣли и хотѣли дѣло покончить миромъ, но себѣ еще болѣе повредили. Лишь только они объявили, что нечаянно убили теленка и уволокли его въ полицію, какъ вдова торопливо подобрала подолъ и пустилась бѣгомъ къ квартирѣ градодержца.

— Тетенька! Тетенька! Сударыня!.. уговаривали солдаты.

— Слышать ничего не хочу! подайте мнѣ живого теленка, да подайте мнѣ живымъ того самого, котораго вы, Ироды, убили... Слышать ничего не хочу. До самого царя дойду, потому телятъ бить въ законѣ не показано...

— Да кто-жъ его зналъ, что онъ теленокъ, мы думали собака...

— Зна-а-ть ничего не хочу,—подавай мнѣ его живымъ!..

Все это дошло до свѣдѣнія градодержца, и вдова дьяконица требовала, чтобы ей представили ее живаго теленка; засѣдатель съ мировымъ посредникомъ обидились за то, что ихъ собакъ убили. Градодержецъ разгнѣвался, потребовалъ къ себѣ солдатъ.

— Вы, говоритъ, дурачье, рады работѣ. Дорвались, говоритъ, вмѣсто собакъ скоро будете людей бить. Вы, говоритъ, оболтусы, должны понимать, какая собака породистая, какая простая. Ежели, го-

воритъ, еще что случится, взыщу строго!.. Убитаго. теленка возвратить вдовѣ и взять съ нее подписку, что претензіи не имѣетъ, потому что она баба сварливая.

Солдаты вытянули руки по швамъ, гаркнули: слушаемъ! и, повернувшись налѣво кругомъ, вышли изъ прихожей градодержца.

Начали они бить собакъ, отличая простую отъ породистой, къ вящему удивленію учениковъ училищъ, не имѣющихъ ровно никакого понятія о томъ, какую собаку нужно убивать и какую нѣтъ.

Ничего, Богъ дастъ, научатся.

Со вдовой до сей поры не могутъ управиться: подписки не даетъ и требуетъ, чтобъ ей отдали живымъ того самаго теленка, который давнымъ давно и зажаренъ и съѣденъ.

— Нѣтъ, вы со мной не шутите, я этого дѣла не оставлю, угрожаетъ вдова и подаетъ одно прошеніе за другимъ.

Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится.

III.

Въ уѣздномъ городѣ, въ залѣ купца Самоварова случилось знаменательное событіе. Въ общемъ собраніи многихъ членовъ, участвовавшихъ въ нѣкоемъ коммерческомъ предпріятіи, нѣкоторый родной племяникъ нѣкотораго дядюшки разсказалъ въ при-

сутствіи его и всѣхъ членовъ такую исторію, что всѣ собравшіеся не знали, какъ себя вести, и тревожно посматривали на двери,—нельзя-ли, молъ, въ перегонышки пуститься изъ собранія. Даже и самъ дядюшка очень жалѣлъ, что не могъ провалиться сквозь землю, разумѣется, только на нѣкоторое время, потому что какое-же удовольствіе проваливаться, когда карманы набиты доверху деньжищами.

Разсказу племянника предшествовало слѣдующее:

Дядюшка его,—что намъ за дѣло, купецъ-ли онъ, чиновникъ-ли,—это для насъ нисколько не важно, важенъ только самый фактъ, характеризующій въ данную минуту жителей глухихъ мѣстъ показывая собой ту степень интелектуальнаго и нравственнаго развитія, на которой они находятся. И такъ, дядюшка нѣкотораго племянника стоялъ во главѣ того, коммерческаго предпріятія, ради котораго всѣ члены собрались въ залѣ купца Самоварова. Дядюшка, какъ глава всего дѣла, прочиталъ отчетъ и сказалъ похвальную рѣчь, сначала членамъ за то, что ониотличаются большими способностями въ выборѣ людей и не нашли изъ среды своей ни одного достойнаго, которому можно-бы было довѣрить веденіе дѣла; окончивъ восхваленіе членовъ, дядюшка сказалъ и себѣ похвальную рѣчь за то, что умѣлъ воспользоваться довѣріемъ членовъ, умѣлъ управлять дѣлами и обдѣлывать ихъ такъ, что-бъ и волки были сыты, и овцы цѣлы.

Лишь только дядюшка окончилъ свою длинную рѣчь, лишь только члены замолкли послѣ своихъ одобрительныхъ восклицаній, какъ поднялся съ своего мѣста нѣкоторый племянникъ дядюшки оратора и попросилъ слова.

Члены согласились, дядюшка облизнулся и поправилъ свой галстукъ, надѣясь услышать отъ племянника похвальную рѣчь себѣ: дескать свой человѣкъ, дурнаго сказать не рѣшится.

— Ну, племянникъ, начинай! попросилъ дядюшка, высоко поднимая голову.

Племянникъ началъ такъ:

— Дядюшка мой—достойный человѣкъ!

У дядюшки сердце замерло отъ похвалы, и, какъ у крыловской вороны, въ зобу дядюшки дыханіе сперло.

Племянникъ продолжалъ.

— Мой дядюшка управлялъ когда-то однимъ большимъ казеннымъ дѣломъ и нажилъ себѣ честнымъ образомъ четыреста тысячъ. Дядюшка мой, изволите видѣть, былъ кассиромъ...

У дядюшки снова въ зобу дыханіе сперло, но уже совершенно по другой причинѣ: онъ тревожно завертѣлся на стулѣ, тревожно началъ поправлять свой галстукъ, какъ будто онъ со всѣмъ развязался и не менѣе тревожно обратился къ торжествовавшему племяннику.

— Послушай, племянникъ, ты своей рѣчью насъ

задерживаешь, пора кончить: у Самоварова простынетъ приготовленный для насъ обѣдъ.

— Позвольте, дядюшка, позвольте: я скоро кончу.

Члены, воображая, что дядюшка изъ скромности проситъ племянника замолчать, потребовали продолженія.

Племянникъ продолжалъ.

— Тѣ четыреста тысячъ, которыя благопріобрѣлъ мой дядюшка, украдены имъ изъ казеннаго ящика, а онъ остался чистъ и правъ, потому что ловкій и умный человѣкъ.

Начался между членами трусъ и страхъ, нѣкоторые заговорили о прекращеніи рѣчи, но племянникъ возвысилъ голосъ и продолжалъ.

— Дядюшка взялъ изъ казеннаго ящика четыреста тысячъ (тамъ было въ десять разъ больше, но онъ не взялъ остальныхъ, значитъ, дѣйствовалъ честно) и объявилъ себя больнымъ, говоря, что глазами страдаетъ. Помощникъ дядюшки, не настолько умный и ловкій человѣкъ, повѣрилъ его словамъ и согласится временно принять кассу безъ повѣрки, пока дядюшка полечитъ свои глаза. Теперь этотъ помощникъ работаетъ въ нерчинскихъ каторжныхъ заводахъ...

Говоръ усилился. Нѣкоторые стали подумывать о побѣгѣ. Племянникъ еще сильнѣе возвысилъ голосъ.

— Мой дядюшка, какъ видите, благоденствуетъ и

управляетъ вашими коммерческими предпріятіями. Такъ вознаграждается ловкость и умѣнье, такъ наказывается довѣрчивость и житейская неопытность.

Во все продолженіе рѣчи племянника, какъ я сказалъ выше, члены подумывали о побѣгѣ, потому, что какое же удовольствіе слышать подобный разсказъ про богатаго человѣка, да еще и въ его присутствіи. Самъ дядюшка совершенно растерялся и, сойдя съ своего мѣста, подошелъ къ племяннику. Онъ старался состроить на своемъ испуганномъ лицѣ улыбку, но эта улыбка превращалась въ такую гримасу, какъ будто у дядюшки происходила страшная революція въ желудкѣ, и онъ только-что проглотилъ большую ложку тресковаго жиру.

Такъ кисло улыбающійся дядюшка подошелъ къ своему племяннику и началъ его крестить, приговаривая:

— Шалунъ! Шалунъ! Не шути, полно... Пошалилъ... довольно... и то ужь насмѣшилъ всѣхъ... перестань...

— Я нисколько не шучу, а говорю публично, что за вашу покражу работаетъ въ нерчинскихъ заводахъ совершенно безвинный человѣкъ.

Дядюшка задрожалъ и совершенно растерялся; глаза его дико блуждали съ одной головы на другую; онъ ничего не могъ сказать, кромѣ только того, что мычалъ что-то себѣ подъ носъ.

Въ защиту растерявшагося дядюшки выступилъ

какой-то обязательный членъ (вспомнилъ, что обижаютъ человѣка, который имѣетъ четыреста тысячъ рублей!) и обратился къ племяннику съ приказаніемъ замолчать и просить у дядюшки извиненія.

Въ отвѣтъ на эту защиту племянникъ развернулся и хватилъ защитника прямо въ честную физіономію.

— Господа! закричалъ защитникъ, будьте свидѣтелями.

Члены, замѣчая, что дѣло заходитъ очень далеко стали отговариваться.

— Да зачѣмъ ссоры? Да къ чѣму?

Защитникъ кричалъ.

— Будьте свидѣтелями! Уголовное дѣло! Оскорбленіе личности!

Члены уговаривали.

— Лучше вамъ, господа, помириться, вѣдь извѣстное дѣло,—худой миръ лучше доброй ссоры...

— Но онъ мнѣ далъ пощечину! горячился обиженный.

— Какая тамъ пощечина,—отдѣлывались члены,—что за пощечина, мы не видали никакой пощечины.

— Но онъ своего дядюшку поноситъ, онъ клеветникъ... Я за своей пощечиной не гонюсь, —пусть онъ предъ своимъ дядюшкой извинится.

— Такъ вы, господа, не видали какъ я ему далъ въ рожу? горячо спрашивалъ племянникъ.

— Нѣтъ, не видали... Мы не свидѣтели... Лучше миритесь...

— Такъ вы не видали? Такъ вы не видали? кричалъ племянникъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Миритесь скорѣй, поцѣлуйтесь.

— Такъ вотъ я его поцѣлую. Смотрите, теперь всѣ смотрите, какъ я его поцѣлую.

И племянникъ снова закатилъ пощечину защитнику своего дядюшки.

Поднялся шумъ, крикъ.

— Теперь видѣли? Теперь вы видѣли, какъ я его поцѣловалъ? Будьте же свидѣтелями... Я, оскорбитель, этого отъ васъ требую. Я хочу этого, я хочу, чтобы поступокъ дяди отданъ былъ на гласный судъ.

— Онъ сумасшедшій!..

— Это разбой. Господа! Бейте его!..

Дядюшка тревожно метался по залу и хлопоталъ о востановленіи тишины.

— Господа! Тише! Господа! Къ чему шумъ: по городу пойдутъ сплетни.

Племянникъ между тѣмъ не унимался и кричалъ, что требуетъ надъ собой суда.

— Въ шею его отсюда, вотъ ему и весь судъ!

— Господа! Тише! Тише!..

— Бейте его!

— Онъ сумасшедшій!..

И т. д., и т. д.

Всѣ кричали, никто никого не слушалъ, и только одинъ дядюшка метался изъ угла въ уголъ и

плаксиво просилъ о востановленіи тишины. Куда дѣвалась его сановитость, поблекнулъ взоръ, метавшій до того времени громъ и молніи, съежилась фигура, внушавшая до того времени робость и уваженіе, дядюшка сталъ походить скорѣе на мокрую курицу, чѣмъ на нѣкотораго дядюшку, обладающаго четырьмя стами тысячъ. Значитъ, знаетъ кошка, чье мясо съѣла!

Господинъ, получившій двѣ пощечины, лезъ на стѣны не догадываясь, что легче подобраться къ физіономіи племянника, чѣмъ подниматься на стѣну. Вотъ что значитъ незнаніе физическихъ законовъ.

И такъ въ залѣ купца Самоварова было нѣчто похожее на битву русскихъ съ кабардинцами. Но не смотря на описанный шумъ, оскорбленія и пощечины, дѣло кончилось мирно. Все замолкло, какъ будто ничего подобнаго никогда не было, все стушевалось, какъ стушовывается миражъ въ раскаленномъ воздухѣ пустыни, все затихло, какъ «звукъ ночной въ лѣсу глухомъ».

— Почему же такъ? спроситъ читатель.

— А потому, что такъ слѣдуетъ, не даромъ члены говорили, что худой миръ лучше доброй ссоры.

— Что же племянникъ молчитъ?

— Кто-жъ его знаетъ, слѣдовательно находитъ нужнымъ молчать... У дядюшки много родственниковъ, много знакомыхъ, значитъ, заступились и уладили дѣло...

*

IV.

Это не то, что дѣла по секретнымъ обыскамъ. Тамъ не на кого надѣяться, на родныхъ и знакомыхъ въ такихъ дѣлахъ разсчитывать нечего, — всѣ отступятся, потому,—секретно. Хотя иной разъ бываетъ такъ, что изъ всего секрета ничего кромѣ смѣху не выходитъ. Какъ напримѣръ въ уѣздномъ городѣ прошедшей весной былъ секретный обыскъ въ домѣ Стратилата Ефимовича. Явился нѣкій важный господинъ и съ нимъ двадцать человѣкъ крестьянъ. Таинственность была видна на всѣхъ лицахъ. Молча подъѣхали, молча вошли и на вопросы Стратилата Ефимовича отвѣчали молчаніемъ. Стратилатъ Ефимовичъ бросился къ образамъ, зажогъ лампады, свѣчи и горько плакалъ.

— Да вы скажите мнѣ, хоть такъ, обинякомъ, зачѣмъ пожаловали? слезливо спрашивалъ онъ важнаго господина, который расхаживалъ по комнатамъ его дома, точно какой нибудь Персидскій шахъ.

— Сдѣлайте божеское одолженіе... Хоть обинякомъ... сторонкой!

Персидскій шахъ высоко поднималъ голову, измѣрялъ Стратилата Ефимовичъ съ головы до ногъ важнымъ начальническимъ взглядомъ и отрывисто произносилъ.

— Секретно!

— Да что же мнѣ за это будетъ?

— Можетъ быть, ничего не будетъ, а можетъ и въ Сибирь уйдешь!

Стратилатъ Ефимовичъ ахнулъ, бросился передъ Персидскимъ шахомъ на колѣни.

— Благодѣтель? Не погуби!..

— Сознавайся самъ, чѣмъ мнѣ трудиться искать.

— Да что? Бери пятьсотъ и—конецъ въ воду!..

Персидскій шахъ обидѣлся и не сталъ говорить съ Стратилатомъ Ефимовичемъ.

Самоваровъ помолчалъ, повздыхалъ и снова подошелъ къ Персидскому шаху.

— Сотню накину, рѣшай дѣло!..

— Ахъ! отстань ты отъ меня ради Бога! Тутъ распоряженіе его-ства, по секретному дѣлу, а ты лѣзешь съ деньгами.

— Пропала значитъ, моя голова! порѣшилъ Стратилатъ Ефимовичъ.

Крестьяне переминались съ ноги на ногу, чесали себѣ поясницы и упорно молчали, ожидая чтого будетъ и скоро ли ихъ распустятъ по домамъ. Походилъ Персидскій шахъ по комнатамъ, тамъ поискалъ, въ другомъ мѣстѣ порылся, но, ничего не найдя, ушелъ изъ дома Стратилата Ефимовича.

Явился онъ предъ свѣтлыя очи своего-ства и изъ Персидскаго шаха вдругъ превратился въ Русскаго чиновника десятаго класса.

— Ну что? медленно вопросилъ господинъ-ство.

—. Не оказалось! брякнулъ десятый классъ.

— Въ табуреткѣ искали? снова раздался медленный вопросъ.

— Никакъ нѣтъ...

— Розыскать!

И-ство, понюхавъ табаку, ушелъ отъ десятаго класса.

Десятый классъ опять превратился въ Персидскаго шаха и опять ходилъ по комнатамъ дома, принадлежащаго Стратилату Ефимовичу. Теперь все вниманіе его было сосредоточено на табуреткѣ, стоявшей у рояля.

Стратилатъ Ефимовичъ, успѣвши отслужить пять молебновъ, двѣ обѣдни за здоровье свое, и съѣздившій къ тремъ ворожеямъ и одному колдуну, былъ не похожъ на себя. Онъ не смѣлъ даже и подходить къ Персидскому шаху, а только издали слѣдилъ за его движеніями. Видя, что Персидскій шахъ никакъ не можетъ разстаться съ табуреткой, онъ рѣшился подойти на помощь къ нему.

— Не прикажете ли... Если благоугодно, — разобью!

— Не нужно...

— Не жаль! Повѣрьте совѣсти... Скорѣй за т конецъ.

— Не нужно...

— Да вы скажите мнѣ, что вамъ угодно.

— Секретно! Говорю тебѣ,—секретно! крикнулъ Персидскій шахъ.

Мужики чесались, стоя у дверей, и соображали.

— Ишь ты! Секретъ какой-то ищетъ? Должно стулъ съ пружиной.

Долго и безуспѣшно трудился Персидскій шахъ и наконецъ не выдержалъ и на неотвязчивый вопросъ Стратилата Ефимовича сказалъ:

— Ищу, братъ, я колоколъ!

Мужики переглянулись между собой и стали чесать затылки.

Стратилатъ Ефимовичъ обрадовался.

— Такъ вы бы мнѣ давно это сказали. Я вамъ это дѣло оборудую чудеснымъ манеромъ!

Персидскій шахъ превратился опять въ чиновника десятаго класса и разинулъ ротъ, чтобы внимательнѣе слышать.

— Гдѣ? Гдѣ? торопливо спрашивалъ онъ, едва не бросаясь на шею купца.

— Меня освободите отъ суда?

— Конечно, конечно... Говори только скорѣе.

— Колоколъ у Бакулина.

— Неужели у Бакулина?

— Сейчасъ умереть,—у него...

— Гдѣ же тамъ его искать?

— Да и искать нечего,—онъ лежитъ на дворѣ.

— Какъ на дворѣ?

— Да такъ, на дворѣ и лежитъ, какъ войдешь въ

ворота, гляди на правой рукѣ въ углу, большой такой...

— Да ты что врешь?

— Ей-Богу право! Я самъ видѣлъ: здоровенный колоколъ, въ полтораста пудовъ!

На лицахъ мужиковъ изобразилось великое удивленіе.

— Што это, робята, никакъ нашъ чиновникъ со всѣмъ съ ума спятилъ: ищетъ въ полтораста пудовъ колоколъ въ маленькомъ стулѣ, да въ энтакой стулишко и фунтоваго колокольца не упрячешь,—оказія.

А Персидскій шахъ между тѣмъ снова впалъ въ тоску: надежда на отысканіе нужнаго колокола оставила его.

— Эхъ, Стратилатъ! Ты только раздразнилъ меня!

— Что же, ваше благородіе, развѣ Бакулинскій колоколъ не годится?

— То-то и есть, что не годится,—мнѣ не Бакулинскій надо-то...

Стратилатъ Ефимовичъ недоумѣвалъ.

— Да что же за бѣда, ваше благородіе. Вѣдь мѣдь-то одна, что у Бакулинскаго колокола, что у другаго...

— Эхъ, замолчи ты пожалуйста!

И Персидскій шахъ, превратившись въ русскаго чиновника десятаго класса, отправился опять къ господину-ству, и ужь одинъ только Богъ вѣдаетъ, что изъ всего этого послѣдовало.

На другой день господинъ-ство мрачный шелъ по набережной улицѣ. Замѣтилъ онъ (раньше не замѣчалъ, потому что не былъ въ такомъ мрачномъ расположеніи духа) у берега баржу, изъ которой выгружали соль въ амбары, противъ которыхъ и остановилась баржа. Господинъ-ство разгнѣвался, подошелъ къ баржѣ и приказалъ, чтобы она была спущена внизъ по рѣкѣ саженъ на сто. Прикащикъ баржи доложилъ, что это будетъ не удобно для выгрузки соли и убыточно для ея хозяина, такъ какъ за переноску соли въ амбаръ будутъ брать дороже за дальнее разстояніе.

— Слышать ничего не хочу,—убрать баржу!

И ушелъ.

Прикащикъ подумалъ, подумалъ и рѣшился продолжать выгрузку, не обращая вниманія на слова грознаго господина. Чрезъ часъ грозный господинъ снова стоялъ около баржи и требовалъ, чтобъ ее спустили ниже по рѣкѣ на сто саженъ. Прикащикъ кланялся, просилъ, но это дѣлу не помогло.

— Убирай же баржу! Говорю тебѣ, кричалъ грозный господинъ и такъ ругнулъ прикащика, что тотъ удивился: гдѣ, молъ, ваше-ство изволили пріобрѣсти такія глубокія познанія по этой части.

— Убирай!

— Нѣтъ, я не могу, прикажите моему хозяину,— его баржа.

— А! Такъ ты вонъ ка-а-къ! Я-жъ тебя проучу! Ей! Архаровцы!

Явились архаровцы, точно изъ земли выросли. Вытянули они руки по швамъ, заморгали глазами, заболтали что-то языками, ничего нельзя было разобрать, кромѣ одного звука: ство, ство, ство-о-о!..

— Ну что-жъ встали?

— Ство, ство-о-о...

— Рубите снасти и канаты!

Архаровцы бросились со всѣхъ ногъ къ баржѣ, обрубили снасти и канаты, и баржа поплыла внизъ по теченію. Народу на баржѣ было мало, и прикащикъ растерялся, не зная, какъ справиться съ баржей (въ ней было 40 тысячъ пудовъ соли) и какъ пристать снова къ берегу.

Грозный господинъ стоялъ на берегу и любовался затруднительнымъ положеніемъ прикащика.

— Я, какъ Неронъ на пожарѣ Рима! подумалъ онъ про себя и былъ внутренно доволенъ, во-первыхъ, что отчасти знаетъ исторію древняго міра (случайно какъ-то уцѣлѣло въ головѣ и то только про одного Нерона), а во-вторыхъ, что баржу прогналъ внизъ.

Прикащикъ наконецъ кой-какъ прибился къ берегу и нанималъ рабочихъ, чтобы подняться вверхъ противъ теченія: его баржу отнесло на двѣсти саженъ.

— Но зачѣмъ-же нужно было спускать баржу внизъ по рѣкѣ?

А затѣмъ это было нужно, что грозный господинъ былъ не въ духѣ, и что недогадливый прикащикъ... Что, вы думаете, взятки что-ли не далъ? Эка выдумали! Грозный господинъ за такіе пустяки не беретъ... Нѣтъ, дѣло было хитрѣе: недогадливый прикащикъ, приставая съ баржей къ берегу, не замѣтилъ, что ниже его баржи стояла барская купальня. Вотъ въ чемъ вся причина:

«Какъ смѣешь ты, наглецъ, нечистымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питье
мое
Съ пескомъ и иломъ?»

Въ самомъ дѣлѣ такъ. Что это за невѣжество?!..

V.

Стратилатъ Ефимычъ гнѣвается. Стратилатъ Ефимычъ говоритъ, что всѣ эти земскія собранія одно вольнодумство. Всякой, говоритъ, мальчишко говорунъ въ собраніи можетъ мои слова по своему толковать: надо-бы говоритъ, все это иначе, по старой-бы колеѣ—чудесно-бы... Но на старую колею въѣхать оказывается нельзя, и Стратилатъ Ефимычъ съ братіею, измышляютъ средства, чтобы въ земскомъ собраніи лишнихъ людей не было.

— А что, господа, говоритъ Стратилатъ Ефимычъ,—вѣдь Стариковъ неспокойной человѣкъ.

— Что говорить! человѣкъ неспокойной!

— А вѣдь тоже хочетъ участвовать въ земскихъ выборахъ...

— Надо-бы его убрать... Лишній онъ, не ко двору онъ намъ..

— Убрать такъ убрать! Будемъ бить на то, что онъ не можетъ участвовать, потому что молъ домъ его очень дорого оцѣненъ, не стоитъ онъ такой оцѣнки.

Стратилатъ Ефимычъ потеръ себѣ руки, пріятно посмѣялся, причемъ животъ его сдѣлалъ нѣсколько колебаній, какъ будто-бы онъ былъ не животъ Стратилата Ефимовича, а заливная студень.

— Такъ, значитъ, мы такъ и заявимъ въ собраніи, Стратилатъ Ефимычъ?

— Такъ и заявляйте, я поддержу васъ...

Услыхалъ Стариковъ о замыслахъ Стратилата Ефимовича и дружины его и принялъ оборонительныя средства.

Вечеромъ, при открытіи засѣданія Стратилатъ Ефимовичъ съ своею дружиною обратились къ Предсѣдателю съ слѣдующими словами.

— Старикова надо-бы тово... уволить...

— Это что такое?

— Мы то есть такъ, теперича, къ примѣру... Потому, что Старикову не полагается быть въ земствѣ...

— Почему-же такъ?

— А потому, что у него цензъ на домъ очень высокъ...

Председатель попросилъ надлежащія бумаги, пересмотрѣлъ ихъ и попросилъ Стратилата Ефимовича съ братіею удалиться на свои мѣста.

Стариковъ въ продолженіе этого разговора молчалъ, ожидая рѣшенія Председателя; когда Председатель призналъ его имѣющимъ право на разсужденіе, тогда Стариковъ предложилъ вопросъ такого рода.

— Могутъ-ли люди, находящіеся подъ судомъ за воровство и мошенничество, быть допущенными къ выборамъ?

Председатель удивился.

— Съ какой стати вы дѣлаете такіе странные вопросы?

— Страннаго въ моемъ вопросѣ ничего нѣтъ. Я спрашиваю только о томъ, могутъ-ли подобные люди участвовать въ выборахъ?

— Конечно не могутъ! отвѣчалъ Председатель.

— Такъ почему-же здѣсь засѣдаютъ вотъ эти господа?

И Стариковъ указалъ на дружину Стратилата Ефимовича.

Роздались восклицанія.

— Поношеніе! Оскорбленіе! Уголовный проступокъ.

Но Стариковъ, нисколько не смущаясь, вынулъ изъ боковаго кармана записку и показалъ номера дѣлъ, по которымъ судится дружина Стратилата Ефимовича.

— Вотъ извольте видѣть,— продолжалъ Стариковъ,—одинъ изъ дружины, нѣкій купецъ Дядикинъ судится за кражу желѣза, а второй, нѣкто купецъ Нешитовъ, судится за похищеніе у своего дяди при смерти его двадцати восьми тысячъ рублей серебромъ серіями...

Стратилатъ Ефимычъ не выдержалъ.

— Что-жъ это такое, къ примѣру, ежели разсудить! Такъ на свѣтѣ, значится, жить будетъ не въ моготу. Мало-ли кто за что судится...

Стратилата Ефимовича просили замолчать.

— Нѣтъ, это не резонтъ! Мало-ли за что судятся.

Предсѣдатель развернулъ сводъ законовъ и прочелъ статью о лицахъ, какія не могутъ быть допущены къ избранію, и потомъ предложилъ дружинѣ Стратилата Ефимовича удалиться.

Нечего дѣлать,—пошли.

Стратилатъ Ефимовичъ, подумавъ мало, тоже порѣшилъ уйти.

И ушелъ.

— Все это отъ вольнодумства и добра изъ этого не будетъ, порѣшилъ онъ. А вы, ребята, совѣтовалъ онъ дружинѣ, этого дѣла со Стариковымъ такъ не оставляйте. Онъ молокососъ, онъ мало-ли намъ бѣдъ-то можетъ надѣлать... Прошенье на него, прошенье, по уголовному!..

Дружина вздохнула.

— Нельзя вѣдь...

— Ну нельзя, такъ за угломъ его гдѣ нибудь отубасить, да такъ, чтобы ему памятно это было.

На томъ и порѣшили.

ГОРОДЪ КРУТОГОРСКЪ.

Что такое жизнь? часто спрашивалъ меня когд
то мой наставникъ и, не дождавшись моего отвѣт
продолжалъ: «Жизнь есть высшее благо, дарова
ное намъ небесами». Я вѣрилъ своему наставник
пока не подросъ и не увидалъ, что наставникъ м
противорѣчитъ видимой дѣйствительности, и что в
уроки его—величайшая нелѣпость. Въ этомъ я
каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждался,
смотря на то, что мой наставникъ продолжалъ у
рять меня въ противномъ и увѣрялъ меня при в
комъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Однажды въ х
лодный зимній день, когда всякая мало-мальски д
гадливая собака старается прикурнуть гдѣ-нибудь
тепломъ углу, въ то время мой наставникъ, скорчи
шись и съежившись, шелъ по улицѣ, въ своемъ не
мѣнномъ синемъ сюртукѣ съ бѣлыми пуговицами
прискакивая и приплясывая, бормоталъ что-то се

одъ носъ, но встрѣтившись со мной началъ увѣ-
ять, что жизнь есть величайшее благо и пр. и
р. Но прошли года; наставникъ мой пересталъ
ользоваться величайшимъ благомъ и прикурнулъ
дѣ-то на краю кладбища, въ своемъ неизмѣнномъ
инемъ сюртучкѣ съ бѣлыми пуговицами. Разсказы-
и, что, умирая, онъ поручилъ передать въ какія-
о большія палаты, обитатели которыхъ не бѣгаютъ
о морозу въ синихъ сюртучкахъ, — поручилъ пе-
едать имъ, что жизнь есть величайшее благо, не
мотря на то, что у него (моего наставника) отня-
и они (обитатели палатъ) все его достояніе...

Не правда ли, чудакъ былъ покойникъ?

Теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, я, въ каче-
твѣ сатирическаго писателя, дѣлаю свое заключеніе о
жизни. Жизнь (съ сатирической точки зрѣнія, по-
жалуй) есть безконечный рядъ я, обмановъ, насилій,
жи, мошенничества и всяческихъ, всяческихъ без-
аконій. Что это вы такъ удивились? Что это вы
акъ гнѣвно смотрите на меня? Я вѣдь не про васъ
оворю, а такъ, вообще... Я всматриваюсь въ жизнь,
мнѣ кажется (можетъ быть, я ошибаюсь), что чело-
ѣческое существованіе только въ томъ и прохо-
итъ, чтобы или защищаться отъ ближняго, имѣю-
щаго потребность огорошить своего собрата, хоро-
нимъ обухомъ по лбу, чтобы удобнѣе очистить его
карманы, или самому изыскивать средства, какъ бы
прокатиться на счетъ своего ближняго и оставить

его странствовать по морозцу въ одномъ синен-
комъ сюртучкѣ съ бѣлыми пуговицами. И такъ пр
ходитъ годъ за годомъ, вѣкъ за вѣкомъ и такъ б
дутъ проходить, можетъ быть, еще многіе вѣка ст
лѣтій. Читатель все-таки удивляется, и удивляет
онъ потому, что его поражаетъ рѣзкость выражен
Да на это, собственно, не слѣдуетъ обращать вн
манія, — мало ли въ какія формы можно облѣчь
рѣчь и дѣйствія, но вѣдь сущность-то останет
все одна и та же. Вдумайтесь-ка хорошенько, к
кая разница между однимъ, который ласково и ми
снимаетъ съ пріятеля послѣднюю сорочку и ц
луетъ его въ это время поцѣлуями Іуды,—и меж
другимъ, который, не разсуждая и не притворяяс
прямо беретъ своего друга за горло и говорит
«я тебя сильнѣе, а потому и отнимаю отъ тебя вс
что ты имѣешь». Какая же между этими двумя го
подами разница? Мнѣ только кажется, что послѣ
ній честнѣе... Но, можетъ быть, я ошибаюсь...

Или вотъ еще примѣръ. Воръ, воспользовавши
тѣмъ, что въ домѣ остались одни беззащитны
дѣти, приходитъ и тащитъ въ отсутствіи хозяев
все, что только можетъ, — вѣдь онъ поступает
ужасно, подло, звѣрски, вѣдь этой разбой?! Д
согласится читатель. Ну, положимъ такъ. А жен
щина, которая сознательно выходитъ замужъ за ста
рика, для того чтобы воспользоваться всѣмъ ег
состояніемъ въ ущербъ его законнымъ дѣтямъ, —

женщина, которая унижается предъ своимъ старымъ мужемъ, лижетъ ему руки, льститъ его нелѣпымъ, глупымъ прихотямъ, переноситъ его капризы, гнѣвъ, и въ то же время хитро, крадучись, какъ зеленая ящерица, забирается въ сердцѣ старика и возстановляетъ его противъ его же родныхъ дѣтей? Ну, какъ вы находите, эта женщина чего заслуживаетъ? Я не знаю, я, можетъ быть, ошибаюсь, но по моему первый честнѣе, чѣмъ вторая... Повторяю, я, можетъ быть, и ошибаюсь, и прекрасно, сдѣлаетъ читатель, если разовьетъ предо мною свои взгляды...

И такъ, идя далѣе и анализируя другія явленія жизни, болѣе сложныя, болѣе тонкія и запутанныя разными видимыми благами и скрытыми мерзостями, мы, тѣмъ не менѣе, и въ нихъ можемъ распутать невидимое и придемъ къ тому же заключенію, къ которому пришли при сравненіи крупныхъ явленій: и много нужно чистоты душевной и нравственной крѣпости, и много нужно умственной силы, для того чтобы остаться спокойнымъ наблюдателемъ мимопроходящихъ явленій и не ввалиться въ этотъ жизненный омутъ. Всѣ эти мысли навѣяны на меня воспоминаніями о городѣ Крутогорскѣ, о которомъ я и хочу поразсказать.

Читатели, вѣроятно, помнятъ Крутогорскъ, нравы котораго описывалъ когда-то г. Щедринъ? Не помните, читатель? Ну, такъ «Губернскіе Очерки» ужъ, навѣрное, помните, а если помните «Губернскіе

Очерки», слѣдовательно, вспомните и о городѣ Крутогорскѣ. Вотъ о немъ я и хочу съ вами побесѣдовать.

I.

Марья Алексѣевна, по фамиліи... фамиліи у ней нѣтъ, она, какъ Расплюевъ, скрываетъ свою фамилію, она называется просто Марья Алексѣевна. Барыня она важная, то есть важная не сама по себѣ, а потому что состоитъ при важной особѣ въ качествѣ... въ качествѣ компаньонки хоть, что ли, если только особа мужескаго пола можетъ имѣть компаньонку. Вотъ-съ эта-то самая Марья Алексѣевна и была долгое время звѣздой чуть-ли не первой величины на Крутогорскомъ горизонтѣ. Я говорю — была, потому что теперь обстоятельства измѣнились, и Марья Алексѣевна... Но соблюдемъ порядокъ въ нашемъ разсказѣ.

Нѣкій старецъ, вельми благолѣпный и сѣдинами украшенный, болѣе двухъ семилѣтій проживалъ въ чернявскомъ бракѣ... то есть я хочу сказать: жилъ въ безбрачіи съ означенной Марьей Алексѣевной. Жилъ онъ мирно и покойно, слушалъ ея ушами, смотрѣлъ ея глазами и, такимъ образомъ, исполнялъ свои обязанности въ отношеніи къ государству и обществу г. Крутогорска. Марья Алексѣевна, какъ и слѣдовало, сознавала всю важность сво-

его общественнаго положенія въ городѣ Крутогорскѣ и не позволяла называть себя иначе, какъ называютъ законныхъ женъ важныхъ господъ, имѣющихъ крупные чины. Однажды какъ-то въ лавкѣ купца Индѣйкина прикащикъ по ошибкѣ назвалъ ее просто «Марья Алексѣевна», такъ она вломилась въ такую амбицію, что у прикащика душа ушла въ пятки и бѣдный три дня ходилъ, какъ шальной, оглядываясь на всѣ стороны: нѣтъ ли, молъ, полицейскихъ чиновъ, не пришелъ ли ужь часъ воли Божіей на то, чтобы мнѣ, рабу Божію, сѣсть въ казенный домъ за желѣзныя рѣшетки. Но страхъ его былъ напрасенъ: Марья Алексѣевна простила ему,— ошибся молъ, по молодости лѣтъ. Съ того времени оробѣвшій парень купца Индѣйкина далъ себѣ клятву величать каждую барыню крупнымъ величаньемъ, для того, чтобы, какъ грѣхомъ, опять не попасть подъ гнѣвъ Марьи Алексѣевны: все равно, молъ, вѣдь меня отъ этого не убудетъ, да и слыхалъ этотъ парень, что въ Петербургѣ извощики всякаго встрѣчнаго и поперечнаго величаютъ «сіятельствомъ». Да и самъ купецъ Индѣйкинъ строго на строго наказалъ парню, чтобы «напредки этого такту держался».

— Ты должонъ чувствовать, остолопъ ты дубиноголовый, что она можетъ тебя туда загнать, куда Макаръ телятъ не гоняетъ, понялъ?

— Какъ не понять,—говорилъ парень, почесы-

вая то мѣсто, по которому купецъ, предварительно предъ нравоученіемъ, съѣздилъ желѣзнымъ аршиномъ, — я, ваша милость, это очень хорошо понимаю...

— Опять же ты и то должонъ чувствовать, что она, то есть эта самая барыня, можетъ тебя ублаготворить, ежели захочетъ, какъ, напримѣръ, теперича она ублаготворяетъ барскаго кучера. Чай, слыхалъ?

— Какъ не слыхать? Только, ваша милость, кучеръ другая статья, потому онъ при ихъ особѣ близко касается и, можетъ статься, за свою красоту состоитъ въ милости.

— Парень здоровый, что говорить, укуратный парень; опять же и то надо сказать, одинъ ростъ чего стоитъ. Парень здоровенный, потрафить можетъ всѣмъ...

Дѣйствительно, при особѣ Марьи Алексѣевны состоялъ такой молодецъ въ качествѣ кучера и пользовался отъ нея большими милостями за свое умѣнье править лошадьми. Нужно вамъ сказать, что Марья Алексѣевна никогда иначе не выѣзжала, какъ на парѣ: коренная рысью, пристяжная въ галопъ! Кучеръ всегда вытягивалъ руки впередъ, точно двѣ оглобли, и было это весьма красиво и радовалось сердце Марьи Алексѣевны. Но однажды случилось съ Марьей Алексѣевной великое горе. Ѣхала она какъ-то на парѣ, ѣхала во всю рысь; вдругъ какой-

го прохожій осмѣлился плюнуть въ то время, когда Марья Алексѣевна проѣзжала мимо его. Боже мой милостивый, что тогда вышло изъ этого! Марья Алексѣевна, плачущая, рыдающая, влетѣла въ комнату своего милаго (не кучера, а сѣдинами украшеннаго старца).

— Что съ тобой? что съ тобой? Милая! Ангелъ! Что такое?—дрожащимъ голосомъ спрашивалъ старецъ, увиваясь около рыдающей Марьи Алексѣевны.

— Ахъ, я несчастная! Ахъ! Ахъ! Мнѣ дурно, дурно... доктора!—завопила Марья Алексѣевна.

— Да что случилось, скажи ради Бога!

Марья Алексѣевна вскочила со стула, на который опустилась сначала какъ бы отъ слабости, — вскочила она и, подбѣжавъ къ самому носу старца, принялась его распекать за то, что ей не оказываютъ въ городѣ надлежащаго почитанія.

— Да ты старый, долженъ, да ты обязанъ... Что ты смотришь! Я съ тобой живу 15 лѣтъ... Мочалка ты этакая!

И пошла писать губернія.

Не болѣе какъ чрезъ полчаса по городу носились бутари и прочіе полицейскіе чины, отыскивая виновнаго.

— Ты плевалъ на улицѣ, когда ѣхала... — приставали они къ каждому прохожему.

Прохожіе крестились, клялись и божились, что не плевали, отродясь, нигдѣ.

— Ты плевалъ, а? ты плевалъ? — слышалось по улицамъ и переулкамъ.

— Провалиться мнѣ сквозь землю! Батюшки! Да чтобъ я околѣлъ, ей-ей, никогда не видывалъ никого — слышались плачевные отвѣты.

Но великіе труды полицейскихъ чиновъ и бутарей увѣнчались, наконецъ, полнымъ успѣхомъ: какой-то коллежскій ассесоръ, имѣвшій привычку ходить по улицамъ въ дубленомъ полушубкѣ, попался на встрѣчу бутарямъ.

— Стой! Ты плевалъ на улицѣ, когда ѣхала.... А? ты?

— Я, отвѣчалъ ассесоръ, — что же вамъ нужно?

Бутарь, не говоря ничего болѣе, хлопъ ассесора въ ухо.

— Какъ ты смѣешь? Ты знаешь ли, кто я?.. Но ассесоръ не договорилъ своего вопроса, какъ бутарь, ревностно исполняя службу, хлопъ его въ другое ухо.

— Кар-ра-улъ! Грабежъ! Разбой! — неистово заревѣлъ ассесоръ. Но бутарь, не обращая на него вниманія, потащилъ его въ полицію.

— А! плевалъ! Ты смѣешь плевать!..

Дѣло приняло ужасающіе размѣры. Старецъ, сѣдинами украшенный, схватился за свою голову и бѣгалъ по комнатѣ, приговаривая: Господи, сохрани и помилуй! Гнѣвъ твой, Боже, упалъ на главу мою!..

Но дѣло, не смотря на ужасающіе размѣры, окончилось, къ благополучію старца, ничѣмъ. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и нѣсколько подобныхъ курьезовъ случилось по милости Марьи Алексѣевны; наконецъ, пришелъ часъ воли Божіей, и Марья Алексѣевна должна была снять съ себя павлиньи перья. Это случилось зимою 186... года. Старецъ узналъ объ ея отношеніяхъ къ рослому кучеру и захотѣлъ съ ней разойтись, но Марья Алексѣевна не поддавалась его гнѣву.

— Нѣтъ, дружокъ, погоди! Ты женись-ка на мнѣ. Ты со мной 15 лѣтъ жилъ... и т. д.

Хватался старецъ за свою сѣдую голову и бѣгалъ по комнатамъ, вздыхая и охая.

— Господи! умилосердись надъ окаяннымъ грѣшникомъ, избавь меня отъ этого чорта,—приговаривалъ онъ со слезами.

— А! теперь чортомъ зовешь, а прежде, бывало, нѣтъ меня лучше...

— Уйди же ты отъ меня, честью прошу тебя; вотъ тебѣ деньги, вотъ тебѣ твое имущество, накопленное у меня въ домѣ—все возьми, только уйди, ради Создателя.

— Нѣтъ, врешь, — ты женись. Я тебя заставлю жениться.

Старецъ бѣгалъ, бѣгалъ по комнатѣ и рѣшилъ послать за другимъ старцемъ, посовѣтоваться, какъ ему сбыть свою Марью Алексѣевну.

Пріѣхалъ чрезъ нѣсколько времени и другой старецъ.

— Что мнѣ дѣлать,—плаксиво говорилъ возлюбленный Марьи Алексѣевны, — что мнѣ, несчастному, дѣлать? И люблю я ее, и привыкъ къ ней, да ужь больно она дурить стала, силъ моихъ нѣтъ съ ней справиться, того и гляди, опять подъ судъ подведетъ.

Пріѣзжій старецъ слушалъ внимательно, закусивъ нижнюю губу и нюхая табакъ.

— Нужно ее прогнать. Я вамъ давно это говорилъ,—сказалъ онъ въ отвѣтъ.

— Не идетъ! — плачевно объяснилъ несчастный любовникъ.

— Въ шею! въ шею! не говоря дурнаго слова,— въ шею!..

— Ахъ, не могу я, не могу! Я вѣдь съ ней 15 лѣтъ жилъ...

— Поручите мнѣ, я все сдѣлаю. Вы оставайтесь здѣсь и не выходите,—заключилъ пріѣзжій старецъ.

Чрезъ часъ Марью Алексѣевну можно было видѣть въ перекладной почтовой кибиткѣ. Она была безпорядочно обложена своими пожитками, сваленными кучей въ кибитку, и ѣхала изъ Крутогорска.

— Нѣ-ѣ-тъ, голубчикъ, ты со мной такъ не раздѣлаешься, я еще тебя заставлю на мнѣ жениться.

Эту мысль можно было прочесть на ея лицѣ въ то время, когда она выѣзжала изъ Крутогорска. Те-

перь она въ Петербургѣ. Хлопочетъ о законномъ бракѣ. Не знаю, можетъ быть, что-нибудь и устроитъ...

II.

Купецъ нашъ Крутогорскій, Климъ Климычъ Пичуринъ, взялъ въ 186... году казенный подрядъ по постройкѣ тюремъ. Дѣло это не представляло большой выгоды, потому что на торгахъ цѣну сбили до невозможности, и хотя Климъ Климычъ послѣ торговъ и сдѣлалъ «вспрыски» новому подряду, но откровенно сознался, что взятый подрядъ «просто плевое дѣло». Попили, потолковали и разошлись. Климъ Климычъ, по уходѣ гостей, даже ругнулъ самого себя за то, что погорячился и взялъ дешево. На утро онъ, съ мрачнымъ расположеніемъ духа поднялся съ своего пуховика, почесалъ голову и рѣшилъ, что дѣло «табакъ». Прошли добрыхъ полчаса въ раздумьи, какъ помочь горю, а помочь горю было дѣйствительно нечѣмъ, кромѣ развѣ только извѣстной сдѣлки съ кѣмъ слѣдуетъ, то есть съ тѣми лицами, кому вѣдать надлежитъ о достоинствѣ строительныхъ матеріаловъ. Для того чтобы дѣло было «чисто по всѣмъ статьямъ», Климъ Климычъ заблаговременно обдѣлалъ дѣло по сдачѣ будущихъ матеріаловъ и сталъ ихъ заготовлять такое количество, какое находилъ выгоднымъ... для своего кар-

мана. Такъ началось дѣло по исполненію подряда; но прошло немного времени и обстоятельства измѣнились. Дѣло случилось слѣдующимъ образомъ. Однажды сидѣлъ Климъ Климычъ за чаемъ, взглядывалъ на образъ и сокрушался о своихъ грѣхахъ, а еще болѣе о ходѣ подряда, который, не смотря на извѣстную сдѣлку, съ кѣмъ слѣдовало, все-таки не представлялъ большой выгоды для Клима Климыча.

— За грѣхи меня Богъ наказалъ этимъ подрядомъ!

Но не успѣлъ онъ произнести этой фразы, какъ дверь въ комнату отворилась, и нѣкій Губернскій чинъ, какъ бомба, ворвался въ комнату.

— Радуйся!—громогласно произнесъ Губернскій чинъ, бросаясь на шею Климу Климычу.

— Что ты, что ты? Христосъ съ тобой! Душить что-ли меня хочешь... Да пусти же, ослобони хоть душу на покаяніе!—вопилъ Климъ Климычъ.

— Р-р-ра-дуй-ся-я! радуйся радостію великою!—продолжалъ Губернскій чинъ.

— Да чему радоваться-то? Ты скажи перво-наперво, что такое случилось?

— Сто рублей впередъ, да потомъ пять тысячъ,—иначе не скажу!

— Было бы за что, и десять тысячъ можно дать. Ты говори, что подрядъ что-ли хорошій есть?

— Есть кое-что и получше... Дашь пять тысячъ?

— Говори, не томи. Самъ знаешь, что отъ халтуры не жаль подѣлиться...

— Ну, такъ слушай же, слушай внимательно. Постройку тюремъ велѣно пріостановить!

— О, Господи помилуй! Охъ!

Климъ Климычъ охнулъ, испугался и отъ этого испуга такъ и присѣлъ на мѣстѣ. Онъ сразу не могъ сообразить всѣхъ выгодъ, могущихъ получиться вмѣстѣ съ этимъ знаменательнымъ извѣстіемъ; онъ понялъ только то, что постройку тюремъ велѣно пріостановить, слѣдовательно, заготовленные для этой постройки матеріалы могутъ пролежать долгое время неоплаченными, могутъ испортиться, могутъ, наконецъ, остаться у него на рукахъ и мало ли что могло случиться. Все это, разомъ нахлынувшее на голову Клима Климыча, поразило его, и надъ всѣмъ этимъ, какъ ужасающее видѣніе, стояла цифра 15,000 р. — стоимость заготовленныхъ матеріаловъ.

— Охъ, охъ! Господи!—простоналъ еще Климъ Климычъ и съ укоромъ поглядѣлъ на Губернскаго чина, какъ будто говоря: «хорошую же ты мнѣ радость принесъ!»

— Да ты что, Климъ Климычъ, здоровъ ли?— спросилъ Губернскій чинъ.

— Грѣхъ тебѣ, батюшка, такъ шутить надъ старикомъ,—продолжалъ Климъ Климычъ, едва приподнимаясь съ мѣста,—этакое несчастіе случилось, а онъ оретъ во все горло: радуйся! Чему же тутъ радоваться?

— Эхъ ты, голова садовая!.. А знаешь ли пословицу: «не бывать бы счастью, да несчастье помогло?» Знаешь?

Климъ Климычъ навострилъ уши и почесалъ затылокъ. Онъ началъ приходить въ себя и соображалъ, но все еще туманно, робко,—ужь очень его сильно ошеломило полученное извѣстіе.

— Ты не знаешь пословицу-то?

— Н-да-а!.. То-о-во... Смѣкаю, мало дѣло, только не больно еще укуратно вижу...

— А видишь кое-что впереди-то? — продолжалъ допытывать Губернскій чинъ, — халтуру-то видишь ли?

Климъ Климычъ подошелъ къ гостю, взялъ его за руку и хлопнулъ.

— Слушай: вотъ что, — таинственно сказалъ Климъ Климычъ, — дѣйствуй на законномъ основаніи! Понялъ?

— Я, братъ, давно, еще съ малаго малолѣтствія это понялъ, ты-то только пойми. Это, братъ, не то, что пять радужныхъ, али какая нибудь тысченка; тутъ, братъ,—давай дорогу!..

— Не говори! Самъ чувствую! По сердцу мурашки ходятъ! Не даромъ я сначала-то обробѣлъ больно, инда духъ отшибло...

— То-то и есть. Слушай: хочешь дѣло сдѣлать такъ пять тысячъ мнѣ, а пять куда слѣдуетъ; согласенъ?—спросилъ Губернскій чинъ.

Климъ Климычъ хотѣлъ было поторговаться, но опытный гость торопливо взялся за фуражку.

— Думать не смѣй! Лучше не дыши! — пригрозилъ гость.

— Стой! стой! стой! Погоди! Куда ты, Господь съ тобой!...

— Согласенъ ли? Говори, — уйду!

— Да погоди ты, красное мое солнышко... Эй, малый! дай-ка бутылочку!

Чрезъ полчаса Губернскій чинъ и Климъ Климычъ сидѣли обнявшись и цѣловались.

На другой день чиновники города Крутогорска потирали себѣ руки, толкуя о новомъ распоряженіи, касающемся постройки тюремъ. Всѣ смѣтили, что имъ вѣрнѣйшая халтура должна достаться откуда нибудь, а всего вѣрнѣе, что отъ Клима Климыча.

— Что же, ребята, надо идти поздравить,—предложилъ кто-то.

— А что,—пожалуй, не мѣшаетъ,—на первыхъ порахъ хоть двадцать пять рублей.

— Идемъ! Что на него смотрѣть — онъ тутъ капиталъ наживетъ!

Но по тщательномъ разсмотрѣніи вопроса, мелкотравчатая братія порѣшила отправить вмѣсто себя одного только члена, который и предсталъ предъ лицомъ Клима Климыча.

— Что скажешь, милый человѣкъ? — вопросилъ Климъ Климычъ.

— Съ праздникомъ-съ! — облизываясь, отвѣчалъ депутатъ отъ мелкотравчатыхъ.

Климъ Климычъ видитъ, что человѣкъ облизывается, и на лицѣ его выражаются праздничныя чувства, сразу сообразилъ, что, пожалуй, отъ мелкотравчатыхъ и отбою не будетъ, и потому порѣшилъ дѣло повести на чистоту.

— Слушай, милая душа, вотъ тебѣ красненькая бумажка; пойди, раздѣли съ своей братіей и скажи, что больше не будетъ. Ежели еще кто запроситъ — въ шею! Такъ и скажи, потому, безъ васъ расходу много.

И дѣйствительно, расходу оказалось довольно. Кто только могъ и кто только имѣлъ какой либо случай хоть бочкомъ прикоснуться къ дѣлу о постройкѣ тюремъ, всѣ липли къ Климу Климычу, облизывались и, выражая на лицахъ праздничныя чувства, привѣтствовали подрядчика съ праздникомъ. Климъ Климычъ давалъ, давалъ и только, вздыхая твердилъ:

— Все упованіе мое на тя... Охъ, расходу много! — вдругъ забѣгало ему въ голову, и рука инстинктивно отправлялась на затылокъ, гдѣ и производила ожесточенное чесаніе.

Но какъ ни много было расходу, а приходу впереди ожидалось еще больше. Много ли, мало ли времени прошло, — Климъ Климычъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и спрашивалъ, гдѣ прикладывать

руку; предъ нимъ лежали листы гербовой бумаги; кругомъ его стояли всѣ его други и пріятели. Климъ Климычъ подписывалъ бумаги и только пыхтѣлъ, отирая свой лобъ.

— Ну, гдѣ еще прикладывать-то? — спрашивалъ онъ, измученный работой.

— А вотъ еще здѣсь... Смотри хорошенько. Это самая важная бумага.

— Ну-ка, ну-ка, прочтите мнѣ еще, все ли въ порядкѣ написано, — попросилъ Климъ Климычъ.

Ему прочли слѣдующее:

«Такъ какъ мною заготовлено матеріаловъ для постройки Крутогорской тюрьмы на шестьдесятъ тысячъ рублей, то и прошу, дабы повелѣно было, по силѣ закона, выдать мнѣ вышеозначенную сумму, а матеріалы принять въ казну».

Чтеніе кончилось. Климъ Климычъ взялся за перо, но, подумавъ, обратился къ своимъ совѣтникамъ.

— Не мало ли шестьдесятъ-то тысячъ?

— Довольно. Больше нельзя.

— Еще бы хоть пятитку. Вѣдь ужь больно я вамъ много отдѣлилъ-то, а? Прибавимъ пятитку?

— Нельзя, Климъ Климычъ! Такъ ужь всѣ бумаги составлены...

— Ну, Господи благослови!

Подписалъ Климъ Климычъ. Дѣло пошло, куда слѣдуетъ, и по прошествіи извѣстнаго времени наз-

начено изслѣдовать: «дѣйствительно ли». Въ отвѣтѣ значилось, что дѣйствительно купецъ Климъ Климовъ Пичуринъ заготовилъ матеріаловъ на шестьдесятъ тысячъ. Прошло еще нѣсколько времени и получилось распоряженіе — матеріалъ продать съ публичнаго торга, а купца Пичурина удовлетворить во всѣхъ понесенныхъ имъ убыткахъ. Матеріалы были проданы, и выручилось всего тысячъ 10 или 12, ибо, какъ значилось въ бумагахъ, отъ всесокрушающаго времени матеріалы попортились, и больше выручить за нихъ было невозможно.

Климъ Климычъ получилъ денежки и возблагодарилъ Бога.

Здѣсь кстати будетъ разсказать, что въ Крутогорской губерніи, кромѣ Пучурина, и другіе успѣли попользоваться отъ распоряженія начальства по пріостановленію постройки тюремъ. Только одинъ купецъ, бывшій прежде волостнымъ писаремъ, а именно Филипъ Филиповичъ Постричкинъ не съумѣлъ *укуратно* обдѣлать дѣло и до сей поры все тягается; говорятъ, онъ очень ужъ большую сумму загнулъ, но надежда его не покидаетъ. Онъ ходитъ себѣ, почесывая лысую головушку, и ждетъ; авось дождется. Человѣкъ онъ дѣльный, и для того, чтобы *имѣть успѣхъ его иску*, онъ взялъ да и напечаталъ о немъ въ заграничныхъ вѣдомостяхъ, вотъ, молъ, страдаю за правду, не могу своихъ денегъ получить.

А простачки дивятся: «жаль мужика-то,—дай Богъ, чтобъ получилъ поскорѣе».

III.

Крутогорская ярмарка находилась въ вѣдѣніи городскаго ярмарочнаго комитета. Дѣла по управленію ярмаркой шли хорошо: наниматели лавокъ, пріѣзжіе купцы и мелкіе базарные торговцы были довольны и не объявляли никакихъ претензій.

Круторскіе греждане задумались.

— А что, господа, на что намъ ярмарочный комитетъ? Совсѣмъ это лишнее дѣло, лишнія намъ хлопоты, а лучше отдавать намъ всю ярмарку съ торговъ, — кто больше дастъ, тотъ пусть и хлопочетъ для своей пользы.

— А пожалуй, ино, ребята, подадимъ прошеніе губернскому правленію,—дѣло-то покойнѣе будетъ намъ!

На томъ и порѣшили Крутогорцы, чтобы ярмарку отдавать съ торговъ. Подали они въ губернское правленіе надлежащія бумаги, губернское правленіе выдало разрѣшеніе, утвердило таксу на ярмарочныя мѣста и тѣмъ дѣятельность ярмарочнаго комитета прекратилась.

Ярмарку взялъ съ торговъ одинъ изъ Крутогорцевъ за шестьсотъ рублей въ годъ. Годъ былъ хорошій, на ярмарку съѣхалось много торговцевъ, и

арендаторъ, не злоупотребляя таксой, назначенной на ярмарочныя мѣста, все-таки остался въ большихъ барышахъ.

Крутогорцевъ это заняло.

— Ахъ, будь онъ не ладенъ, ишь ты, какъ деньгу скопилъ. Чего, ино, ребята, — будемъ на торгахъ цѣну набивать?

— А то ему потачку, что-ли, давать? Видишь, чай, каки барыши беретъ! Надо цѣну поднять, а то, ино, отсталова просить: за что онъ одинъ пользуется?..

— Мужикъ-то больно не рахманной, (не ласковый), пожалуй, не дастъ отсталова-то?

— А не дастъ, такъ цѣну будемъ набивать. Нечего на него смотрѣть.

Пришло время отдачи ярмарки съ торговъ. Круторцы сначала предложили своему собрату, чтобы онъ подѣлился барышами, но собратъ оказался, дѣйствительно, «не рахманный» и на предложеніе общественниковъ махнулъ съ пренебреженіемъ рукой, сказавъ:

— Не гожее, ребята, вы мнѣ предложеніе дѣлаете, не хорошо такъ поступать!..

— Ты коли такъ говоришь, такъ мы тебѣ цѣну набьемъ,—будешь насъ помнить!—пригрозили Крутогорцы.

— Набивайте себѣ на здоровье!—замѣтилъ старый арендаторъ.

Начались торги. Старый арендаторъ, соображаясь съ обстоятельствами, прибавилъ на прошлогоднюю цѣну лишнихъ сто рублей, но Крутогорцы, не воображая, что старый арендаторъ умнѣе ихъ, стали набивать цѣну и, увлекшись этимъ дѣломъ, не замѣтили, какъ старый арендаторъ отступился отъ торговъ. Цѣна была уже возвышена до 900 рублей. Эту цѣну назначилъ мѣщанинъ Петищевъ.

— 900 рублей,—кто больше?—раздалось въ третій разъ.

Отвѣта не послѣдовало. Ярмарка осталось за мѣщаниномъ Петищевымъ, но взоры всѣхъ торговавшихся были обращены въ ту сторону, гдѣ, прислонившись къ косяку двери, стоялъ, улыбаясь, старый арендаторъ.

— Арендатель-то! арендатель-то! Гляди-ка, ребята, и въ усъ не дуетъ!

Петищевъ испугался. Онъ ясно видѣлъ, что, участвуя въ заговорѣ противъ стараго «арендателя», попался самъ въ ловушку и поэтому въ тотъ же вечеръ отправился по домамъ купцовъ, участвовавшихъ въ заговорѣ и просилъ ихъ помочь ему.

Но товарищи по заговору оказались, просто на просто, кулаки и не хотѣли обращать вниманія на печальное положеніе новаго «арендателя». Пошелъ Петищевъ домой и съ горя даже пьянъ напился. До наступленія ярмарки оставалось всего пять дней.

Съ наступленіемъ утра послѣ пьяной ночи ужасъ объялъ Петищева,—онъ не зналъ, что ему дѣлать и какъ возвратить ту сумму, какую онъ самъ долженъ заплатить за аренду ярмарки. Пугала его всего болѣе такса, назначенная отъ губернскаго правленія и имъ утвержденная. Бросился Петищевъ за совѣтомъ къ одному чиновнику, извѣстному въ городѣ Крутогорскѣ подъ именемъ Юса Юсовича.

— Помоги, отецъ родной! Бѣда стряслась надъ моей головой!—взмолился Петищевъ.

— Въ какомъ смыслѣ? Гм... На основаніи какой статьи, котораго тома? Гм... отрывисто допрашивалъ Юсъ Юсовичъ, поглаживая свои бакенбарды; имѣющіе форму запятой.

— Изволишь видѣть, ваше высокоблагородіе, такъ и такъ...

И Петищевъ разсказалъ подробно весь ходъ заговора противъ стараго арендателя и свое печальное положеніе.

— Гм... гм... покрякивалъ Юсъ Юсовичъ, началъ опять поглаживать бакенбарды и, подумавъ, сказалъ:

— Развязывай мошну, вынимай двадцать пять рублей,—научу уму-разуму!

Петищевъ хотѣлъ поторговаться,—привычка ужъ такая: тонуть будетъ, такъ за спасеніе своей жизни постарается выторговать сколько возможно.

— Вы возьмите, ваше благородіе, двадцат рублей.

— Въ какомъ смыслѣ?.. Гм.. —сердито проворчалъ Юсъ Юсовичъ.

Петищевъ заплатилъ двадвать пять рублей и получилъ полное наставленіе, «какъ дѣйствовать на точномъ основаніи свода законовъ». Возвращался онъ домой отъ Юса Юсовича веселъ и ясенъ, какъ майскій день; по дорогѣ забѣжалъ даже въ церковь, чтобы отслужить благодарственный молебенъ. Наступила, наконецъ, Крутогорская ярмарка, и Петищевъ началъ дѣйствовать на основаніи свода законовъ, слѣдуя полученнымъ отъ Юса Юсовича совѣтамъ.

Началъ онъ свою дѣятельность съ крестьянскихъ возовъ, съ которыхъ, какъ извѣстно, за право торговли платы брать не полагается. Подходитъ Петищевъ къ возамъ и. требуетъ съ нихъ владѣльцевъ, чтобы они убирались на другое мѣсто.

— Куда же мы, батюшка, должны становиться съ возами? Мы здѣсь съ испоконъ вѣку стоимъ, съ того самаго времени, какъ ярмарка основана!

— Убирайтесь вонъ туда, на самый край!—грозно приказывалъ Петищевъ и гналъ крестьянскіе воза въ такое мѣсто, гдѣ во время ярмарки валяются только пьяные мѣщане да мастеровые.

— Да вѣдь тамъ, батюшка, у насъ и торговли никакой не будетъ!—жалобно произносили крестьяне.

— А если такъ, то платите мнѣ за мѣсто, которое здѣсь занимаете.

Мужики чесались, вздыхали и платили деньги; а такъ какъ торгующихъ съ возовъ на ярмаркѣ бывало большое количество, то дѣла Петищева поэтому случаю были въ цвѣтущемъ состояніи.

Отъ крестьянскихъ возовъ онъ перешелъ къ лавкамъ содралъ съ крышъ лишнія доски и припряталъ къ мѣсту. Лавки оказались съ освѣщеніемъ сквозь крышу. Наниматели лавокъ спрашивали, отчего такія дурныя крыши? Петищевъ отвѣчалъ, что прежній арендатель мало заботился о сохраненіи лавокъ и потому крыши такъ плохи. Наниматели, въ свою очередь, подобно крестьянамъ, начинали вздыхать, чуя, что имъ предстоятъ расходы на поправку крышъ, а Петищевъ, заслышавъ эти вздохи, дѣлалъ предложеніе, поправить крыши, если только ему прибавятъ за это лишнихъ десять рублей. Такимъ образомъ дѣло устраивалось на общую пользу. Кончилась, накопецъ, ярмарка и Петищевъ за свою затрату въ 900 рублей получилъ пользы еще рублей въ триста. Прослышали про эту выгоду Крутогорцы, и стало имъ досадно на себя за то, что упустили такой прекрасный случай. Многіе изъ гражданъ дали себѣ обѣщаніе торговаться на будущихъ торгахъ до послѣдней степени и дать аренды еще больше, въ видахъ выгодъ отъ ловкой аферы; по прошествіи нѣсколькихъ ярмарокъ дѣла «арендателей» при-

няли дурной оборотъ: торгующіе стали жаловаться и подали на горожанъ прошеніе, обвиняя ихъ въ излишней привязанности къ деньгамъ. Теперь въ г. Крутогорскѣ снова идетъ разсужденіе о томъ, чтобы устроить по прежнему ярмарочный комитетъ, но практическіе люди возстаютъ противъ этого, втайнѣ думая о выгодахъ аренды. Чѣмъ кончится дѣло,—вопросъ пока нерѣшенный.

IV.

По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, причины которыхъ читатель увидитъ впослѣдствіи,—мы должны на нѣкоторое время оставить достопримѣчательный городъ Крутогорскъ и переселиться съ нашими курьезами за двадцать пять верстъ отъ этого достопримѣчательнаго города, въ городъ Слободинскъ, тоже въ своемъ родѣ достопримѣчательный по множеству совершающихся въ немъ курьезовъ. Въ этомъ Слободинскѣ началось первое основаніе тѣхъ рѣдкихъ событій, о которыхъ въ этомъ четвертомъ курьезѣ я намѣренъ разсказать читателю. Купцы города Слободинска, не смотря на то, что отъ начала дѣла прошло уже болѣе двухъ лѣтъ, до сихъ поръ еще не могутъ прійти въ себя и при первомъ воспоминаніи о немъ глубоко вздыхаютъ и, оглядываясь по сторонамъ, таинственно шепчутъ: «Эка, подумаешь, стряслась какая оказія! Каша-то зава-

кая и какъ ее теперичка расхлебывать?»

началось слѣдующимъ образомъ:

Слободинскій купецъ Вороцовъ въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ коммисіонеромъ отъ петербургскаго купца Киларка. Коммисіонерство его заключалось въ томъ, что онъ получалъ отъ Киларка каждогодно извѣстное количество денегъ, на которыя и покупалъ для него хлѣбъ и другіе продукты сельскаго хозяйства; все закупленное Вороцовъ отправлялъ съ наступленіемъ весны туда, куда было угодно его довѣрителю, купцу Киларку. Исполненіе порученій господина Киларка продолжалось, какъ я сказалъ, нѣсколько лѣтъ и, вѣроятно, Киларкъ былъ доволенъ отчетами Вороцова, потому что не переставалъ довѣрять ему означенные закупы и такъ дѣло продолжалось до 186... года. Съ наступленіемъ зимы этого года Вороцовъ снова сталъ закупать хлѣбъ и другіе продукты въ городахъ: Слободинскѣ, Крутогорскѣ и ихъ уѣздахъ, но почему-то, съ наступленіемъ весны, не отправилъ закупленнаго къ господину Киларку, а оставилъ въ своихъ пакгаузахъ. Посылалъ ли въ этомъ году господинъ Киларкъ къ Вороцову деньги для покупки хлѣба или Вороцовъ покупалъ его на свой капиталъ, — объ этомъ до сей поры не могутъ рѣшить жители Слободинска, да и вообще неизвѣстно, какіе разсчеты существовали между довѣрителемъ Киларкомъ и его коммисіонеромъ Вороцовымъ. Наступила весна. Сло-

бодинскіе купцы стали отправлять свои товары внизъ по рѣкѣ, а Ворoцовъ, вмѣсто того, чтобы, по примѣру прежнихъ лѣтъ, тоже отправлять товаръ, поступилъ совершенно иначе: онъ отправился къ одному изъ своихъ собратовъ, купцу Коросину и предложилъ ему купить у него, Вороцова, хлѣбъ. Коросинъ спросилъ, почему Вороцовъ самъ не отправляетъ хлѣбъ внизъ по рѣкѣ, но получивъ въ отвѣтъ отказъ въ объясненіи причинъ, не могъ, да и не считалъ нужнымъ далѣе распрашивать. О Киларкѣ и вообще о коммисіонерскихъ дѣлахъ между Коросинымъ и Вороцовымъ не было и рѣчи, тѣмъ болѣе не было рѣчи о томъ, чей хлѣбъ продаетъ Вороцовъ, свой или принадлежащій Киларку. Такимъ образомъ, между Коросинымъ и Вороцовымъ было заключено словесное условіе о цѣнѣ на хлѣбъ, и черезъ нѣсколько дней Вороцовъ сдалъ Коросину извѣстное количество хлѣба и получилъ за него разсчетъ сполна. Коросинъ же, по своимъ торговымъ соображеніямъ, нашелъ выгоднымъ перепродать купленный хлѣбъ и продалъ его Крутогорскому купцу Зорову и тоже получилъ деньги. Зоровъ, въ свою очередь, перепродалъ кому-то, и тѣмъ дѣло съ хлѣбомъ покончилось. Перешелъ онъ въ четвертыя руки и былъ отправленъ съ слободинской пристани. Нужно сказать, что съ означенными тремя купцами: Вороцовымъ, Коросинымъ и Зоровымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ одинъ отставной чиновникъ,

..и Саквояжевъ, который, бывая часто у купцовъ, зналъ отчасти о ихъ торговыхъ дѣлахъ; объ этомъ послѣднемъ дѣлѣ, по перепродажѣ хлѣба, ему было тоже извѣстно. Такъ прошло нѣсколько времени. О перепродажѣ хлѣба перестали и думать, ибо онъ, навѣрное, въ это время былъ перепроданъ въ десятыя руки; но вдругъ неожиданное происшествіе подняло на ноги весь городъ Слободинскъ: всѣ заговорили о Вороцовѣ, о петербургскомъ купцѣ Киларкѣ, о перепроданномъ хлѣбѣ, о купцахъ Коросинѣ и Зоровѣ, объ отставномъ чиновникѣ Саквояжевѣ. Поднялся такой говоръ, что и понять изъ разсказовъ что-либо не было никакой возможности. Поводомъ къ этому оживленію всего населенія былъ арестъ купца Вороцова, посаженнаго въ тюремный замокъ. Гроза пришла изъ города Петербурга, отъ богатаго купца Киларка, бывшаго довѣрителя г. Вороцова. Киларкъ отправилъ изъ Петербурга своего адвоката въ Крутогорскъ, снабдилъ его необходимыми бумагами и—что всего необходимѣе — далъ ему приличный запасъ денегъ на разные расходы. Адвокатъ пріѣхалъ въ Крутогорскъ, тамъ мазнулъ, гдѣ было нужно, тамъ поклонился, кому слѣдуетъ, а потомъ въ Слободинскъ прикатилъ и началъ такъ орудовать, что по прошествіи двухъ дней упряталъ Вороцова въ тюремный замокъ, а купцовъ Коросина и Зорова и отставного чиновника Саквояжева отдалъ подъ уголов-

ный судъ. Устроилъ онъ такое хорошее начало дѣла, весьма мило и любезно побесѣдовалъ еще нѣсколько дней съ судебнымъ слѣдователемъ, у котораго въ рукахъ находилось это курьезное дѣло и затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, махнулъ назадъ въ Петербургъ къ своему довѣрителю, купцу Киларку. Киларкъ встрѣтилъ своего адвоката, выслушалъ отчетъ о его дѣйствіяхъ и остался въ полной увѣренности, что теперь Вороцовъ и его собраты будутъ рады заплатить столько, сколько захочетъ онъ, богатый купецъ Киларкъ. Но между тѣмъ на мѣстѣ производства слѣдствія дѣла приняли другой оборотъ. Судебный слѣдователь, неизвѣстно по какимъ причинамъ, отступилъ отъ предначертаннаго петербургскимъ адвокатомъ плана и началъ дѣйствовать по своему. Первое, что онъ сдѣлалъ,— отобралъ показанія отъ всѣхъ подсудимыхъ и отъ каждаго изъ нихъ потребовалъ объясненія *на особомъ листѣ*. Показанія эти заключали въ себѣ исключительно только то, что Вороцовъ дѣйствительно продавалъ хлѣбъ купцу Коросину и получилъ отъ него деньги, что Коросинъ дѣйствительно продавалъ Зорову и получилъ деньги и что Зоровъ, въ свою очередь, тоже продалъ хлѣбъ; затѣмъ отставной чиновникъ Саквояжевъ, притянутый тоже по дѣлу, показалъ, что ему было извѣстно о продажѣ хлѣба Вороцовымъ Коросину и Коросинымъ Зорову. Вы слушайте внимательнѣй, читатель. Тутъ вся

тонкость и ловкость дѣла, тутъ выражается все искусство судебнаго слѣдователя, да такое искуство, за которое самъ великій магъ Кречинскій отдалъ бы половину своей жизни. Вся тонкость дѣла, изволите видѣть, заключалась въ томъ, что показанія были взяты отъ каждаго *на особомъ листѣ*. Получивъ эти показанія, судебный слѣдователь отправился въ тюремный замокъ къ сидѣвшему тамъ купцу Ворацову и повелъ съ нимъ слѣдующій, весьма любопытный въ своемъ родѣ, поучительный разговоръ:

— Послушайте,—говорилъ онъ Ворацову,—находите-ли вы, что сидѣть въ тюремномъ замкѣ весьма непріятно? Что и воздухъ здѣсь тяжелый и свѣтъ проходитъ въ маломъ количествѣ?—Нахожу, ваше благородіе,—точно, что тяжело, и осмѣливаюсь васъ просить отдать меня на поруки,—отвѣчалъ купецъ. — На поруки васъ отдать нельзя, потому что вы обвиняетесь въ уголовномъ дѣлѣ, въ присвоеніи чужой собственности... — Ваше благородіе! есть законъ такой...—Вы мнѣ, мой милый, о законахъ не говорите, ибо я не даромъ учился наукамъ и законъ знаю лучше васъ... А вотъ если вы хотите, чтобъ выйти изъ этого душнаго помѣщенія, то я могу для васъ кое-что устроить...—Сдѣлайте божескую милость!—кланялся Ворацовъ;—я васъ буду день и ночь молить...—Ну, это мнѣ, пожалуй, и не нужно,—отвѣчалъ слѣдователь,—я могу, если захочу, и самъ за себя помолиться. Я могу для васъ

сдѣлать многое, если только вы для меня сдѣлаете кое-что.—Что прикажете,—говорилъ Ворoцовъ,—я, по силѣ возможности, приподнесу вамъ...—Нѣтъ, мой милый!—ласково отвѣчалъ слѣдователь,—мнѣ отъ васъ подарковъ не нужно,—вы, я знаю, большихъ средствъ не имѣете... Не нужно, да я и не нуждаюсь. Слѣдователь говорилъ эти слова, а самъ, между тѣмъ, думалъ: «ахъ какъ бы мнѣ удалась моя штука, зашибъ-бы я тогда хорошій кушъ». И думы эти крѣпко сидѣли въ его головѣ, и сидѣли онѣ крѣпко потому, что онъ подбирался къ купцу Зорову и хотѣлъ непремѣнно его упаковать въ тюрьму, разсчитывая, что Зоровъ, какъ большой капиталистъ, приподнесетъ ему «барашка въ бумажкѣ» и такого барашка, питаясь которымъ, можно быть сытымъ очень, очень долго...—Такъ вотъ, мой милый,—говорилъ онъ купцу Ворoцову,—если вамъ хочется изъ тюремнаго замка выйти, такъ вы мнѣ дайте другое показаніе по вашему дѣлу.—Какое же это показаніе?—спросилъ Ворoцовъ.—А напишите вы, что продавали хлѣбъ Коросину и Зорову не свой, а завѣдомо чужой, принадлежавшій не вамъ...—Что вы, ваше благородіе, да вѣдь я себя свяжу по рукамъ и по ногамъ!—отвѣчалъ Ворoцовъ!—Ничего не бойтесь, я вамъ все это дѣло распутаю и устрою ко благу вашему. Сегодня же, какъ только вы дадите другое показаніе, такъ я васъ и выпущу изъ тюремнаго замка... Да и семейства вашего мнѣ

жаль. Жена ваша приходила ко мнѣ и просила за васъ... Дѣти, я думаю, васъ тоже ждутъ не дождутся...—Да какъ же это такъ,—задумчиво говорилъ Вороцовъ,—какъ же это я вамъ дамъ такое показаніе...—Давайте, да и только. Говорю вамъ, что все устрою, и вы освободитесь отъ всякаго суда и слѣдствія,—обѣщалъ слѣдователь. Купецъ подумалъ, погадалъ; не вѣрилось сначала ему въ обѣщанія слѣдователя, но ласковая бесѣда послѣдняго, его обѣщанія, наконецъ, напоминанія о женѣ, о дѣтяхъ такъ подѣйствовали па слабую душу заключеннаго, что онъ рѣшился дать другое показаніе и тутъ же въ тюрьмѣ написалъ его. Слѣдователь тотчасъ же освободилъ свою жертву и самъ отправился домой. Тутъ онъ вынулъ изъ шкафа дѣло и расшилъ его. Первое показаніе Вороцова о томъ, что онъ продавалъ свой хлѣбъ,—было уничтожено, а на мѣсто его внесено второе, въ которомъ, какъ я сказалъ, говорится, что хлѣбъ былъ проданъ завѣдомо чужой. Тонкость-то всей этой механики заключается въ томъ, что теперь, послѣ перемѣны перваго показанія Вороцова, оказались виновными въ дѣлѣ купцы Коросинъ и Зоровъ и отставной чиновникъ Сакъвояжевъ; а виновны-то они оказываются именно потому, что въ своихъ показаніяхъ, данныхъ на особыхъ листахъ, написали, *что съ показаніемъ Вороцова совершенно согласны.* Слѣдовательно, купцы и отставной чиновникъ участвовали въ уголовномъ дѣ-

лѣ. Не прошло дня послѣ того, какъ Вороцовъ далъ второе показаніе,—а ужь купцы Коросинъ и Зоринъ и отставной чиновникъ Саквояжевъ сидѣли въ тюремномъ замкѣ! Города Слободинскъ и Крутогорскъ снова оживились и еще болѣе, чѣмъ въ знаменитый день ареста купца Вороцова. На всѣхъ улицахъ и переулкахъ шелъ говоръ, у церквей на папертяхъ шумѣли нищія старухи и таскали одна другую за сѣдыя косы, оспаривая всякая свою идею о причинѣ ареста купцовъ; у кабака была густая толпа мѣщанъ.

Прошла недѣля, другая. Купецъ и отставной чиновникъ сидѣли въ тюремномъ замкѣ. Слѣдователь не дремалъ и дѣйствовалъ, но онъ жестоко ошибся въ своихъ разсчетахъ: Зоровъ былъ не чета Вороцову,—слѣдователь не могъ его пробрать никакими угрозами, никакими нѣжными рѣчами о супругѣ и дѣтяхъ. Онъ не далъ ни гроша и не отступилъ ни на одинъ шагъ отъ своего перваго слова, которымъ встрѣтилъ предложенія слѣдователя.—Какъ сказалъ ему сначала: «я съ вами знаться не хочу и лучше умру, чѣмъ дамъ вамъ взятку», такъ на этихъ словахъ и остался. Видитъ слѣдователь, что дѣло-то выходитъ туго, а все-таки отъ своей цѣли не отступаетъ, думаетъ, авось, голубчики, и васъ продержу подольше, такъ другое тогда запоете. Ну, и держалъ ихъ еще нѣсколько времени и на поруки не отпускаетъ. Додержалъ, наконецъ, до того, что

и помимо его воли арестованныхъ выпустили на поруки. Зоровъ изъ тюрьмы успѣлъ написать о своемъ положеніи куда слѣдуетъ, и дѣло приняло другой оборотъ. Когда же Зоровъ вышелъ изъ тюрьмы, тогда-то закипѣло дѣло, да такъ закипѣло, что нѣсколько слѣдствій, одно за другимъ, были назначены надъ слѣдствіемъ. И представьте, куда привела судьба нашего мага-судебнаго слѣдователя: онъ самъ, великій волшебникъ, попалъ подъ уголовный судъ и занялъ въ тюрьмѣ мѣсто купцовъ. Съ нимъ же, вѣроятно за компанію, попалъ и письмоводитель его. Петербургскій адвокатъ получилъ отъ Киларка строжайшій выговоръ, а самъ Киларкъ теперь не знаетъ, что ему дѣлать съ затѣяннымъ дѣломъ, какъ вывернуться изъ запутанныхъ обстоятельствъ. А всего болѣе его заботитъ та мысль:—кому-же теперь довѣрить дѣло, когда никакая «бумажка съ барашкомъ» не приноситъ надлежащей пользы?

„НРАВУ МОЕМУ НЕ ПРЕПЯТСТВУЙ!"

Въ каждомъ русскомъ уѣздномъ городѣ, стоитъ-ли пъ на сѣверѣ, или на западѣ, на югѣ или востокѣ еликаго россійскаго государства, высится-ли онъ адъ берегами великой многоводной рѣки или лѣ- ится гдѣ нибудь на сѣверѣ сибирскихъ тундръ,— ъ каждомъ такомъ городѣ непремѣнно есть, если е нѣсколько, то хотя одинъ купецъ паразитъ, ко- эрый набилъ карманъ на счетъ остальнаго населе- iя, отростилъ себѣ брюхо, «нагулялъ жиръ» и въ илу этихъ важныхъ событій задралъ голову вверхъ, е обращая никакого вниманія на интересы тѣхъ ицъ, которыя были причиной его обогащенія. Та- ой разбогатѣвшій купецъ непремѣнно «благодѣ- ель», непремѣнно служилъ нѣсколько трехлѣтій оловой,—занимаетъ, конечно, первое мѣсто въ го- одѣ и какъ самъ, такъ и всѣ другіе, воображаетъ бя великой силой, предъ которой не даромъ гнется

*

и пыхтитъ весь трудящійся и нуждающійся міръ провинціи, а онъ, герой, вѣсомъ въ шесть или семь пудовъ, похаживаетъ себѣ, ничего не дѣлая, и только вздыхаетъ иногда, пріятно такъ вздыхаетъ, при мысли о своемъ положеніи: «вотъ, молъ, она какая, моя свиная жизнь хорошая,—ходишь, молъ, да хрюкаешь». Такое безобразное явленіе, въ сущности весьма дикое и нелѣпое, тѣмъ не менѣе существуетъ искони и неизвѣстно когда окончится. Хотя остальное населеніе провинціи, ассоціируясь, могло бы защищать свои интересы и противустоять произволу въ вознагражденіи труда и произволу въ назначеніи цѣнъ за продукты, но оно этого не дѣлаетъ и не думаетъ дѣлать, считая совершенно законными и нормальными совершающіеся факты. «Такъ, молъ, ужъ это самимъ Богомъ устроено и Вольтеріанцы напрасно противъ этого востаютъ».

Иногда такой хрюкающій купецъ такъ захрюкается, что ужъ и самъ не знаетъ, чего бы ему еще «возжелать», а «возжелать» надо, ибо длинный рядъ предшествовавшихъ событій развивалъ и укрѣплялъ въ этомъ купцѣ вѣру въ возможность всего невозможнаго.

На основаніи высказанныхъ причинъ, крѣпко узаконившихся въ провинціи,—въ городѣ Слободкинѣ купецъ Кальсандровъ «возжелалъ» чтобы ключи, протекающіе мимо его кожевеннаго завода, принадлежали исключительно только ему и онъ бы, Каль

сандровъ, имѣлъ право сдѣлать прудъ тамъ, гдѣ ему заблагоразсудится. Явилась такая мысль въ головѣ Кальсандрова, росла, росла и приняла, наконецъ, чудовищные размѣры. Возжелалъ Кальсандровъ, чтобы и земля, на которой сто лѣтъ существовало пригородное село, чтобы эта земля тоже принадлежала ему; захотѣлъ и конецъ: вынь да выложь. Служилъ онъ въ то время «градскимъ главою» и однажды, послѣ подписи бумагъ, доставляемыхъ секретаремъ на домъ, — Кальсандровъ завелъ съ нимъ разговоръ слѣдующаго содержанія.

— Бѣдно, братъ, ты, секлетарція живешь.

— Да-съ, не богато-съ. Что дѣлать! Сказано: овому талантъ, а овому десять...

— Правда твоя, правда... А хочешь, я тебѣ дамъ тысячу целковыхъ.

— Шутить-съ изволите... помилуйте... робко отвѣчалъ секретарь.

— Дамъ. Ей ей... Захочу и дамъ. Все въ моей волѣ... Ежели только я захочу, сейчасъ тебѣ дамъ тысячу рублей...

У секретаря замерло сердце.

— Буду за васъ молиться. Вѣкъ буду молиться, дѣтямъ моимъ закажу, внукамъ... лепеталъ онъ дрожащимъ голосомъ и учащенно моталъ головой въ видѣ поклона.

— Нѣтъ, ты погоди, ты не тово...

— Ручки, ножки вамъ буду цѣловать... Вѣдь до

могилы... внукамъ, правнукамъ... торопливо лепеталъ языкъ секретаря.

— Стой! стой... ты думаешь, такъ и есть; ты думаешь, я тебѣ даромъ дамъ, что-ли?..

— За всегда... по гробъ...

— Дуракъ! Стой, молчи... Эка обрадовался. Слушай.

— Извольте. Что угодно... до могилы... Б-бо-же!.. истинно говорю!..

— Молчи! прикрикнулъ Кальсандровъ: слушай. Сдѣлай ты мнѣ одно дѣльцо и будешь имѣть отъ меня тысячу цалковыхъ.

— Сколько угодно... приказывайте... могу все — на законномъ основаніи!

— Ну дѣлай! Вотъ тебѣ радужная—получай!

У секретаря глаза разбѣжались, изо рту потекли слюнки, при одномъ воспоминаніи о предстоящей выпивкѣ. Погладилъ себѣ животъ купецъ Кальсандровъ и началъ объяснять секретарю свои планы о пріобрѣтеніи земли, находящейся подъ пригороднымъ селомъ, а вмѣстѣ съ нею и ключей, протекающихъ вблизи этой мѣстности. Чѣмъ далѣе секретарь слушалъ, тѣмъ болѣе сжималось его сердце и не смотря на то, что онъ старался подавить просящіеся изъ груди вздохи, Кальсандровъ подмѣтилъ ихъ и вопросилъ строгимъ голосомъ:

— Что? Ракомъ, что-ли, запятился, а?

— Нѣтъ-съ... ничево-съ...

— Говори, не финти. Трудно, что-ли?

— Да-а-съ... тово-съ... тр-рудненько...

— Сдѣлай,—прибавлю еще.

— Сдѣлать то можно, только-съ дѣло... тово-съ... большое. Иначе невозможно, какъ надо получить землю только по общественному приговору: а какъ же уговорить общество?

— Вотъ еще выдумалъ что! нужно мнѣ общество уговаривать! Приговоръ-то можно и безъ нихъ составить,—эка невидаль, тля разная, грошовая. Да я на нихъ и смотрѣть то не хочу, а не токмо приговоръ...

— Безъ приговору невозможно-съ...

— Ну составимъ сами приговоръ. Мѣщанъ человѣкъ пятнадцать двадцать заставимъ подписать, и конецъ!

— Уголовщина-съ...

— Что-о? грозно вопросилъ Кальсандровъ.

— Трудно, говорю-съ, дѣло большое-съ, запинаясь, отвѣчалъ секретарь.

— Ну, если тебѣ трудно—ступай. Найдемъ другаго... давай назадъ сто рублей-то...

— Помилуйте-съ... я готовъ...

— Ну и дѣлай, а языкомъ много не мели!

И началъ Кальсандровъ, съ помощью секретаря, приводить въ исполненіе свои планы. Составили они общественный приговоръ, по которому *все общество* уступало Кальсандрову землю, находящуюся

близь пригороднаго села, въ обмѣнъ за землю, лежащую въ пяти верстахъ отъ города, которая до того времени была собственностію Кальсандрова. Въ приговорѣ было означено, что земля, даваемая Кальсандровымъ — луговая, дающая громадное количево сѣна, а земля, уступаемая ему отъ города—глинистая, песчанистая, болотистая и не на что не пригодная; количество этой земли считалось отъ кожевеннаго завода Кальсандрова въ столько-то саженъ на всѣ три стороны, причемъ составитель приговора благоразумно умолчалъ о томъ, что часть пригороднаго села, церковь и ключи, изъ которыхъ образуется у села прудъ,—съ уступкою земли, будутъ находиться во владѣніяхъ Кальсандрова. Обработали они такого рода приговоръ и, какъ слѣдуетъ, представили его на утвержденіе въ засѣданіе членовъ магистрата. На это время Кальсандровъ, какъ человѣкъ смѣтливый, во избѣжаніе подозрѣнія, разыгралъ роль больнаго (между этими коммерсантами есть тоже актеры, да такіе, что и самъ Бурдинъ предъ ними спасуетъ) и должность «градскаго главы» исполнялъ въ эти дни утвержденія *общественнаго приговора* кандидатъ головы, человѣкъ, который ни душой ни тѣломъ не былъ повиненъ въ этомъ уголовномъ дѣлѣ. Приговоръ былъ прочитанъ членами магистрата и, согласно закону, былъ посланъ для окончательнаго утвержденія въ губернское правленіе. Губернское правленіе не задумалось дать за-

конную силу общественному приговору и тѣмъ дѣло кончилось. Кальсандровъ сталъ владѣтелемъ пригородной земли, на которой было построено чуть-ли не до пятидесяти домовъ и церковь. Прошло времени около года и новый владѣлецъ ни чѣмъ не показывалъ своихъ правъ на землю, а общество пригороднаго села, какъ говорится, «ни сномъ ни духомъ» не вѣдало о томъ, что дома ихъ, огороды и пашни находятся на землѣ купца Кальсандрова, который, если пожелаетъ, можетъ ихъ прогнать съ своей земли на всѣ четыре стороны. Такъ прошло, какъ я сказалъ, около года.

Съ наступленіемъ ранней весны въ 186... году купецъ Кальсандровъ запрудилъ всѣ ключи, протекающіе большимъ ручьемъ мимо пригороднаго села и началъ давать имъ новое направленіе: онъ захотѣлъ устроить прудъ на своемъ кожевенномъ заводѣ. Народъ смотрѣлъ и дивился на его продѣлки и видя, что купецъ дѣйствительно замышляетъ лишить ихъ воды,—отправилъ къ нему изъ среды себя депутата сказать, чтобы «купецъ не дурилъ». Депутатъ явился къ Кальсандрову.

— Что тебѣ нужно? вопросилъ Кальсандровъ.

— Да вотъ отъ общества къ вамъ...

— Ну говори.

— Общество велѣло вамъ передать, чтобы вы не трогали нашихъ ключей и не приводили бы ихъ на свой заводъ.

— Ну, а еще что?

— А то мы будемъ на васъ жаловаться и искать съ васъ за убытки и самоуправство.

— Ну, а еще что?

— А еще то, что земля наша и на ней вамъ хозяйничать общество не позволяетъ.

— Такъ ли, полно?

— Точно такъ-съ.

— Еще что же скажешь?

— Больше ничево-съ. Только за тѣмъ и пришелъ. А ежели вы не примите моихъ словъ, то завтра общество постановитъ приговоръ и представитъ его начальнику губерніи.

— Та-акъ, протянулъ Кальсандровъ и засмѣялся самодовольной улыбкой, — такъ, такъ — депутатъ, такъ! хе! хе! хе!..

— Вы смѣетесь—не смѣйтесь. а рѣчь мою не забудьте! Прощенья просимъ! сказалъ депутатъ и хотѣлъ идти, но Кальсандровъ остановилъ его вопросомъ:

— А на чьей землѣ построенъ твой домъ?

— На моей собственной, конечно, отвѣчалъ депутатъ.

—То-то на твоей ли, полно? Знаешь ли ты, чья эта земля-то? Вѣдаетъ ли твоя глупая голова, то что я могу тебя завтра же съ этой земли сбросить, какъ сбрасываютъ съ лопаты навозъ, а? Знаешь ты это? Вопросы Кальсандрова дѣлались все громче и

громче, а въ глазахъ депутата можно было замѣтить все больше и больше удивленія.

— Я ничего не понимаю изъ того, что вы мнѣ говорите.

— То-то и есть. Молчалъ бы лучше, пока цѣлъ.

— Нѣтъ-съ, позвольте, не о томъ рѣчь, чтобы молчать, а я о томъ говорю, что не понимаю вашихъ словъ и потому прошу васъ объяснить, почему вы мою землю называете своей?

— Я съ тобой больше говорить не хочу. Земля моя, провожу воду куда желаю и отчета вамъ отдавать не намѣренъ. Убирайся вонъ и скажи своему обществу, что я могу ихъ даже вышвырнуть съ моей земли. Понялъ?

Пожавъ плечами, депутатъ посмотрѣлъ еще разъ, другой на разгнѣваннаго Кальсандрова и замѣчая, что изъ его посольства проку не будетъ,—ушелъ. Передалъ онъ обществу слова Кальсандрова и поразилъ ихъ необычайностію извѣстія. Общество сначала подумало, что Кальсандровъ «дуритъ, такъ, зря», но когда нѣкоторые изъ членовъ навели справки и узнали, что земля дѣйствительно уступлена Кальсандрову по приговору, то въ обществѣ поднялся такой говоръ и шумъ, что секретарь магистрата на другой же день послалъ прошеніе объ отставкѣ по болѣзни и болѣе не показывалъ своего носу на службу, а получивъ увольненіе, поспѣшилъ убраться изъ города Слободкина подальше. Взволнованное обще-

ство сдѣлало запросъ магистрату, подало отъ себя прошеніе въ губернское правленіе, заявило губернатору, ну словомъ поднялось на дыбы и требовало строжайшаго слѣдствія. Шумъ пошелъ по всей губерніи. Губернское правленіе въ свою очередь перетрусило, опасаясь быть замѣшаннымъ въ уголовномъ дѣлѣ; старшіе чины бранили младшихъ, младшіе, вытаращивъ глаза, выслушивали заслуженную брань и дивились какъ это могло случиться, что ихъ, законовѣдовъ и юрисконсультовъ, могли такъ ловко обойти и заставить утвердить такой вопіющій приговоръ. Больше-же всего дивились тому, что «даже никто рубля не получилъ». Но на одномъ удивленіи останавливаться было нельзя,—дѣло требовало слѣдствія, а слѣдствіе могло еще болѣе огласить скандальное дѣло и потому, какъ самъ герой Кальсандровъ, такъ и всѣ губернскія власти, считали лучшимъ «сору изъ избы не выносить». Высшее губернское начальство такъ пригрозило Кальсандрову, что онъ сдѣлался на полъаршина ниже ростомъ и за это время значительно отощалъ и постарѣлъ. Какъ истинный христіанинъ, герой нашъ обратился прежде всего къ Богу, сталъ служить молебны съ акафистами всѣмъ святымъ и, послѣ продолжительнаго и частаго молебствія, рѣшился наконецъ смирить свою гордыню и явиться предъ обманутымъ имъ обществомъ съ предложеніемъ мировой. Назначено было время и мѣсто собранію.

Кальсандровъ смиренно и тихо вошелъ, сдѣлалъ общій поклонъ собравшимся и предложилъ мировую.

— Оно конечно... намъ тово... обидно... Только мы зла не помнимъ, говорило общество:—мы согласны сдѣлать все по старому, а вы намъ, г. Кальсандровъ, заплатите-ка за это тридцать тысячъ серебромъ!

Кальсандровъ глубоко вздохнулъ.

— Господа общество! я, примѣрно, виноватъ, лукавый попуталъ... Господь на меня прогнѣвался; это все, примѣрно, правда, только тридцать тысячъ дорого.

— Меньше мы не возьмемъ... Вамъ же будетъ хуже...

— Тысячу серебра возьмите. Нынче года тяжолые, сами знаете.

Общество и говорить о такой мелочи не хотѣло.

— Возьмите, господа, тысячку рубликовъ, право, вѣдь такой суммы на улицѣ тоже не найти.

— Тридцать тысячъ и меньше ни одной полушки, ни одной желѣзной полушки не уступимъ. Теперь ужъ, батюшка, вы въ нашихъ рукахъ. а не мы.

Кальсандрова передернуло. Купеческая натура взяла верхъ, забылись молебствія и акафисты и кротость, — все забылось. Кальсандровъ вскочилъ съ своего стула, на которомъ до того времени смиренно сидѣлъ, вскочилъ онъ и заоралъ, по старой привычкѣ, во все горло.

— Да что, вы думаете и въ самомъ дѣлѣ, что-ли, я васъ боюсь? Вы думаете, что вамъ удастся что-нибудь изъ меня выжать? Нѣтъ, голубчики, далеко кулику до Петрова дня. Хотите — дамъ вамъ три тысячи, да и то такъ, изъ милости, а больше ни гроша не прибавлю! Не возьмете теперь этой суммы, послѣ и ста рублей не получите.

Общество не согласилось. Кальсандровъ хлопнулъ сильно дверью и вышелъ изъ дома, въ которомъ было собраніе гражданъ. Теперь это дѣло тянется судебнымъ порядкомъ и не извѣстно—кто кого побѣдитъ. Кальсандровъ затыкаетъ всѣ дыры деньгами и злые языки говорятъ, что лучше-бы ему выдать обществу просимую сумму въ 30 тысячъ, чѣмъ судиться... Не знаю, чья возьметъ. Общество надѣется на свое правое дѣло и не унываетъ, а Кальсандровъ, съ своей стороны, надѣется на свой капиталъ (у него до трехъ милліоновъ рублей) и тоже не унываетъ. Слѣдовательно, пока всѣ веселы, нечего, значитъ, и намъ печалиться.

ТЕМНЫЕ ЛЮДИ.

По раскаленной песчаной дорогѣ, длинной лентой извивающейся по горамъ, тащилась въ жаркій іюльскій день крестьянская телѣга, запряженная парою лошадей. Ямщикъ, крестьянскій мальчишка, везъ фельдшера, ѣхавшаго на службу въ деревню и везъ его на земскихъ лошадяхъ.

Добралась телѣга до деревни и остановилась у избушки старосты. Фельдшеръ представилъ свои бумаги и потребовалъ квартиру. Староста почесался, поохалъ, посмотрѣлъ на непонятныя ему письмена и ничего не понялъ.

— Такъ вамъ, значитъ, фатеру? спросилъ онъ фельдшера, послѣ долгаго размышленія.

— Да, квартиру. Ты поскорѣе, пожалуйста, поварачивайся. Нечего тутъ чесаться-то.

— Ну. А на долго-ли вамъ эту фатеру надо?

— Я не знаю, надолго-ли. Можетъ быть на мѣ-

сяцъ, а можетъ быть и на годъ. Это дѣло начальства, отвѣчалъ фельдшеръ.

— Да вы, ваше благородіе, какой-же такой чиновникъ?

— Я фельдшеръ, понимаешь?

— Гм., фельшаръ. Та-а-къ. Кровь, значитъ, пускать... Зна-а-ю... задумчиво говорилъ староста.

— Что-же мнѣ на улицѣ, что-ли, ночевать, слышишь?

— Пошто на улицѣ... на улицѣ нельзя... Только за чѣмъ-же къ намъ фельшаръ?

— Да ты не разсуждай, сердился фельдшеръ, слышишь, тебѣ говорю.

— Слышу. Я сейчасъ. . говорилъ староста, почесывая въ головѣ.

— Что-жъ ты стоишь?

— Я ничего... Такъ вамъ, значитъ, фатеру?

— Да. Да.

— Какъ-же теперь ночью-то, гдѣ яее...

— Куда-же я дѣнусь-то? Пойми ты наконецъ!

— Это точно—задумчиво продолжалъ староста—та-а-къ... Кровь пускать... Гм... Гм... Такъ вамъ фатеру? спросилъ онъ опять.

— Двадцат разъ что-ли тебѣ повторять—закричалъ фельдшеръ,—тебѣ говорятъ, что меня начальство сюда прислало и предписываетъ тебѣ отвести для меня помѣщеніе.

— Ну, такъ бы и сказали... Я сейчасъ.

Староста почесалъ еще разъ торопливо голову, оглянулся кругомъ, какъ бы отыскивая кого, потомъ обратился къ ямщику, сидѣвшему во все продолженіе разговора на козлахъ, въ тоскливомъ ожиданіи конца переговоровъ.

— Парень! Вези ты его благородіе къ дядѣ Максиму.

— Ладно, отвѣчалъ ямщикъ.

— Скажи, вотъ молъ фельшаръ, кровь пуск... тьфу, Господи помилуй! Скажи, вотъ молъ староста прислалъ, фатеру молъ... Ну, ваше благородіе, садись...

Поѣхалъ фельдшеръ въ избу дяди Максима. Тамъ, послѣ долгихъ разсужденій, наконецъ дѣло кой какъ устроилось. Фельдшеръ помѣстился въ избѣ и, утомившись съ дороги, сейчасъ-же завалился спать. Дядя Максимъ потолковалъ съ ямщикомъ о пріѣзжемъ фельдшерѣ и, не разрѣшивъ причины его пріѣзда, долго не могъ уснуть, поворачиваясь на сѣновалѣ съ боку на бокъ.

На утро день былъ праздничный. На дворѣ дяди Максима собрались крестьяне. Между ними шелъ оживленный споръ о причинѣ пріѣзда фельршера. Мужики махали руками, спорили и бранились между собой.

— Чево ты орешь? Знамо дѣло, пріѣхалъ не спроста.

— Потрошить будетъ, это вѣрно...

— Потрошить! Рази льзя живова человѣка.. Эхъ вы!..

— А коли нельзя, такъ что! Мертвое тѣло что ли у насъ есть?

— Како тѣло? Свиньи!..

— Какъ Эрофей умиратъ, чуть живъ теперь, мо жетъ ему что...

— А что ему? Онъ третій годъ въ немочи.

— Можетъ кровь ему...

— Кака ему кровь,—мужикъ совсѣмъ изсохъ.

— А то, ребята, можетъ, на счетъ скота что..

— Эка сгородилъ! Падежъ что-ли у насъ... Что-б тѣ на языкъ!..

— Такъ чево-же ино?

Предположеніямъ не было конца.

Составивъ себѣ искони понятіе, что фельдшер имѣетъ исключительную обязанность только пускат кровь да «потрошить» т. е. анатомировать скоро постижно умершихъ, крестьяне не могли понят причины его пріѣзда въ деревню, во первыхъ по тому, что деревня во все время своего долгаго су ществованія обходилась безъ фельдшера, а во вто рыхъ, самое главное, потому что въ деревнѣ ника кого несчастія не случилось и мертваго тѣла н было. Чрезъ нѣсколько времени фельдшеръ вышел на крыльцо избы и обратился къ крестьянамъ с привѣтомъ.

— Здравствуйте, ребята!

— Добро жаловать, ваше благородіе.

— Что это вы тутъ собрались?

— Да вотъ мы тутъ, ваше благородіе, теперича догадаться не можемъ, никакъ въ толкъ не возьмемъ, зачѣмъ ты къ намъ пріѣхалъ?

— Я лечить васъ пріѣхалъ, отвѣчалъ фельдшеръ.

— Кого-же лечить-то?

— Да кого случится. Всѣхъ. Кто захвораетъ, того и лечить.

— Проѣздомъ, али какъ?

— Жить у васъ буду...

Мужики почесались.

— У насъ, ваше благородіе, кажись все благополучно, мертваго тѣла нѣту, слѣдствія значитъ никакого не слѣдоваетъ. Скотъ тоже, дай Богъ въ добрый часъ сказать, здоровъ...

— Начальство меня къ вамъ прислало, помогать вамъ, если вы захвораете.

— Это ты, ваше благородіе, напрасно. Совсѣмъ напрасно. Мы всѣ, слава Богу, здоровы.

— Лучше бы ты, ваше благородіе, отдохнулъ-бы у насъ, да назадъ съ Богомъ тронулся, потому, мы, значитъ, никогда не хвораемъ.

— Мнѣ нельзя назадъ ѣхать. Начальство приказало здѣсь жить, помогать вамъ...

— Напрасно. Помогать намъ совсѣмъ нечего...

— А если вдругъ захвораетъ кто? спросилъ фельдшеръ.

*

— А коли какъ, грѣхомъ, кто занеможетъ, такъ у насъ тутъ знахарь есть, важный,—онъ всякую немочь излечитъ.

— Знахарь у насъ, что и говорить, у насъ знахарь бѣдовай!

— Поѣзжай лучше, ваше благородіе, назадъ. Мы тебѣ, коли хочешь, на дорогу поклонимся по силѣ возможности...

Фельдшеръ улыбался.

— Поѣзжай. Пра-а-во.

— Нельзя, ребята. Я-бы и радъ самъ, да начальство не позволитъ.

— Коней-бы мы тебѣ такихъ впрягли—любо-дорого... А начальству своему скажи такъ:—мужики, молъ, всѣ здоровы до единаго.

— Нельзя, братцы мои, вотъ что. Жить буду у васъ, вотъ аптеку заведу, травы разныя собирать буду.

— Тра-а-вы?

— Да. Лекарства буду составлять...

— Лекарства-а?! Вотъ что—о!..

Фельдшеръ сѣлъ на крыльцѣ и сталъ курить трубку. Мужики столпились около него.

— Ну, ваше благородіе, еще что-же ты будешь дѣлать? спрашивали они.

— Лечить васъ буду...

— Лечить?!

— Та-а-къ! А какъ же ты теперича насъ будешь лечить, коли мы всѣ здоровы?

— Можетъ и захвораете когда... Вѣдь животомъ смертью Богъ владѣетъ...

— Это ты—точно!.. Какъ-же ты примѣрно лечить насъ хочешь?

— Лечить буду по книгамъ, какъ учили доктора.

— Дохтура—а? Ну, а ежели въ этихъ самихъ, значитъ, книгахъ какая болѣзть не обозначена, тогда что!

— Тогда къ доктору напишу. Докторъ пріѣдетъ..

— Что-о ты?! съ удивленіемъ вскрикнули громче прежняго нѣсколько мужиковъ и стали между собой переглядываться.

— Оказія, ребята!

— Да ты смѣешься, ваше благородіе, али дѣломъ говоришь?

— Чего мнѣ смѣяться, говорю вамъ правду...

— Такъ значитъ, дохтуръ наѣдетъ сюда?

— Да.

— Вотъ тѣ на-а!

На уѣзднаго доктора, какъ вообще бываетъ, прежде смотрѣли со страхомъ и трепетомъ, потому что видѣли въ немъ чиновника и притомъ такого чиновника, который появлялся въ деревнѣ при самыхъ неблагопріятныхъ случаяхъ и пріѣздъ его всегда сопровождался слѣдствіемъ, пріѣздомъ другихъ чиновниковъ, для которыхъ требовалось неизбѣжно извѣстное количество подводъ, квартиръ, куръ, яицъ и пр. и пр.

Услышавъ отъ фельдшера о пріѣздѣ доктора, крестьяне сильно задумались, и большая часть изъ нихъ отошли отъ крыльца на почтительное разстояніе.

— Такъ когда-же этотъ дохтуръ наѣдетъ?

— Когда нужно будетъ.

— Ну, а еще къ намъ какіе чиновники будутъ?

— Никакихъ чиновниковъ не будетъ. Чиновники болѣзней не имѣютъ.

— Ну, а на счетъ, тепериче, подводъ какъ-же.

— Какихъ подводъ?

— А дохтуру-то! говоришь, онъ пріѣдетъ. Сколько-же ему?

— Эхъ вы, дураки! я вамъ говорю толкомъ, что докторъ только тогда пріѣдетъ, когда это нужно будетъ—поняли?

— Поняли. Значитъ, коли что такое, примѣрно, мертвое тѣло, али-бо что, оборони Богъ, недоброе, —ежели, значитъ, слѣдствіе.

— Ну, хоть такъ, пожалуй, отвѣчалъ фельдшеръ, улыбаясь.

— Да можетъ ты все, ваше благородіе такъ городишь, чепуху?

— Ну васъ совсѣмъ... Съ вами не сговоришь. Есть у васъ теперь больные или нѣтъ? спросилъ онъ, вставая.

— Нѣ-ѣ-ту! Какіе у насъ больные.

— Ни одной души больной нѣтъ, всѣ здоровы...

хворать-то у насъ, признаться, некогда, вишь теперь того и гляди, надо будетъ хлѣбъ жать, вишь какъ паритъ солнце-то, созрѣлъ чай...

— Такъ нѣтъ больныхъ?

— Вотъ тѣ Христосъ, то есть ни одного. Говоримъ, что теперь не такая пора—теперь вотъ жатва на носу. Развѣ вонъ бабы, мало-дѣло, которыя прихварываютъ, ежели на сносяхъ... Такъ у нихъ вѣдь свое леченье.

— Какое-же? спросилъ фельдшеръ.

— Да такъ. Свое! Кто ихъ знаетъ какое. Тоже знахарки старухи есть, ну и помогаютъ, когда травой какой ни на есть должно; тоже, вотъ какъ ты, собираютъ по полю травы, а то и наговоромъ лечатъ.

— А ты ваше благородіе, наговоры чай тоже знаешь?

— Нѣтъ, я наговоровъ не знаю; они, ребята, отъ болѣзни помочь не могутъ.

— Разсказывай. Коли не могутъ! А какже, примѣрно, ежели отъ дурного глазу?

— Все это вранье! Бабы ваши врутъ.

— Нѣтъ, не вранье! Ты этого, ваше благородіе, не говори. Наговоры бываютъ всякіе; тутъ, братъ, безъ знахаря,—пропащее дѣло. Вотъ что: теперь у насъ вонъ Потапычъ, какой дошлый на эти дѣла, страсть!

— Кто же это Потапычъ такой? спросилъ фельдшеръ, снова садясь на крыльцо.

— Неужели ты про Потапыча не слыхивалъ! Потапычъ у насъ знахарь, важный знахарь—одно слово! Всякую немочь лечитъ, наговоръ какой угодно въ недѣлю вылечитъ и только значитъ принеси ему за это рубль на ассигнацію. Вонъ анамеднись у насъ мужикъ, Денисомъ звать, въ полѣ сѣно косилъ, вдругъ заболѣлъ животомъ, скрючило его въ три дуги—бѣда! Кое-какъ добрался до избы, послалъ бабу съ рублемъ къ Потапычу, тотъ его въ два дни на ночи поставилъ.

— Чѣмъ-же онъ его лечилъ?

— А кто его знаетъ чѣмъ! Видѣли что на воду чего-то шепталъ, крестилъ ее, воду-ту, крестомъ, шепталъ, шепталъ чего-то, да и далъ пить.

— И помогло?

— Нѣтъ. Съ перва-то на перво не помогало. Кто-то, говоритъ, ему поддобрилъ шибко, а можетъ, говоритъ, и сглазилъ. Такъ онъ, Потапычъ-то въ другой разъ опять шепталъ, воду эту самую въ ковшѣ уносилъ въ амбарушку, а послѣ вынесъ, да и велѣлъ Дениса-то внизъ головой подержать, такъ видно время съ полчаса прошло, держали его внизъ головой-то, не беретъ. А Потапычъ стоитъ тутъ, смотритъ—у Дениса и рожа покраснѣла, кровью налилась, а легче все нѣтъ. Потрясите, говоритъ, его теперь еще на послѣдки, для того, говоритъ, значитъ, чтобы вытряхнулась изъ живота-то, коли тамъ какая ни на есть дрянь засѣла. Потрясли,—

ничего не вытряхнулось. Ну, говоритъ, теперь слава Богу, Потапычъ-то это говоритъ,—теперь, говоритъ, рабъ Денисъ будешь здоровъ, вотъ только этой самой воды выпей.

— И что-же, выздоровѣлъ?

— Выздоровѣлъ опосля. Сорвало его отъ этого самаго питья и—ничего. Теперь какъ быкъ здоровъ.

— Это не отъ нашептыванья онъ поправился, а отъ другого чего нибудь, замѣтилъ фельдшеръ.

— Толкуй! Мы чать сами видѣли, какъ онъ шепталъ...

— Онъ это только для виду. .

— Ну, нѣтъ, ты, ваше благородіе, повѣрь намъ, что безъ этаго нашоптыванья тутъ никакъ невозможно, потому всякіе наговоры бываютъ, другой отъ злости, а то, вотъ бываетъ, другой съ зависти что скажетъ, вотъ тутъ эта самая болѣсть и навяжется,—это вѣрно!

— Все это, ребята, вранье.

— Да, вранье, что и говорить, вранье! А вонъ какъ у кума Панкратья баба занемогла, такъ не бойсь не вранье, вотъ что! Онъ ее было живую схоронилъ, баба совсѣмъ было умирала, да и старуха—баба-то, а небойсь Потапычъ ее выправилъ и теперь еще все жива.

— Какъ-же это случилось? спросилъ фельдшеръ.

— Такъ-же и случилось. Началъ нашоптывать на

воду, да травки разныя давалъ, въ баню велѣлъ таскать, — теперь ничего, ходитъ.

— Нѣтъ, вы скажите мнѣ, какъ-же ее живую хоронить то хотѣли?

— Хоронить-то? Да это, вишь, такъ случилось ужъ, грѣхомъ, чуть было Господа не прогнѣвали, закопали-бы бабу, да Богъ спасъ, во время узнали.

— Какъ-же это было? Вы разскажите по порядку.

— А вотъ какъ. Деревня наша, ты самъ, ваше благородіе, знаешь, дальняя. Батюшка попъ-то наѣзжаетъ не часто. Когда наѣдетъ, такъ заразъ всѣхъ покойниковъ отпоетъ на могилахъ, ребятишекъ всѣхъ перекреститъ и уѣдетъ опять, а тамъ жди его, значитъ, мѣсяцъ, другой, а то и больше, какъ случится... У кума-то Панкратья баба сильно захирѣла, одно слово—ни рукой, ни ногой, языкъ, значитъ, отнялся, гляди, вотъ-вотъ умретъ. Съ Потапычемъ онъ съ нашимъ что-то не въ ладахъ былъ, на праздникъ о чемъ-то они у кабака поспорили и съ той поры другъ съ другомъ не говорили. Позвалъ Панкратій знахарку, та полечила, полечила, — говоритъ, лечить нечего, готовь, говоритъ, бѣлую рубаху и новый сарафанъ, потому — баба не сегодня завтра отойдетъ. Въ эту самую пору наѣхалъ батюшка. Сталъ онъ отпѣвать тѣхъ, которые умерли, ребятишекъ сталъ крестить, и дѣло у него шло къ концу. Панкратій видитъ— дѣло плохо, хозяйка все жива, а батюшка-то, пожалуй, того и гляди, не сего-

дня, завтра уѣдетъ. Подождалъ онъ еще денекъ, видитъ, что хозяйка все еще дышетъ, подумалъ, подумалъ, помолился, да и уложилъ ее въ гробъ, чтобы значитъ не опоздать, пока батюшка въ деревнѣ. Привезъ онъ гробъ въ часовню и поставилъ его, гдѣ слѣдоваетъ. Баба лежитъ, умираетъ. Пришелъ батюшка, сталъ было отпѣвать, только вдругъ слышитъ глубокой такой вздохъ, стонъ этакой тяжелой, — онъ даже вздрогнулъ, батюшка-то. Только подходитъ къ гробу, смотритъ, баба дышетъ—жива. Что это, говоритъ, такое? Зачѣмъ живую въ гробъ положили? А Панкратій-то и говоритъ ему: «ты, батюшка, говоритъ, не сумнѣвайся, ты отпѣвай, говоритъ, потому она тѣмъ временемъ дойдетъ, а то ежели, говоритъ, не дойдетъ, такъ, пожалуй, день другой пусть постоитъ въ часовнѣ». Только батюшка больно разсердился на Панкратья и сейчасъ же велѣлъ бабу вынять и унести на рукахъ въ избу. Я, говоритъ, тебя могу подъ судъ отдать! Это онъ на Панкратья-то кричалъ. А Панкратій что, — извѣстно, онъ думалъ — она умретъ... Ну, вотъ съ того самаго дня онъ съ Потапычемъ и помирился, пошолъ къ нему, такъ и такъ, молъ, вотъ дѣло какое,—батюшка не отпѣваетъ, говоритъ, баба можетъ выздоровѣть, попробуй, говоритъ, полечи, авось можетъ Богъ и пристанетъ. Сталъ Потапычъ лечить Панкратьеву бабу, лечилъ онъ ее долго, никакъ мѣсяца три, рублей съ этого Панкратья ему пошло

много, однако, рублевъ съ двадцать на ассигнацію онъ ему просадилъ, ну, зато бабу на ноги поставилъ. Баба здорова теперь, сопитъ только она что-то, ровно какъ-бы усталая лошадь, а ничего такъ-ту здорова, ходитъ... сама ходитъ...

— Како ужъ здоровье,—перебилъ кто-то изъ мужиковъ,—сопитъ баба, ровно усталая лошадь...

— Это, нужды нѣтъ! Это у ней съ испугу. Потапычъ говоритъ, это съ того съ самаго, значитъ, часу, какъ ее въ гробъ забуцали.

Фельдшеръ слушалъ и хохоталъ.

— Да ты что, ваше благородіе, хохочешь. Тебѣ правду вѣдь говорю, ей-ей!

— Вѣрю, что правда, да какъ же вы это живую-то?...

— Вотъ поди ты, грѣхъ ужъ такой случился... Батюшко-то услыхалъ...

— Ну, еще какія у васъ болѣзни бывали?

— Какія болѣзни? Болѣзней никакихъ больше не бывало. Такъ другой разъ развѣ чего занеможется, такъ въ баню сходишь попаришься, ну, и ничего; съ устатку, когда спину заломитъ, али што,—водки долбанешь косушку-другую, оно и ладно, а то дегтемъ намажешь въ жару больное мѣсто, тоже хорошо—помогаетъ! Ну, а коли сильно расхвораешся животомъ, али чѣмъ тосковать будешь — къ Потапычу сходишь, дастъ какой-нибудь водицы выпить, али травки... Говоримъ тебѣ, што онъ у насъ че-

ловѣкъ дошлой—одно слово! Теперь вотъ тоже онъ на счетъ свадебъ человѣкъ ловкой, безъ него тутъ никакъ невозможно.

— Что же онъ на свадьбахъ дѣлаетъ?

— На свадьбахъ онъ у насъ первое мѣсто занимаетъ... Потому, ежели кто хочетъ чтобы благополучно было, должонъ Потапычу поклониться двумя, а то и тремя рублями, потому все въ его волѣ.

— Что же онъ можетъ сдѣлать?

— Говорю тебѣ все въ его волѣ. Не захочетъ— кони во дворъ не пойдутъ, счастья молодымъ не будетъ, а то и жениха отъ невѣсты можетъ отворотить, наговоръ такой сдѣлаетъ, што парню дѣвка опостылѣетъ. Вотъ онъ какой человѣкъ. Теперича тоже бываетъ на счетъ воровства, у кого што пропадетъ — Потапычъ угадать можетъ куда пропало, кто примѣрно укралъ и гдѣ схоронилъ.

— Какъ же онъ это знаетъ!

— А кто его разберетъ! Дока человѣкъ — одно слово. А смиреной, водой не замутитъ. Строгой только старикъ, потому любитъ што бы къ нему завсегда съ поклономъ. Бываетъ тоже, вотъ когда бабы на сносяхъ мучатся, ту пору знахарка помочь не можетъ, позовутъ Потапыча, онъ помогаетъ, правда, тоже не всегда, иной разъ говоритъ — помочь нельзя, потому, такъ говоритъ ей на роду написано. Бываетъ тоже всяко. Вѣдь съ этими бабами горе. Когда они родятъ, въ ту пору съ ними

маяты-то не оберешься. Орутъ на всю деревню, ровн их кто, прости Господи, ножами рѣжетъ. По весн какъ-то, тутъ одна молодая бабенка дней никак шесть, а то и всѣ семь, мучилась. Было въ т пору крику-то на всю деревню. И Потапычъ ничег не могъ сдѣлать. Чего, чего съ бабой не дѣлали— нѣтъ, не беретъ! Перво-на-перво-то ее въ бан растирали, штобъ, значитъ, скорѣй ослобонилась ну, траву разную давали, только пользы отъ той травы ей Богъ не далъ. Опосля перетащили ее из бани въ избу, положили ногами къ дверямъ, — го ворятъ, отъ этого помогаетъ, — нѣтъ, тоже не по могло. Привезли знахарку изъ дальней деревни прослышали, што она ужъ шибко дошлая на эт дѣла. Велѣла она опять волочить бабу въ баню проволокли, положили къ дверямъ головой, ногам къ печкѣ; стала знахарка што-то надъ углям шептать. Передъ образомъ въ избѣ велѣла свѣчку зажечь — нѣтъ, не помогаетъ. А баба, бѣдная ревмя-реветъ во все горло. Только ревѣла, ревѣла она такъ-то дня четыре и перестала и голосу рѣ шилась. Угли тоже чего-то непользительны вышли. Стали бабу подъ мышки держать, на ноги, значитъ, ставить, потому, говорятъ отъ этого скорѣе роды рѣшаются, только такъ-ту держали, держали, а пользы бабѣ никакой не сдѣлали. Такъ и умерла.

— Вотъ то-то, ребята, сказалъ фельдшеръ,—и видно, что ваши знахари и знахарки ничего не смыслятъ.

— Какъ не смыслятъ?

— Да такъ же. Мучатъ только они людей понапрасну.

— Кто тебѣ сказалъ, што они мучатъ, Господь съ тобой! Никого они не мучатъ, а, значитъ, такъ ужъ, видно, не судьба бабѣ... Потапычъ сказалъ, такъ, говоритъ, ужъ ей на роду написано...

— Не знаетъ онъ, чѣмъ помогать надо.

— Ну? Толкуй! на то онъ и знахарь, штобы знать.

— А вотъ изъ разсказовъ-то вашихъ видно, что не знаетъ.

— А ты развѣ знаешь?

— Я знаю. Много ли, мало ли, а все же побольше вашего Потапыча. Меня учили по книгамъ, отъ какой болѣзни какое лекарство давать.

— Какія же это книги, ламскія, што ли? спросили крестьяне.

— Нѣтъ не ламскія. Ламскія книги у Китайцевъ, да у Монголъ, а у насъ свои есть, русскія.

— Вотъ ка-а-къ. Н-да... Книги тоже хорошо другой разъ. Вонъ, тоже наши мужики, которые богаты, у Ламъ лечатся — помогаютъ они тоже. Только правду тебѣ, ваше благородіе, надо сказать, супротивъ Бога тоже не пойдешь, если ужъ кому на роду написано, того не обойдешь, не объѣдешь — вотъ што! Ты это, значитъ, помни завсегда. А ужъ коли Богъ захочетъ помочь, такъ черезъ знахаря ли,

какъ ли, а то и просто безъ всякаго лекарства по-можетъ. Вонъ тоже, говорилъ я тебѣ, Панкратьеву-то хозяйку хоронить хотѣли, а Богъ не попустилъ.

На этомъ и покончилась бесѣда. Фельдшеръ под-нялся съ крыльца и, простившись съ крестьянами, ушелъ въ избу. Крестьяне одинъ по одному выхо-дили со двора и чрезъ полчаса вся толпа собралась около кабака. Они долго толковали о томъ, кто больше «дока», знахарь ли Потапычъ или пріѣзжій фельдшеръ. Преимущество осталось на сторонѣ По-тапыча, такъ какъ много примѣровъ изъ его прак-тики служили яснымъ доказательствомъ его глубо-кихъ знаній.

На слѣдующій день, въ избу, въ которой жилъ фельдшеръ, пришла крестьянка. Она медленно под-нялась на крыльцо, прихрамывая на лѣвую ногу, тихо и робко растворила дверь избы и остановилась на порогѣ.

— Проходи впередъ, проходи, чего на порогѣ-то встала, крикнулъ фельдшеръ.

Баба вошла, помолилась на образъ и вынула изъ-за пазухи три яйца.

— Я къ тебѣ, родимый... ваше благородіе, али какъ тебя,—говорила она, укладывая яйцы на столъ.

— Все равно, какъ ни назвала. Ну, что тебѣ нужно-то?

— Да вотъ видишь ли, я ногой скучаю, третью недѣлю. Сѣно мы косили, я копны метала, хозяинъ

то мой косилъ, косилъ, да какъ-то невзначай мою ногу и царапнулъ косой-то. Съ того самаго часу, немочь какая-то привязалась, — не могу вотъ ступить на ней, больно мнѣ. Такъ ты бы мнѣ кровь пустилъ; можетъ, отъ этого легче будетъ.

Фельдшеръ осмотрѣлъ ногу.

— Нѣтъ, тетушка, кровь пускать я тебѣ не буду, а дамъ я тебѣ лекарство. Трава такая есть, frons называется.

— И-и! Что ты, родимый, какой тебѣ Фараонъ! — Господи помилуй!... Лекарство-то вишь не беретъ вовсе. Знахаркѣ-то я никакъ три полтины снесла деньгами, да яицъ никакъ съ пятокъ — а ты лучше мнѣ кровь пусти, на то вѣдь ты и фельшаръ, чтобы кровь пускать.

— Да нельзя тебѣ кровь пускать, понимаешь, — нельзя, вредно будетъ. Лучше, если ты ужь не хочешь лекарства, такъ сдѣлай вотъ что: обвертывай ты ногу чистой тряпкой, а эту грязь-то сними, поняла?

— Ну? недовѣрчиво спросила баба.

— Оберни чистой тряпицей...

— Пошто?

— Чтобы грязи не было.

— Какой такой грязи?

— Да тряпка же у тебя на ногѣ грязная...

— Что тебѣ тряпка-то помѣшала? Отъ тряпки-то легче не будетъ; чистая она али нѣтъ—это все

едино; не тряпка вѣдь у меня болитъ, нога болитъ-то.

— Я тебѣ говорю, такъ ты и слушай. Оберни чистой тряпкой, да на дню раза три, а то и четыре обмывай холодной водой... А лучше-бъ я тебѣ травы далъ, скорѣе бы помогло...

— Нѣтъ, травы не надо, лечили—не беретъ.

— Глупая! Ты пойми, трава же бываетъ разная.

— Все равно. Трава, такъ трава и есть... Такъ кровь не пустишь?

— Нѣтъ не пущу.

Баба помолилась на образъ и поплелась назадъ

— Промывай водой, слышишь, да чистой тряпицей обвертывай, чтобъ грязи не попадало, крикнулъ ей вслѣдъ фельдшеръ.

Баба ничего не отвѣчала и, прихрамывая, медленно удалилась изъ двери.

Черезъ нѣсколько времени притащилась другая баба, принесла кринку молока и, кланяясь съ ней фельдшеру, просила, чтобъ онъ не забылъ кринку возвратить назадъ, когда молоко будетъ выпито.

— Чѣмъ же ты больна?

— Да вотъ головушка у меня болитъ, ровно бы кто ее обручами сдавилъ, ломитъ...

Фельдшеръ осмотрѣлъ ее голову и глубокомысленно проговорилъ:

— Caput bolet.

— Клала, родимый и капусту соленую, клала, все легче нѣту, охала баба.

— Нѣтъ, ты не то. Я не про капусту, я говорю какъ по книгамъ эта болѣзнь называется.

— Да Богъ съ ними, родимый, съ книгами-то, ты вотъ помоги мнѣ, я тебя и деньгами опосля поблагодарю...

Баба повалилась въ ноги и заплакала.

— Моченьки моей нѣтъ, другой годъ вотъ такъ то... Помоги, родимый, я тебѣ,--что угодно. Богу за тебя свѣчку рублевую поставлю.

Она утерла носъ рукой и замолчала. Фельдшеръ сталъ ее распрашивать, какъ началась болѣзнь, когда, чѣмъ она ушибла голову или простудила ее. Баба не помнила начала болѣзни, а знала только, что у ней голова болѣла день и ночь.

— Просила было и батюшку священника. Онъ далъ было мнѣ уксусу...

— Acetum значитъ, перебилъ фельдшеръ, желая высказать передъ бабой свои медицинскія познанія.

— Нѣтъ, батюшка, просто уксусъ, только онъ мнѣ не помогъ. Опосля я батюшку священника встрѣпула, говорю ему, ни помогаетъ молъ. Больше, говоритъ, я не знаю никакого лекарства, потому говоритъ я этому не обученъ, а ты молись, говоритъ, Богу... Такъ родимый вотъ я и молюсь, окромѣ попа-то намъ проситъ некого, знахари тоже помочи мнѣ не сдѣлали... Помоги, родимый...

*

— Ну, тетка, окромя уксусу тебѣ никакого лекарства нѣтъ, а коли уксусъ не беретъ, значитъ тебѣ такъ Богъ послалъ за грѣхи.

— За грѣхи, видно, родимый, со вздохомъ сказала баба, и, печально понуривъ голову, вышла изъ избы.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ХУДОЖНИКА.

Изъ Петербурга мы отправились сначала въ Москву. Это было во время Севастопольской Компаніи. Іереѣздъ до Москвы, по быстротѣ сообщенія, не редставляетъ, конечно, никакой возможности снять акой бы то ни было видъ, но, по пріѣздѣ въ Москву, ы съ товарищемъ вздумали рисовать московскія ріумфальныя ворота. Неподалеку отъ этихъ воротъ гояла полицейская будка; мы пріютились у за[illegible]й з стѣны и принялись за работу. Первый день прошелъ благополучно, но на другое утро на насъ изъ угла будки сталъ посматривать подозрительный лазъ будочника: поглядитъ, поглядитъ и спрячет-, чрезъ нѣсколько времени—опять. Выглянулъ акъ-то щетинистый усъ, потомъ конецъ алебарды, о самъ будочникъ все-таки считалъ безопаснымъ рываться за угломъ. Мы продолжали свою работу, азъ, усъ и алебарда исчезали; но не прошло пол-

часа, какъ предъ нами, точно изъ земли, выросъ квартальный надзиратель; появленію его только и предшествовалъ испуганный шопотъ: «вотъ тутъ и есть, ваш—бродіе».

— Что вы за люди? строго крикнулъ квартальный, смѣло подступая къ намъ.

— Художники, отвѣчали мы, продолжая работу.

— Зачѣмъ вы тутъ скрываетесь за будкой, не въ указанномъ мѣстѣ?

— Такъ намъ нравится, потому тутъ и сидимъ, а скрываться и не думали. Вы видите, что мы работаемъ...

— Ваши виды на званіе! потребовалъ квартальный.

— Виды наши на квартирѣ, а квартира тамъ-то, сказали мы.

— Нечего тутъ съ вами много толковать... Эй! будочникъ! возьми ихъ въ кварталъ, тамъ разберемъ! закричалъ блюститель общественнаго спокойствія.

Товарищъ мой былъ человѣкъ находчивый. Онъ вскочилъ на ноги, подбѣжалъ къ квартальному и, храбро подступая къ его груди, закричалъ:

— Да вы знаете ли, что мы работаемъ по приказанію господина генералъ-губернатора? Да знаете ли вы, что его высокопревосходительство намъ поручилъ снять для его высокопревосходительства видъ тріумфальныхъ воротъ?

Квартальный испугался, задрожалъ и вытянулъ руки по швамъ.

— В-ва ше в-выс-сок-ко... началъ онъ умоляющимъ голосомъ.

— Да онъ васъ въ С-сиб-бирь! въ кат-тор-ргу! сердито угрожалъ мой товарищъ.

— В-ваше выс-сок... не погубите... Жена, дѣти... лепеталъ квартальный и пятился отъ насъ.

Будочникъ смотрѣлъ на всю эту сцену и ничего не могъ понять.

— Такъ взять ихъ, ваше благородіе, что-ли, али такъ гнать въ полицу? спросилъ онъ, сердито взглядывая на насъ.

— Паш-шолъ, паш-шолъ! отчаяннымъ шопотомъ приказывалъ квартальный и немилосердно трясъ бутаря за воротникъ. Бутарь, въ свою очередь, перетрусилъ, замигалъ глазами, щетинистые его усы тряслись вмѣстѣ съ губой, и алебарда вываливалась изъ рукъ. Квартальный ткнулъ его въ шею и оба исчезли за угломъ будки. Больше мы не видѣли ихъ обоихъ, но кончивъ работу, тѣмъ не менѣе, спѣшили поскорѣе убраться отъ будки.

Изъ Москвы мы отправились чрезъ нѣсколько дней въ Нижній-Новгородъ. Въ то время еще о желѣзной дорогѣ только начинали поговаривать; на почтовыхъ, какъ извѣстно, было трудно получить лошадей по частной подорожной, не смотря на то, что въ ней было напечатано: «давать лошадей безъ всякаго замедленія». По этому тракту нерѣдко и по казенной надобности приходилось ждать лошадей по

пяти—шести часовъ; на вольныхъ ямщикахъ мы тоже не поѣхали, потому что они возили по дорогой цѣнѣ,—мы сочли за лучшее ѣхать при обозѣ, тѣмъ болѣе, что обозъ, часто останавливаясь во время пути, представлялъ намъ нѣкоторую возможность заниматься работой. Путешествіе наше продолжалось первые дни весьма спокойно; все шло благополучно, ни бутарей, ни квартальныхъ на пути не попадалось, и мы уже успѣли кой-что нарисовать. Но по пріѣздѣ въ одно богатое село съ нами случилась необыкновенная исторія. Вздумали мы снять внутренность постоялаго двора, въ то время, когда въ немъ останавливается обозъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства поднялся ужаснѣйшій шумъ, сбѣжалось почти все село на постоялый дворъ и намъ угрожала большая опасность, потому, что въ рукахъ у нѣкоторыхъ изъ прибѣжавшихъ были дубины и жерди. Если бы не волостной писарь, то Богъ только одинъ знаетъ, чѣмъ бы кончилась эта исторія. Весь шумъ, брань, угрозы и волненія толпы крестьянъ произошли оттого, что догадливый хозяинъ постоялаго двора, замѣтивъ насъ за работой, вообразилъ, что мы тайно посланы отъ непріятеля для предварительнаго изслѣдованія мѣстностей.

— А-а!—заоралъ онъ во все горло,—вы планты хотите снимать, вы французы? Караулъ! Онъ бросился, какъ сумашедшій, на улицу, закричалъ караулъ! и на его крикъ сбѣжался народъ.

— Бей ихъ ребята, бей! изъ подъ Сивастополи французскій непріятель! Бей!

Мы испугались, стали уговаривать, показывать кресты и сами крестились.

— Врутъ! врутъ все! Обманъ, одинъ обманъ! Научились мошенники говорить по нашему и кресты на себя надѣли!...

— А! Планты снимать! Французскій непріятель! Бей ребята!

— Стойте! стойте! Дураки, погодите! кричалъ протискиваясь сквозь толпу, писарь, человѣкъ довольно старый, въ очкахъ и съ палкой въ рукѣ. Голова его отъ испугу дрожала на плечахъ, онъ былъ до крайности взволнованъ и испуганъ. Онъ пробрался къ намъ и замахалъ палкой на мужиковъ.

— Безумные! безумные! угомонитесь!

— Иванъ Евдокимычъ! Измѣнщики! Не вѣрь! обманъ, одинъ обманъ! кричала толпа писарю.

— Безумные, стойте! Разузнайте сначала...

— Врутъ они, не вѣрь, это французы, русскіе кресты надѣли...

— Молчите! крикнулъ старикъ. Толпа нехотя отошла отъ насъ, старикъ сталъ съ нами разговаривать и попросилъ достать наши виды на званіе. Мы достали, онъ показалъ ихъ мужикамъ и тѣмъ только успокоилъ взволнованную толпу.

— А кто ихъ знаетъ! Думали, французъ планты

снимать мѣтятъ. Долго ли до грѣха? Овъ, чай, теперь окаянный о томъ и думы думаетъ, чтобы планты добыть...

Итакъ, благодаря старику-писарю, мы спасли, быть можетъ, свою жизнь. До Нижняго-Новгорода мы не могли успокоиться и не смѣли даже думать о томъ, чтобы заняться сниманіемъ видовъ.

Изъ Нижняго-Новгорода мы стали нанимать лошадей отъ деревни до деревни, останавливаясь по нѣсколько дней въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находили это для себя нужнымъ. Въ одной избѣ баба пристала къ намъ съ просьбой, чтобы мы продали ей на сарафанъ ситцу. Мы отговаривались и, конечно, смѣялись надъ желаніемъ крестьянки.

— Да я вѣдь на чистыя деньги, вы чего горло-то дерете? Вотъ вѣдь деньги, на!

— Мы не торгуемъ. У насъ нѣтъ никакихъ товаровъ, ты ошиблась.

— А пошто не торгуете? Вѣдь вы коробошники. Пошто надо мной смѣетесь? Вонъ у васъ коробки-то стоятъ, ну, развязывайте, я на два рубля возьму, а то, ежели баской ситецъ, то и на всѣ на три...

— Отстань, дура!—вступился мужъ, — эка баба глупая,—видишь, они землемѣры.

Такъ мы за землемѣровъ и поѣхали изъ деревни.

Въ одной изъ приволжскихъ деревень мы остались надолго, наняли квартиру въ избѣ у крестьянина и принялись за работы. Утромъ рано уходили

изъ деревни въ поле или въ лѣсъ и только позднимъ вечеромъ возвращались назадъ. Хозяинъ нашей избы такъ и считалъ насъ за землемѣровъ и потому оставилъ насъ совершенно въ покоѣ, чему, конечно, мы были очень рады. Встрѣтится, бывало, намъ, когда мы возвращаемся съ работъ и спроситъ: «много измѣрили?» Отвѣтимъ: много, молъ, дядюшка,—и тѣмъ разговоръ оканчивался.

Понравилось мнѣ одно мѣсто около одной рѣченки, и я началъ рисовать большой пейзажъ. Рѣченка эта, какъ видно было по окружающей ее мѣстности, когда-то была большой рѣкой и чрезъ нее пролегалъ мостъ, но отъ времена рѣка пересохла, мостъ сгнилъ и остались отъ него только двѣ-три сваи. Переправа чрезъ эту рѣченку была бродомъ. Нѣсколько дней я просидѣлъ около этого мѣста и каждый день слышалъ, какъ мужики ругали оставшіяся отъ моста сваи. Ѣдетъ телѣга бродомъ и наѣзжаетъ на сваи, начинается брань, крикъ, битье лошади, стаскиванье телѣги, и кой-какъ мужикъ пробирается на противоположный берегъ рѣченки.

— А, будь проклята эта дорога, анаѳемская, измучила совсѣмъ! ворчалъ мужикъ, обтирая потъ съ лица.

— Что, братъ, на сваи наѣхалъ? спрашивалъ я.

— Да, чтобъ имъ окаяннымъ пусто было. Вотъ ѣздишь такъ-то кажинный разъ, чтобы ихъ разрывомъ разорвало!

— Лучше бы ихъ вырубить, чѣмъ каждый-то разъ мучиться.

— А, вотъ еще! Больно мнѣ нужно вырубать, эко батрака нашелъ! Проѣхалъ такъ и ладно, пускай другой, коли охота ему, пускай онъ вырубаетъ!

Такъ нѣсколько дней сряду я былъ свидѣтелемъ, какъ мужики переѣзжая въ бродъ чрезъ рѣчонку наѣзжали на сваи стараго моста, бранились, отчаянно били лошадей, и на мои вопросы, почему не вырубятъ они свай, былъ одинъ отвѣтъ: — «а, ну ихъ къ лѣшему! проѣхалъ! пускай другой, коли охота!» Однажды мужикъ, перебравшись чрезъ рѣченку, вдоволь наругавшись и измучившись, подошелъ ко мнѣ.

— Ты чего это тутъ дѣлаешь? спросилъ онъ.

Я промолчалъ и продолжалъ работать, не обращая на него никакого вниманія.

— Ты землемѣръ? Землю мѣряшь, а? Скажи, ты землю мѣряшь?

— Да, землю мѣряю.

— А какъ ты ее мѣряшь, а?

— Вотъ видишь какъ, такъ вотъ и мѣряю.

— А-а! Мужикъ почесался постоялъ, помолчалъ, глубоко вздохнулъ и потомъ, уходя, сказалъ:

— Мудрено ужъ чего-то больно...

Это былъ не изъ любопытныхъ, не понялъ, такъ и только, съ тѣмъ и ушолъ. Отъ другихъ такъ дешево не отдѣлаешься.

Прощаясь съ нашимъ квартирнымъ хозяиномъ, мы попросили его позволить намъ срисовать съ него портретъ.

— Что вы, ваши благородія, какъ это вамъ не грѣхъ? Пошто?

— На память, хорошее у тебя лицо...

— Какое хорошее. Мужицкое, что въ немъ, лицо, какъ лицо... Патреты эти, говорятъ не къ добру, потому—помретъ человѣкъ съ эстаго патрета.

— Не помрешь, будешь живъ и здоровъ...

— Да вы землемѣры, чай, не умѣете, для этого въ городахъ есть мастера, которы образа пишутъ. Ну только я вамъ не дамся, хоша бы вы и умѣли, не дамся...

Такъ мы съ нимъ и разстались.

Далѣе, гдѣ-то на Камѣ, во время моихъ работъ въ лѣсу, подошелъ ко мнѣ крестьянинъ и долго разсматривалъ мою работу молча, потомъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и спросилъ:

— Ты чего же это тако, поштенный, тутъ дѣлашь?

— Отойди, пожалуйста, ты мнѣ мѣшаешь рисовать; встань подальше и смотри сколько тебѣ угодно.

— Да ты чего же это, образъ что ли дѣлашь?

— Нѣтъ, не образъ,—видишь, что я лѣсъ рисую.

— Вотъ выдумалъ каку пустяковину, на что тебѣ она пригодится? Брось лучше.

— Зачѣмъ бросать? Вотъ порисую, мнѣ деньги за нее дадутъ.

— Кто тѣ дастъ деньги? За что тутъ деньги давать?

— Дадутъ; кому нужно будетъ, тотъ и деньги дастъ.

— Эка выдумалъ! Гдѣ ты такова человѣка найдешь? Есть за что тутъ деньги давать...

Я продолжалъ работать. Мужикъ все стоялъ и смотрѣлъ.

— Може и найдешь какого дурака, а только умный не возьметъ, на что она?

— Да ты отстань, иди своей дорогой, я тебѣ не мѣшаю и ты мнѣ не мѣшай.

Мужикъ помолчалъ, почесался и стоялъ по прежнему около меня.

— Ты дерево что ли дѣлашь?

— Да, дерево.

— Которо дерево-то?

— А вотъ это.

Я указалъ ему на старую сосну.

— Эка нашелъ! Выбралъ тоже. Эхъ, ты! Како это дерево, на что оно годится, така дрянь, не видишь что ли, оно вѣдь гнилое. Вотъ дерево, хошь на машту ставь!

Мужикъ махнулъ рукой, сказалъ: «Эхъ, ты!» и ушелъ съ полнымъ сознаніемъ того, что я самъ не знаю, что дѣлаю.

Этотъ былъ хотя и изъ недовольныхъ, но все-таки съ смиренными наклонностями. Случалось, и весьма нерѣдко, подходили люди сердитые, подозри-

тельные, которые съ разу мѣтили на то, чтобы отправили меня въ волость или прямо къ исправнику.

Въ Елабугѣ мы разстались съ товарищемъ: онъ поѣхалъ обратно, а я остался еще на нѣкоторое время въ Вятской губерніи. Въ то время по Россіи были частые пожары, народъ ужасно былъ опечаленъ частыми несчастіями, вездѣ слышались вздохи, разсказы о поджигателяхъ и при этомъ, конечно, множество невообразимыхъ нелѣпостей о поджогахъ. Однажды я сидѣлъ въ лѣсу вдали отъ проселочной дороги, которую отъ мѣста моего сидѣнья едва было замѣтно. День уже склонялся къ вечеру, и я началъ было собираться въ путь, чтобы отправиться въ деревню на свою квартиру, какъ замѣтилъ своротившаго съ проселочной дороги мужика, ѣхавшаго верхомъ. Онъ направилъ свой путь чрезъ чащу лѣса прямо ко мнѣ.

— Какой ты есть на свѣтѣ семъ человѣкъ? Сказывай сичасъ? грозно крикнулъ онъ, подъѣзжая на своей клячѣ.

— А тебѣ что за дѣло? отвѣтилъ я, недовольный, конечно, такимъ строгимъ вопросомъ.

— Значитъ, есть мнѣ дѣло, коли я тебя спрашиваю. Говори!

— Убирайся отъ меня подальше, пока ты цѣлъ, а то я тебѣ волосянку задамъ.

— Нѣтъ, погоди, меня братъ, не шибко испугаешь, я, братъ, тебя не боюсь.

— Да я тоже не изъ трусливыхъ.

— Ладно, ладно. Ты, може, поджигатель какой въ лѣсу-то теперь засѣлъ, а по ночи-то, пожалуй, къ намъ въ деревню намѣтишь, да краснаго пѣтуха пустишь...

Я засмѣялся, не столько надъ предположеніемъ крестьянина, сколько надъ его мизерной фигуркой, которая егозила по костлявой спинѣ исхудалой лошаденки, а лошаденка давно уже наклонила свою сухую морду и искала травы.

— Смѣйся, братъ, смѣйся, послѣ не то запоешь. Ужъ я, братъ, тебя изъ виду не упущу...

— И прекрасно. Этому я радъ. Мнѣ же веселѣе будетъ назадъ возвращаться, сказалъ я и, сложивъ свои краски, вышелъ на проселочную дорогу.

— Ты куда же зашелъ? Ты, братъ, иди сюда на право, въ нашу деревню.

— Дуракъ же ты, дядя, порядочный, сказалъ ему.

— А ты не лайся больно-то, — вотъ что. Иди, говорю тѣ дѣломъ...

Я пошелъ себѣ своей дорогой на лѣво, въ ту деревню, гдѣ занималъ у крестьянина квартиру. Мужикъ ѣхалъ за мной слѣдомъ и все перебранивался, разсказывая мнѣ о поджигателяхъ.

— Може и ты изъ ихнихъ, кто те знатъ, у тебя вонъ ишь какой ящикъ при себѣ, може ты имъ орудуешь на поджогахъ-то... У те и кафтанъ-то са

мый поджигательской, короткололой, чтобы поджечь ца убѣжать,—кто-те знатъ...

Онъ проводилъ меня до избы моего квартирнаго хозяина и долго ворчалъ на дворѣ, переговариваясь съ нимъ.

— Есть нынѣ всякаго народу, шляются тоже, нѣтъ чтобы каку работу робить, ну, что онъ шляется безъ толку-то?

— Да нѣтъ, ты не то. Онъ парень смиреный, говаривалъ мой хозяинъ.

— А кто ихъ знатъ, какой онъ, укуси его, попробуй, рази укусишь?

— Это что говорить, человѣку въ душу не влѣзешь, а только парень, одно слово, тихой парень.

— Мало-ли какого народу нѣтъ. Ты знаешь нонѣ, аки года-то!

— Да года-та тово... опасно.

— То-то и есть...

— Да онъ ничего, парень—рубаха!

Мужики долго разговаривали подъ окномъ избы, долго прислушивался къ ихъ разговору и, засыпая, еще услышалъ, какъ мой хозяинъ, провожая мужика, сопровождавшаго меня, говорилъ ему, что я парень смиреный, рубаха.

— То-то, братъ, тово, а то вѣдь нонѣ, самъ нашь, пожалуй, какъ грѣхомъ и недоглядишь, краснаго пѣтуха подпустятъ.

— Не сумлѣвайся. Парень одно слово...

— То-то, то-то...

Съ крестеянскими женами и дѣвками мои встрѣчи были веселы. Какъ-то въ августѣ, во время жатвы хлѣба, я работалъ въ полѣ. Это было въ Вятской губерніи. Крестьянки, возвращаясь съ жнитва, увидѣли меня и издали всѣ остановились. Долго онѣ стояли вдали, потомъ подошли поближе и остановились саженяхъ въ пяти. Говорили онѣ между собой тихо, нѣкоторыя даже шопотомъ, нѣкоторыя вздыхали и качали головами, выражая на лицахъ величайшей сомнѣніе. Большая часть бабъ, какъ это всегда водится, стояли, приложивъ правую руку къ щекѣ. Я продолжалъ работать, изрѣдка только взглядывая на стоящихъ вдали бабъ. Нѣкоторыя изъ нихъ рѣшились подойти поближе.

— Какъ же ты, родимый, тутъ въ лѣсу-то? спросила наконецъ со вздохомъ одна старушка.

— Что въ лѣсу? переспросилъ я.

— Да чѣмъ кормишься-то?

— Тѣмъ же чѣмъ и вы, хлѣбомъ.

— А гдѣ-ка-же ты его берешь, родимый ты мой, а? Гдѣ-ка?

— Въ деревнѣ. Гдѣ же мнѣ больше брать?

— Тебѣ не боязно рази?

— Чего боязно?

— А въ деревню-ту ходить, рази не боишься?

— Чего же мнѣ бояться? Кто меня съѣстъ?

— Да вѣдь ты, чай, бѣглой? Може ты изъ войска убѣгъ, а?

Я засмѣялся. Бабы переглянулись между собой и покачали головами.

— Ишь, дѣвоньки, какой онъ... Безшабашной видно, смѣется какъ, на-ко...

— Не хочешь ли хлѣбца?

— Нѣтъ не хочу, свой есть.

— На, не бойся, возьми. На, возьми краюшку, у меня отъ жнитва осталось.

— Убирайтесь, бабы, не мѣшайте.

— О, хо-хо! Господи! Какой онъ такой...

— Какъ же ты туточка ночуешь?

— Гдѣ? спросилъ я.

— А въ лѣсу-то. Тутъ ночью, чай, медвѣдь, волкъ, звѣрье всякое...

Они принимали меня за бѣглаго и воображали, что я въ деревню и глазъ не смѣю показать. Въ одной крестьянской избѣ я предложилъ старушкѣ поправить у ней образъ, такъ какъ на немъ половина лика окончательно стерлась.

— Я съ тебя за это ничего не возьму.

— И, что ты грѣховодникъ эдако-ой!—Что ты!

— Хорошо поправлю, будетъ какъ новый.

— Пусти, пусти, озорникъ! Куда тебѣ, пусти, ой какой, неугомонный. Ишь грѣхъ какой выдумалъ, прости Господи! Я, чай, за образъ-отъ три алтины дала на ассигнацію, а то на-ко какой вы-

искался! Гдѣ тебѣ эку работу справить? На то мастера есть, въ городѣ живутъ, богомазы прозываются, а тебѣ гдѣ эко дѣло сдѣлать!

Такъ и не позволила прикоснуться. Однажды я рисовалъ пейзажъ и для этого помѣстился около деревенской изгороди, саженяхъ въ 100 отъ рѣки. Подошла ко мнѣ баба и спросила, что я дѣлаю. Я отвѣчалъ, что рисую.

— А я думала, — ты удишь, заключила она.

Случалось мнѣ иногда во время пути разговориться съ крестьянами и выказать имъ настоящее свое званіе, занятіе и общественное положеніе. Другой болѣе смѣтливый, задумается и спроситъ:

— Такъ пошто вы пошли на крестьянскую-то жизнь, по телѣгамъ, да по избамъ-то мучиться?

— Захотѣлось посмотрѣть, порисовать...

— Напрасно все это, такъ только баловство!

— Можетъ быть и баловство, да вотъ нравится мнѣ, я его и дѣлаю

— И хочется вамъ это, баринъ, таку на себя обузу брать? Диви бы отъ нужды какой большой, голодовка что ли, али-бо-что, а то сами баяли, что по охотѣ. Жили бы на городу, пили, ѣли сладко, а то на-поди! Чудной баринъ!

НА ПУТИ СЪ АМУРА.

Послѣ двухъ-лѣтней жизни въ Благовѣщенскѣ, наступилъ для меня счастливый день, въ который я могъ оставить этотъ отдаленный, пустынный городъ и возвратиться въ Россію. День такого счастія выпалъ на мою долю въ августѣ 1863 года. Весело и легко было на сердцѣ, когда пароходъ (Амурской К°) тронулся въ путь, и берегъ города, съ плаксивыми постройками, началъ постепенно отдвигаться назадъ.

Пассажировъ было не много. Ѣхала какая-то небогатая старушка, печально разсказывавшая, съ малѣйшими подробностями, какъ ее изъ Благовѣщенска *вытурила* ея родная дочь. Разсказъ этотъ, съ подобающею серьозностію, слушалъ выгнанный изъ службы за буйство и пьянство чиновникъ; онъ заключилъ рѣчь старушки угрозой своей забитой женѣ, грустно и какъ-то невыносимо горько смотрѣвшей

то на длинный черешневый чубукъ, то на зеленый полуштофъ—постоянные и неизмѣнные спутники ея мужа. Кромѣ этихъ трехъ лицъ, на пароходѣ плыли еще человѣкъ пять купцовъ:—они сидѣли за чайнымъ приборомъ и чаепитіемъ праздновали отъѣздъ изъ Благовѣщенска.

Первые дни плаванія между купцами только и разговоровъ было, что о рѣкѣ Шилкѣ, о ея мелководіи и о томъ, что пароходъ не пойдетъ далѣе станицы Покровской. (Эта станица стоитъ при сліяніи рѣкъ: Шилки и Аргуни, образующихъ своимъ сліяніемъ рѣку Амуръ).

— Выгрузитъ капитанъ въ Покровской товары изъ баржи, сложитъ ихъ въ свой амбаръ до будущей весны, насъ, рабовъ божіихъ, высадитъ на берегъ, да и уйдетъ обратно внизъ по Амуру,—выбирайся потомъ изъ Покровской какъ знаешь,—предполагали купцы.

Но чѣмъ далѣе мы плыли, тѣмъ болѣе у насъ являлось надежды доплыть на пароходѣ до станицы Срѣтенской, отстоящей отъ г. Нерчинска въ 100 верстахъ. Надежда эта укрѣплялась тѣмъ, что Амуръ съ каждымъ днемъ шолъ на прибыль.

Прошла недѣля пароходной жизни. Пассажиры успѣли надоѣсть другъ другу до тошноты и ходили по пароходу, какъ сонные. Чиновникъ, съ трубкой и полуштофомъ, оставался вѣренъ самому себѣ и успѣлъ оплыть и обрюзгнуть до отвращенія; боль-

шую часть дня онъ спалъ, просыпаясь только для того, чтобы вытребовать, съ бранью и угрозами, у жены денегъ на покупку водки. Старушка, выгнанная дочерью, повторяла изо-дня въ день свой печальный разсказъ женѣ чиновника, не обращая вниманія на то, что у послѣдней своего горя было довольно.

— Куда-же вы теперь пробираетесь? спросилъ я однажды жену чиновника.

— Да я и сама не знаю куда, — съ грустной улыбкой сказала она—есть у меня въ Нерчинскѣ родственники, да тоже бѣдные,—Богъ знаетъ, что и будетъ. Меня-то бы они и взяли, а куда я дѣваю мужа, видите онъ какой... изъ службы теперь выгнали, приданое и имѣньишко, какое было, все пропилъ да проигралъ...

Бѣдная женщина глубоко вздохнула и замолчала. Въ это время проснулся ея мужъ; онъ поднялся съ дивана, обвелъ пьяными, дикими глазами каюту и промычалъ:

— Ты у меня смотри... замѣчу что—кулакомъ изъ тебя блинъ изображу—поняла?

Жена потупила глаза: ей стыдно было за мужа, потерявшаго человѣческое достоинство

— Эй ты! слышишь? крикнулъ онъ грозно.

— Что тебѣ, Иванъ Семенычъ, нужно? робко спросила жена.

— Поди... водки вели стаканъ, ну!

Торопливо поднявшись съ своего мѣста, жена ушла на палубу. Буфетчикъ принесъ водку, чиновникъ залпомъ выпилъ и снова свалился обезсилѣвшимъ тѣломъ на диванъ.

— Они, должно быть-съ, теперь въ такой полосѣ,—запой значитъ-съ, шепнулъ буфетчикъ пассажирамъ, мотнувъ головой на свалившагося чиновника.

— Да, братецъ мой, у него запой, надо быть, шесть разъ въ годъ бываетъ, да по два мѣсяца продолжается, — вотъ что! подсказалъ одинъ изъ купцовъ.

— Въ ко-рон-ной, терпѣлъ отъ вра-говъ... вышелъ... не-хо-чу... амбицію и-мѣ-ю, бормоталъ чиновникъ, засыпая.

Амуръ не переставалъ съ каждымъ днемъ прибывать, и пароходъ, отъ быстроты теченія, шолъ тише. Полный ходъ казался тихимъ. Съ половины пути начались дожди и продолжались съ утра до вечера; нельзя было выйдти на палубу, и еще скучнѣе тянулось время. На четырнадцатый день пути нашъ пароходъ догналъ пароходъ казенный «Ингоду», вышедшую изъ Благовѣщенска ранѣе насъ четвертью дня:—«Ингода» везла почту...

Миновали станицу Покровскую и вошли въ Шилку. Всѣ пассажиры оживились, довольные тѣмъ, что въ Шилкѣ была большая вода. Мысленно мы всѣ были уже въ Нерчинскѣ, представляя себѣ, какъ

придетъ пароходъ въ ст. Срѣтенскую, какъ мы возьмемъ почтовыхъ лошадей и покатимъ съ колокольчикомъ въ Нерчинскъ. Но вышло совсѣмъ на оборотъ. Препятствія пришли именно съ той стороны, откуда мы ихъ никакъ не ожидали: при входѣ въ ст. Срѣтенскую мы съ изумленіемъ увидѣли, что дорога, бывшая въ трехъ саженяхъ надъ рѣкою, затоплена и всякое сообщеніе было прекращено; оставалось слѣдовательно, засѣсть въ станицѣ и ждать того дня, когда сбудетъ вода; но вода каждый день все шла на прибыль. Та Шилка, по которой въ маѣ едва могли пробираться пустыя лодки,—поднялась уже до трехъ саженъ и затопила часть станицы;—жители съ воемъ и плачемъ убирались въ горы, видя, какъ ихъ хлѣбъ, огородныя овощи и жилища топитъ рѣка. Пароходъ остановился въ ст. Срѣтенской у гостинницы, на томъ мѣстѣ, гдѣ весной ямщики останавливались съ экипажами проѣзжающихъ. Капитанъ парохода, смѣтливый, маленькій человѣкъ, пользуясь большой водой, предложилъ намъ свои услуги, говоря, что можетъ доплыть на пароходѣ до селенія «Ключи»— въ двадцати пяти верстахъ не доходя Нерчинска. Мы сначала обрадовались такому любезному предложенію и начали взапуски выражать капитану свою благодарность; но капитанъ сразу огорошилъ нашу восторженность, назначивъ цѣну по десяти рублей съ человѣка, за семидесяти-пяти-верстное разстоя-

ніе. Мы понурили головы, не зная, куда дѣваться:— ждать въ ст. Срѣтенской казалось пыткой, въ виду наводненія, а платить такую цѣну было жалко. Капитанъ, не смотря на мизерную фигурку, отличался замѣчательнымъ краснорѣчіемъ и весьма подробно разъяснилъ намъ всѣ шансы за и противъ. Мы выслушали. Капитанъ кончилъ свои разъясненія и, какъ тонкій дипломатъ, счелъ нужнымъ удалиться въ каюту. Пассажиры всѣ собрались въ кружокъ, долго и горячо спорили, но споръ, конечно, горю не помогалъ. Я стоялъ около борта и смотрѣлъ, какъ по рѣкѣ несло бревна, бочки, кадушки... Въ станицѣ слышались брань, плачъ, вой бабъ, казаки бѣгали взадъ и впередъ по улицамъ, перетаскивая свои скудные пожитки на болѣе высокія мѣста. Пассажиры продолжали спорить. Слышались слова: свинья, подлецъ, ободрать насъ хочетъ! Но и брань тоже не помогала дѣлу. Вопросъ оставался попрежнему не рѣшеннымъ. Чрезъ нѣсколько времени, капитанъ снова вышелъ на палубу.

— Господа!—крикнулъ онъ,—посмотрите на эту сторону борта, посмотрите,—цѣлую избу несетъ по рѣкѣ. Мы перешли къ другому борту парохода и смотрѣли, какъ, покачиваясь на мутныхъ волнахъ рѣки, плыла избушка.

— Вотъ гдѣ несчастье то, господа! вздыхая, говорили нѣкоторые изъ пассажировъ.

— Хлѣба-то, хлѣба сколько перепортило, вѣдь

зимой-то просто кусать нечего будетъ бѣднякамъ! Старушка, выгнанная дочерью, тоже стояла на палубѣ и, грустно качая головой, крестилась, приговаривая: Господи сохрани и помилуй всякаго православнаго христіанина!

— Вотъ, господа, видите какое тутъ горе! Оставаться-то въ станицѣ страхъ одинъ, говорилъ капитанъ, видимо желавшій сорвать съ насъ по 10 руб.

Одинъ изъ купцовъ началъ усовѣщевать капитана, доказывая ему, что не для однихъ пассажировъ онъ хочетъ идти въ селеніе Ключи, что и безъ насъ онъ тоже поплыветъ туда, чтобы выгрузить изъ баржи товары, потому что въ Срѣтенской выгружать было некуда: амбаръ амурской компаніи стоялъ уже на половину въ водѣ.

— Какъ вамъ будетъ угодно—вольному воля,—отвѣчалъ—капитанъ—пожалуй, оставайтесь здѣсь, а я, конечно, пойду въ Ключи.

Ему снова стали доказывать безсовѣстность назначенія такой цѣны,—напомнили, что пароходъ получилъ уже съ насъ по 52 р. съ человѣка отъ Благовѣщенска, что за багажъ мы заплатили по 2 р. съ пуда, что за содержаніе съ насъ пароходъ получилъ по 1 р. 50 к. въ сутки и, во время всего плаванія, отъ этого получилъ не малую выгоду: но доказательства пошли прахомъ,—капитанъ сказалъ свой ультиматумъ: «десять рублей или долой съ парохода».

Погоревали мы о своей безправности и выложили капитану по красненькой.

— Давно-бы такъ, заключилъ маленькій человѣчекъ, довольный своимъ великимъ правомъ монополиста и велѣлъ разводить пары.

Чрезъ часъ пароходъ шолъ далѣе. Плаваніе по быстротѣ теченія, было весьма тихо, и къ вечеру мы могли подняться только на четыре версты. Остановились на ночь у деревни Матаканки. Вода все шла на прибыль. Деревня на половину была затоплена водой и жители тоже перебирались изъ своихъ домишекъ на болѣе высокія мѣста.

— Ну, братцы,—говорилъ одинъ изъ купцовъ—тепереча, еслибы не было на небѣ поставлено этой самой радуги, —бѣда: опять-бы пожалуй потопъ! Ок-казія!

— Откуда чево берется! заключали собраты.

Рано утромъ, только что разсвѣло, пароходъ взялъ якорь и тронулся въ путь. Теченіе Шилки было такъ быстро, что, поднявшись по рѣкѣ на шесть верстъ, пароходъ сжегъ 14 сажень дровъ и, при крутомъ поворотѣ рѣки, гдѣ теченіе было еще быстрѣе,—мы не могли побороть теченія и воротились назадъ къ деревнѣ Матаканкѣ. День начинался, противъ обыкновенія, солнечный. Выгнанный изъ службы чиновникъ выползъ изъ каюты на палубу и приказывалъ женѣ купить для него бутылку портеру и пятокъ сигаръ. Жена его упрашивала оставить свои требованія и получила ударъ въ лицо.

— Паш-шолъ, тебѣ говорятъ,—чтобы сейчасъ былъ портеръ и сигары.

— Да на что-же я куплю? У меня остается всего только два рубля! едва удерживая рыданіе, упрашивала жена.

— Убью! задушу! закричалъ неистово мужъ, топая ногами.

На крикъ подошелъ капитанъ.

— Тише, милостивый государь

— Что? грозно закричалъ пьяный, поднимаясь съ своего мѣста.

— Я говорю вамъ, видите себя скромнѣе. Какъ вамъ не стыдно оскорблять свою супругу?

Пьяный бросился на капитана. Онъ чуть не вдвое былъ его выше, и маленькій человѣкъ едва не улетѣлъ за бортъ, въ мутныя волны рѣки. Его спасли подбѣжавшіе матросы.

— Высадить его на берегъ! распорядился капитанъ.

Пьяный отчаянно началъ ругаться, бить ногами и руками, матросы его схватили и повели подъ руки къ сходнямъ. Несчастная жена чиновника стала упрашивать капитана за своего мужа.

— Ради Бога... сдѣлайте милость... простите, оставьте насъ... потупляясь, просила она дрожавшаго отъ гнѣва капитана.

— Да вы можете остаться, вамъ же безъ него лучше... Стоитъ ли просить о такомъ...

— Нѣтъ ужъ... пожалуйста... вѣдь онъ пропадетъ въ станицѣ, какъ собака.

Слезы текли по щекамъ бѣдной женщины и мѣшали ей говорить.

— Богъ съ вами!—пожимая плечами, сказалъ капитанъ,—хорошо, пусть остается.

— Матросы!—крикнуль онъ, — освободить его.

Чиновника освободили. Капитанъ ушелъ въ каюту. Чиновникъ торжествовалъ и ходилъ по пароходу фертомъ, возбуждая смѣхъ въ пассажирахъ.

— Что? Каково! Небойсь не смѣетъ. Я, если захочу, могу его въ бараній рогъ согнуть! храбрился чиновникъ, но однако-жъ больше о портерѣ и сигарахъ не напоминалъ.

Бѣдная жена его торопливо отерла слезы и смотрѣла въ противуположную сторону, но слезы не слушались ея: онѣ снова катились по исхудалому, полному печали лицу. Тяжело было смотрѣть на эту несчастную женщину. Я ушелъ на берегъ.

Большая часть улицъ была затоплена. Поднявшись въ гору, я обошелъ деревню по заднимъ дворамъ и огородамъ. Кругомъ было пусто и мрачно; въ огородахъ стояла вода, многіе домишки были безъ оконъ, съ раскрытыми дверями,—хозяева ихъ убрались на гору, оставивъ свои жилища на волю божію. Въ одномъ огородѣ, у старой, покосившейся и почернѣвшей бани, сидѣла, свернувшись клубочкомъ, сухая, ветхая старушка и, подперши ладонью ще-

.у, печально смотрѣла на разливавшуюся по огоро-
у воду.

— Что, бабушка, разыгралась у васъ рѣка-то?
просилъ я.

— Тутошная, родимой, тутошная... О, охъ! Го-
е наше, кормилецъ! Ишь ты, рѣка-то у насъ какъ
аздурѣлась,—шумомъ шумитъ.

— А что, бабушка—крикнулъ я,—тяжелый вамъ
одъ посылаетъ Господь? Голодать нынѣ, будете, а?

— И, и, родимый! Какъ поди не чажелой! Те-
ерь сколько у насъ хлѣбушка-то затопило, огоро-
ишки, у которыхъ вонъ избенки, ну и по хозяй-
тву тоже у кого тоже чево, — все, кормилецъ,
несло да затопило... О, охъ, Господи помилуй, Царь
ы нашъ небесный!

Старушка перекрестилась и закашлялась.

— Что же ты тутъ, бабушка сидишь?

— Не слышу, родимый.

Я повторилъ свой вопросъ.

— Да вотъ, ишь ты, солнышко-то красное про-
глянуло на сыру землю-матушку,—хоть немного от-
охнуть да пообогрѣться. Слава тѣ Господи! а то
кажинный день, кажинный день, все быдто сумерки
стоятъ, да дождикъ ливмя льетъ, изъ ведра полы-
цетъ. Спинушка-то моя бѣдная вся изныла.

— Теперь, можетъ быть, бабушка, скоро рѣка-
то и на убыль пойдетъ.

— Дай-то Господи, батюшко... да ужъ чево, кор-

милецъ, все ужъ теперь не то, ужъ не повеселитъ насъ погода-то: хлѣбушка-то нашъ весь рѣка поѣла,—не воротитъ ужъ теперь его батюшку... О, охъ, Господи помилуй!

Старушка снова закашлялась хриплымъ старческимъ кашлемъ; казалось, конца не будетъ этому кашлю.

— А ты чьихъ кормилецъ? спросила она, переводя дыханіе послѣ кашля и придерживая рукой грудь.

— Я, бабушка, дальній. Теперь возвращаюсь съ Амура, изъ города Благовѣщенска.

— О, охъ ужъ этотъ Муръ! Сколько онъ нашего-то хлѣбушка пожралъ, сколько туда кажиный годъ нашего-то хлѣбушка везутъ, сплавляютъ!

— Да за него, бабушка, вѣдь вамъ деньгу платятъ; не даромъ. вѣдь, его берутъ у васъ.

— Коли даромъ, кормилецъ? не даромъ,—да какіе это деньги... продай его, да вези верстъ двa ста, либо больше, вонъ, хоть бы изъ дальнихъ-то деревень.

— Такъ и не продавали бы, если это вамъ не выгодно.

— Охъ, родимый, кормилецъ—вижу я, батюшко, что ты ничево не знаешь...

На этомъ старушка и прекратила свои разговоры. Ничего я болѣе отъ нея не могъ добиться, потому что она снова закашлялась, придерживая рукой

свою высохшую грудь. Оставалось проститься и идти назадъ.

— Прощай, бабушка, крикнулъ я.

Старушка въ отвѣтъ закачала головой, не переставая кашлять.

Пока я разговаривалъ съ ней и ходилъ по задамъ деревни, пассажиры вышли тоже на берегъ и толковали со встрѣтившимися казаками о томъ что нельзя ли какъ уѣхать на лошадяхъ въ Нерчинскъ. Казаки молча почесывались и переминались съ ноги на ногу; вдругъ подошелъ къ толпѣ, неизвѣстно откуда появившійся, молодой казакъ и, выступая впередъ, торопливо заговорилъ:

— Какъ нельзя, ваше почтеніе, отчего нельзя? Можно. Отчего не можно?

Я подошелъ къ толпѣ.

— Ну вотъ, видите—говорили пассажиры,—давно бы намъ нужно съ казаками переговорить, народъ они смѣтливый,—доставятъ насъ, а то здѣсь хоть годъ сиди, ничего не высидишь. Ну, почемъ же вы, ребята, возьмете съ насъ?

— Да по восьми рублевъ съ коня возьмемъ... Отчего не довезти! заговорилъ тотъ-же казакъ.

Остальные казаки стояли молча.

Стали торговаться. Казакъ согласился взять по шести рублей и просилъ впередъ мо три рубля, въ видѣ задатку.

— Ну, а какъ-же, если ты не довезешь?

— Какъ не довезти! Отчего не довезти! Что вы, ваше почтеніе!

— А черезъ рѣчки-то какъ-же?

— Эка важность! Ничего-о? Переѣдемъ лихо!

— А если не переѣдемъ, а?

— Что это вы, ваше почтеніе! Гдѣ это видано! Переѣдемъ!

— Господа!—сказалъ я—смотрите, вѣдь рѣка Куинга глубокая, а теперь въ особенности.

— Пошто глубокая! Ничего... будьте безъ сумлѣнія... отчего не переѣхать... какъ нибудь попробуемъ...

Въ голосѣ казака послышалась не твердая нота; онъ казалось, замѣтилъ, что его афера рушится. Остальные казаки стали громко смѣяться.

— Эхъ ты казачина, казачина! Страмота только одна съ тобой говорить-то, право... рядишься тоже, а теперь вотъ и загомонился, завертѣлся какъ бѣлка въ клѣткѣ,—упрекали пассажиры.

— Что вы, ваше почтеніе, отчего мнѣ вертѣться,—поѣдемте; Богъ дастъ потихоньку и переберемся...

— Что съ тобой говорить! Вонъ и товарищи-то твои всѣ смѣются надъ нами.

— Да что вы сумлѣваетесь? Переѣдемъ лихо... будьте безъ сумлѣнія.

Но пассажиры уже не слушали его увѣреній и пошли назадъ. Казакъ отчаянно махалъ руками и

кричалъ вслѣдъ уходившимъ, что лихо перекатитъ безъ сумлѣнія.

Пассажиры покорились своей печальной участи и болѣе не думали о поѣздкѣ верхами въ Нерчинскъ. Только одинъ палубный пассажиръ-старичокъ связывалъ свое скудное имѣніе въ узелокъ и устраивалъ себѣ мѣшокъ на спину. Я спросилъ его, что это онъ дѣлаетъ, и получилъ въ отвѣтъ, что сбирается въ путь, — пѣшкомъ до Нерчинска.

— Да куда-же вы безъ дороги пойдете? спросилъ я.

— Какъ куда? Въ Нерчинскъ пойду, отвѣчалъ спокойно старичокъ.— Я, батюшка, здѣсь каждую тропинку знаю, а черезъ рѣчки-то мнѣ не привыкать стать: найду какую нибудь доску, либо старое дерево и перемахну.

Старичокъ снарядилъ свою котомку, помолнлся на востокъ и, низко поклонившись намъ, сошелъ съ парохода.

Съ полудни прибыль воды остановилась и простояла въ одинаковомъ положеніи до вечера; къ вечеру стали замѣчать убыль. Мы пошли и на другой день къ полудню дошли до какой-то станицы, отстоявшей отъ Срѣтенской на 30 верстъ. Дали якорь. Канатъ вынесли на берегъ и прикрѣпили за чьи-то ворота. Ворота затрещали, потому что пароходъ быстротой теченія тянуло внизъ и якорь его не могъ удерживать.

— Ой батюшки! Отцы родные! Ворота, ворота

мои рѣшаются! кричалъ хозяинъ воротъ, съ отчаяніемъ схвативъ себя за собственные волоса.

Канатъ, для большей безопасности, обвернули вокругъ дома. Чрезъ нѣсколько времени на берегъ сбѣжалась вся деревня, отъ стараго до малаго, смотрѣть пароходъ. Для деревни приходъ парохода былъ величайшей рѣдкостью, потому, что во все время своего существованія, жители этой деревни видѣли пароходъ только второй разъ. Первый разъ видѣли они пароходъ «Козакевичъ», принадлежащій Американцамъ; онъ доходилъ въ 1861 году до г. Нерчинска. Въ то время американецъ Чезъ имѣлъ значительный грузъ сахару и полагалъ, что Нерчинскіе купцы могутъ понять выгоду отъ покупки сахару по дешевой цѣнѣ; но оказалось, что достопочтенные Нерчинцы имѣли свой взглядъ на торговлю, присущій россійскому купечеству. Съ американцемъ Чезомъ они вздумали разыграть русскую штуку.

— Прижмемъ его, ребята. Заплылъ въ эку даль, хочетъ—не хочетъ, а по нашей дудкѣ плясать его заставимъ, думали Нерчинцы.

На этомъ-то основаніи они, не смотря на то, что господинъ Чезъ уступалъ имъ сахаръ дешевле обыкновенной цѣны, вздумали ему предложить чуть-ли не полтину за рубль.

— Назадъ вѣдь везти, тоже не резонтъ, — это онъ должонъ понимать. Чево тутъ съ нимъ цере-

моніи-то разводить, нажимай его ребята плотнѣе, толковали между собой Нерчинскіе граждане.

Но господинъ Чезъ, замѣтивъ, что съ такими торговыми людьми дѣло вести не стоитъ, — повернулъ пароходный руль, поклонился стоявшимъ на берегу купцамъ и поплылъ полнымъ ходомъ внизъ по теченію.

Нерчинцы и рты разинули.

— Что это онъ дѣлаетъ, ребята—шутить што-ли?

— Да никакъ онъ и вправду хочетъ отъ насъ уплыть съ сахаромъ-то?

— Чортъ его знаетъ, — можетъ и вправду, — вѣдь некрещеная душа, — кто его разберетъ, не даромъ онъ мериканецъ.

— Не послать-ли развѣ, братцы по берегу, вдогонку? Прибавить ему по гривнѣ на пудъ, — можетъ и воротится... А вѣдь дешево отдавалъ?

— Какъ не дешево! По такой цѣнѣ теперь не купить нигдѣ... Эка досада! напраснó ужъ мы его больно-то нажимали. Исподволь-бы надо, по ласковѣе.

— Да кто его зналъ. Видишь, съ норовомъ человѣкъ: взялъ да назадъ увезъ.

— А дешево отдавалъ!

Почесались Нерчинцы, погоревали, да и разошлись по домамъ. Съ этого времени американецъ больше незаходилъ въ Нерчинскъ.

Утромъ слѣдующаго дня рѣка упала еще на два аршина и пароходъ доставилъ насъ въ селеніе Клю-

чи. Мы просили капитата доплыть до Нерчинска, на томъ основаніи, что дорого онъ съ насъ взялъ, да и оставалось всего только 25 верстъ; но капитанъ не согласился: онъ опасался быстрой убыли воды и спѣшилъ поскорѣе назадъ, не сталъ даже разгружать своей баржи, а оставилъ ее съ прикащикомъ у селенія. Чрезъ полчаса пароходъ шолъ полнымъ ходомъ назадъ, быстро гонимый теченіемъ широко-разлившейся рѣки.

Выбравшись на берегъ, мы наняли телеги и потащились по дорогѣ къ г. Нерчинску. На пути встрѣчались намъ крестьяне, носившіе чорную, никуда не годную траву. Я спросилъ своего возницу, что это дѣлаютъ крестьяне?

— Да вотъ, батюшка, сѣна-то у насъ всѣ унесло, такъ и собираемъ по полю-то всякую вѣтошь да гниль. Такое ужъ божеское наказанье.

ТЕМНОЕ ДѢЛО.

Въ городѣ Шурдинскѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ базарная площадь раздвинула на всѣ четыре стороны деревянные домишки мѣщанъ, — высится старый каменный домъ. Наружный видъ этого дома производитъ на пріѣзжаго самое грустное впечатлѣніе: штукатурка на стѣнахъ обвалилась, крыша порыжѣла и изогнулась, изъ угловъ выглядываютъ красные переломанные кирпичи, надъ крышей торчитъ что-то въ родѣ бельведера съ выбитыми рамами безъ стеколъ; каменные столбы воротъ наполовину развалились... Ну словомъ, — это зданіе было когда-то первымъ въ городѣ по красотѣ и величинѣ, а въ настоящее время, сдѣлалось первымъ по безобразію и ветхости, такъ что смотря, на него невольно думается: Sic transit gloria mundi.

Внутренность дома соотвѣтствовала его наружному виду. Послѣ разоренія его владѣльца, въ домѣ

этомъ пріютились городскія присутственныя мѣста, полиція, мѣстные чиновники, трактиръ съ номерами, кладовыя для товаровъ и пр. и пр. Въ трактирѣ этого дома въ іюнѣ 18... года остановился проѣздомъ нѣкто господинъ С., выключенный изъ монашескаго званія, Экипажъ его, красивый и совершенно еще новенькій, въѣхалъ во дворъ и привлекъ на себя вниманіе всего живущаго въ томъ домѣ населенія. Болѣе всѣхъ интересовались проѣзжимъ и его экипажемъ мѣстные чиновники и ихъ супруги... На другой день пріѣзда былъ праздникъ. С. отправизся къ обѣднѣ и, возвращаясь изъ церкви, встрѣтился по лѣстницѣ съ однимъ изъ чиновниковъ города.

— Это вы вчера пріѣхали? спросилъ чиновникъ?

— Я-съ, отвѣчалъ С.

— А позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

С., нежелая себя компрометировать своимъ исключеніемъ изъ монашества, сказалъ, что онъ купеческій прикащикъ и ѣдетъ изъ Сибири.

— Я издалека... изъ за Байкала, пояснилъ онъ.

Чиновникъ заинтересовался, напросился на знакомство и потащилъ пріѣзжаго къ себѣ въ гости, представилъ его женѣ, дочерямъ, сыновьямъ, и всѣ были конечно рады новому лицу, нарушившему своимъ появленіемъ обыденную скуку провинціальной жизни. Начались распросы о Сибири, угощеніе чаемъ, вод-

кой и непремѣнным воскреснымъ пирогомъ, дающимъ собою знать, что на дворѣ праздникъ. Въ силу-ли этого праздника или по случаю пирога, къ чиновнику собрались его собраты по службѣ, и С., волей не волей, познакомился съ пятью или десятью лицами. Имѣя страстишку къ водочкѣ, за которую вѣроятно потерялъ и свое монашеское званіе,—С., на первыхъ-же порахъ знакомства, порядочно нагрузился; чиновники, тоже не безгрѣшные къ этой страсти, но не потерявшіе еще за нее мѣста, составили для С. превосходную компанію и чрезъ часъ-два сдѣлались его короткими друзьями, какъ будто десятки лѣтъ жили съ нимъ въ одномъ домѣ.

— Если ты, Гаврюха, хочешь здѣсь поторговать, мы тебѣ можемъ это дѣло устроить и гильдіи платить не надо, обѣщали новые друзья.

— Да пожалуй я... тово... у меня съ собой чай есть — продать-бы надо, потому на дорогу денегъ совсѣмъ нѣту, пояснилъ С.

— Это мы тебѣ все устроимъ... Когда угодно!.. Изволь!..

— И такъ, господа честные! Попилъ я у васъ, поѣлъ, и за тѣмъ прошу теперь ко мнѣ, по пословицѣ: «чужую курочку ѣшь а свою за крылышки держи...»

— Это, братъ, чудесно! Пословица народную мудрость выражаетъ! восторженно произносили новыя друзья и отправились гурьбой въ номеръ, за-

нимаемый С. Такимъ образомъ, праздничный день, а еще болѣе праздничный пирогъ затянули пріѣзжаго въ самый отчаянный кутежъ. Передъ вечеромъ того, дня, по улицамъ города Шурдинска мчались трои сани съ пьяными сѣдоками на самый край города, въ одну изъ отдаленныхъ улицъ. Нужно сказать, что въ этой отдаленной улицѣ, въ развалившейся лачугѣ жилъ съумасшедшій мѣщанинъ; онъ служилъ порой, по случаю разныхъ праздничныхъ и не праздничныхъ пироговъ, потѣхой раскутившимся гражданамъ, которые наѣзжали въ его ветхую лачугу и потѣшались надъ его съумасшествіемъ, незамѣчая того, что сами подобнымъ развлеченіемъ теряютъ послѣдніе остатки своихъ (и безъ того вѣроятно не великихъ) человѣческихъ достоинствъ.

Въ лачугу несчастнаго мѣщанина пріѣхали по обыкновенію и раскутившіеся чиновники вмѣстѣ съ С.

— Милый человѣкъ! Петръ Петровичъ! Наше вамъ! Какъ здоровы?.. Покупателя, братъ, мы къ тебѣ привезли! Ха! Ха!.. привѣтствовали пьяные гости несчастнаго мѣщанина.

Худой, блѣдный, съ дикими блуждающими глазами, высокій мѣщанинъ угрюмо смотрѣлъ на веселыхъ гостей и молчалъ.

— Что ты какой скучный, Петръ Петровичъ?

— Что ты Петръ Петровичъ грустишь? Эхъ голова!.. Вѣдь мы лошадь твою пріѣхали покупать! Покупателя-то какого привезли,—богатѣющаго!..

Лицо больного вдругъ оживилось, глаза засверкали, на губахъ мелькнула судорожная улыбка и, нервно задыхаясь, онъ вскочилъ съ своего мѣста и, страстнымъ таинственнымъ шопотомъ заговорилъ, сверкая глазами въ разныя стороны. Онъ заговорилъ о небывалыхъ достоинствахъ своей лошади, пробѣгающей по сту верстъ въ минуту, нашептывалъ своимъ гостямъ о желаніи разныхъ великихъ и знатныхъ лицъ купить его лошадь и производилъ на своихъ слушателей самое веселое впечатлѣніе. Они хохотали, торговались, хлопали по плечу больного и снова раззадоривали его на новые разсказы о новыхъ нелѣпостяхъ...

— Да покажи-же—намъ, Петръ Петровичъ, лошадь-то! Сокровище-то твое покажи намъ... Ха-ха-ха!

— Осчасливь братецъ—рѣдкость-то твою позволь взглянуть!..

Мѣщанинъ повелъ гостей во дворъ, гдѣ около навозной кучи стояла, понуривъ голову, изсохшая безногая лошадь. Гости подошли къ ней, кляча приподняла свою грустную морду и видя, что корму никто не думаетъ ей дать, снова наклонилась къ кучѣ навоза; на дворѣ между тѣмъ дулъ холодный рѣзкій вѣтеръ и торчмя поднималъ на головѣ мѣщанина его длинные сѣдые волосы. Онъ театральнымъ жестомъ показалъ своимъ гостямъ на бѣдную, голодную клячу и торжественно произнесъ.

— Вотъ она! Огонь! Адъ! Молнія!..

И за тѣмъ началъ снова плести всякій вздоръ. Долго тѣшились гости, долго торговались съ мѣщаниномъ и наконецъ стали собираться обратно.

— Эхъ вы, покупатели! Привезли какого-то нищаго,—у него и денегъ-то видно ни гроша нѣтъ;— а еще туда-же — такую дорогую лошадь покупать! злобно говорилъ мѣщанинъ, смотря на уходящихъ гостей.

Эти слова о нищемъ такъ глубоко оскорбили пьянаго С., что онъ моментально вытащилъ изъ кармана бумажникъ и вздумалъ похвалиться предъ сумасшедшимъ своимъ богатствомъ.

— Ка-а-къ! у меня нѣтъ денегъ? Я нищій? заоралъ онъ во все горло и развернулъ бумажникъ.

Вѣтеръ подхватилъ и разнесъ по двору кредитные сторублевые билеты въ количествѣ шестнадцати тысячъ рублей серебромъ. Всѣ бросились подбирать деньги, собрали ихъ и вручили по принадлежности отрезвившемуся отъ испуга С. Мѣщанинъ вцѣпился было въ одну пачку и не хотѣлъ ее отдавать, но гости его, не смотря на то, что были пьяны, справились съ нимъ и, отнявъ деньги, поспѣшили уѣхать изъ отдаленной улицы, снова на базарную площадь, въ мрачный каменный домъ.

Съ открытіемъ такой значительной собственности, принадлежавшей, какъ объяснилъ по возвращеніи С., ему, его новые знакомые стали съ нимъ чрезвы-

чайно любезны и въ высшей степени внимательны. Обязанный имъ спасеніемъ своей собственности, С. на другой день снова угощалъ ихъ; не смотря на то, что по календарю никакого праздника не оказывалось, пирогъ и водка опять появились на столѣ и угощеніе затянулось по прежнему до вечера. Такъ прошло нѣсколько дней. С. познакомился съ семействами своихъ друзей и на него смотрѣли уже какъ на выгоднаго жениха, который могъ осчастливить какую угодно дѣвицу, благодаря тому обстоятельству, что въ его карманѣ находилось шестнадцать тысячъ. Я думаю, не нужно и объяснять, что друзья С. давно знали о настоящемъ званіи своего новаго знакомаго, такъ какъ извѣстное количество принятаго внутрь организма алкоголя имѣетъ свойство нарушать всѣ условія языка съ головой, заключаемыя въ трезвомъ состояніи; но, не смотря на непривлекательное званіе С., отцы и матери, а можетъ быть и практическія невѣсты города Шуринска, были ему очень рады, какъ жениху и заискивали его вниманія. Вѣроятно онъ и вступилъ-бы въ законный бракъ и осчастливилъ-бы какую нибудь Шурдинскую красавицу, если-бы одинъ несчастный случай не разстроилъ его плановъ и не разбилъ-бы въ мелкія дребезги всѣхъ его мечтаній и замысловъ. Дѣло случилось слѣдующимъ образомъ.

Одинъ изъ новыхъ друзей С., всѣхъ чаще посѣщавшій его, однажды въ минуту откровенности

посовѣтывалъ ему завести въ своей квартирѣ сундукъ.

— Вотъ что, мой милѣйшій! Люблю я тебя какъ родного брата и, такъ какъ теперь у тебя дѣло зашло далеко по случаю предполагаемой женитьбы то уѣхать ты, конечно, скоро не можешь:—заведи мой милый, сундукъ и запри въ него свои деньги Я тебѣ какъ брату моему милому совѣтую... дѣло человѣческое, самъ знаешь, можешь опять кутнуть... не ровенъ часъ, а въ сундукѣ-то спокойно будетъ: заперъ его и конецъ! Ключъ съ собой взялъ да еще и номеръ-то замкнулъ—крѣпко будетъ...

— А и въ самомъ дѣлѣ,—подумалъ С.—и крѣпко, крѣпко поблагодарилъ пріятеля за добрый совѣтъ.

Въ тотъ же день былъ купленъ по рекомендаціи друга сундукъ, и С., совершенно спокойный, укатилъ изъ квартиры куда-то далеко на конецъ города въ гости. Прошла цѣлая ночь. Холодный вѣтерокъ, предвозвѣстникъ утра, началъ торопливо пробѣгать по пустыннымъ улицамъ города; звѣзды поблѣднѣли на синемъ небѣ и спрятались отъ лучей восходящаго солнца, а С. безъ памяти лежалъ на срединѣ своего номера и спалъ крѣпкимъ, пьянымъ сномъ послѣ полусуточнаго пьянства въ сообществѣ своего новаго друга. Какъ онъ очутился въ комнатѣ, кто его привезъ, откуда, куда и когда исчезъ отъ него другъ, — ничего онъ этого, конечно, н

помнилъ. Долго спалъ онъ и печально было его пробужденіе: въ сундукѣ денегъ не оказалось, хотя замокъ былъ цѣлъ и запертъ и дверной замокъ тоже былъ не поврежденъ....

С. мигомъ пришелъ въ себя и бросился, сломя голову, къ своимъ новымъ друзьямъ.

— Батюшки! Отцы-благодѣтели! Несчастіе! Деньги у меня изъ сундука пропали,.. Было шестнадцать тысячъ, а теперь только четыреста рублей... слезливо вопилъ онъ, разсказывая своимъ друзьямъ о постигшемъ его несчастіи...

— Что такое? Господи помилуй... да можетъ быть вы съ похмѣлья не замѣтили, а?

— Батюшки! Ей Богу... ахъ ты горе мое...

— Да замокъ-то цѣлъ?

— Цѣлъ—только денегъ нѣтъ... было 16 тысячъ, а теперь только 400 руб.

Друзья ахали, таращили глаза на ошалѣвшаго С. и видимо сочувствовали его горю. Сочувствіе это, конечно, было весьма безполезно, ибо заключалось въ сожалѣніи о томъ, что С. неумѣренно пилъ водку и цѣлыя ночи пропадалъ Богъ знаетъ гдѣ; за тѣмъ слѣдовали совѣты вести себя аккуратнѣе и не лопать вина до самозабвенія, а дѣло о пропажѣ оставили совершенно въ сторонѣ и и разрѣшить его никто не думалъ; всѣ были заняты совѣтами и сожалѣніями. С. сначала слушалъ, потомъ началъ плакать и наконецъ повалился своимъ друзьямъ въ

ноги, желая обратить своихъ друзей въ покровителей и защитниковъ.

— Встаньте, встаньте,—что вы, Господь съ вами! Не печальтесь такъ,—все въ волѣ Божіей. Можетъ быть, Господь дастъ, дѣло ваше и поправится.... Что прежде времени убиваться....

— Что же мнѣ дѣлать?. . Что мнѣ дѣлать? Посовѣтуйте, научите... о охъ-охъ... стоналъ С.

— Подайте, какъ слѣдуетъ, объявленіе въ полицію, на гербовомъ листѣ...

Началось дѣло.

У васъ, милостивый государь, спрашивалъ С. при слѣдствіи,—у васъ, по показанію вашему, выраженному въ поданномъ объявленіи о покражѣ, значится похищенною сумма денегъ въ 16 тысячъ рублей! Эта сумма составляла яко бы вашу собственность?

— Точно, точно такъ, съ замираніемъ сердца отвѣчалъ С.

— А какъ же согласить показанія ваши съ словами вашими же, говоренными такого-то числа въ квартирѣ господина N, что вы не имѣете средствъ продолжать своего пути и остановились въ нашемъ городѣ ради продажи части вашего имущества?

С. совершенно растерялся.

— Откуда же могла быть въ вашей собственности такая сумма денегъ и гдѣ вы ее могли пріобрѣсти? допекали его судьи.

С. не зналъ, что отвѣчать.

Розыски о пропажѣ денегъ продолжались, но слѣдствіе принимало невыгодный оборотъ для самаго господина С. Онъ началъ самъ побаиваться, чтобы не раскрылись его собственныя темныя дѣла. Не имѣя никакого знакомства съ юриспруденціей, онъ пригласилъ было къ себѣ нѣкоего *дѣльца*, но этотъ послѣдній, опустошивъ полштофа водки, погладилъ свою лысину и провозгласилъ:

— Дѣло—табакъ!

— Что такое? ты говори толкомъ, приставалъ С.

— Ставь еще полштофа...

Но и другой полуштофъ ничего не могъ объяснить кромѣ того, что «дѣло — табакъ». *Дѣлецъ* не могъ осилить водки и свалился подъ столъ. С. съ горя самъ напился и просилъ порѣшить объ окончаніи дѣла.

— Снисходя, такъ сказать, къ вамъ, какъ къ заблудшей овцѣ — говорили судьи — мы дѣлаемъ вамъ одолженіе и прекратимъ, пожалуй, дѣло,—поѣзжайте съ Богомъ изъ нашего города, и «впредь» ложныхъ объявленій о потерѣ «яко бы» шестнадцати тысячъ не подавайте и постарайтесь удерживаться отъ спиртныхъ напитковъ...

Вздохнулъ С. и даже поблагодарилъ еще за милость, что позволяютъ выѣхать изъ города и добрые совѣты даютъ. Въ день отъѣзда въ квартиру его явился неизвѣстный ему человѣкъ въ мундирѣ и

предложилъ ему свою помощь. С. обрадовался и хотѣлъ броситься въ ноги своему новому благодѣтелю

— Благодѣтель! по гробъ жизни буду за васъ молиться! Помоги... вѣдь 16 тысячъ!...

— Поѣзжайте въ губернскій городъ и подайте начальнику края докладную записку, съ просьбою назначить строгое слѣдствіе.

С. глубоко вздохнулъ.

— Нѣтъ, это не то. Я думалъ какъ на мировую... а по суду мнѣ дѣло вести не приходится..

— Ну, какъ знаете... Мнѣ не васъ жалко, а больно то, что дѣло, и такое позорное дѣло, остается не открытымъ...

— Нѣтъ ужъ, прощенья просимъ...

С. выѣхалъ изъ мрачнаго дома. Экипажъ его тихо потащился по пустымъ улицамъ Шурдинска и въ отдаленной улицѣ встрѣтился ему помѣшанный мѣщанинъ.

— Эй ты! кричалъ помѣшанный, отчаянно размахивая руками — Эй! Стой... Что же ты лошадь-то!... Эй!...

С. промычалъ проклятіе себѣ подъ носъ и, закутавшись въ свою черную сибирку, отдался грустнымъ размышленіямъ о суетѣ міра и о бренности счастія...

КУРЬЕЗНАЯ ПОКУПКА.

Въ городѣ Большереченскѣ живетъ-поживаетъ и деньгу копитъ купецъ Кособрюшниковъ. Живетъ онъ не то что-бы ужъ очень богато, но и не бѣдно, а такъ-себѣ «ровненько живетъ», какъ говорятъ про него его-же собраты по званію. И, дѣйствительно, казалось, что Кособрюшниковъ совсѣмъ таки не изъ богатыхъ купцовъ, да и особенной смѣткой какъ будто бы онъ не отличался, даромъ слова тоже Богъ не одарилъ; горожане такъ и думали про него, что «ничего, молъ, мужикъ простоватый, пороху не выдумаетъ; да за то и не изъ баломутныхъ». А между тѣмъ, Кособрюшниковъ былъ человѣкъ себѣ «на умѣ»: во первыхъ, въ сундукѣ его про запасъ, «на черный день», лежало кой-что, и это «кой-что» было такихъ почтенныхъ размѣровъ, о какихъ помышлять купцы средней руки даже и во снѣ не всегда могутъ; а во вто-

*

рыхъ, Кособрюшниковъ только съ виду казался простоватымъ, тогда какъ, въ дѣйствительности, онъ былъ умнѣе и хитрѣе всѣхъ горожанъ. Ходитъ, бывало, по улицѣ или по базару, палочкой о землю безпечно постукиваетъ, какъ будто идетъ, ни о чемъ не думая; встрѣтится ему, бывало, тотъ, другой, перекинется съ нимъ двумя-тремя словами и пойдетъ дальше, воображая, что Кособрюшниковъ «шляется такъ зря»; нѣкоторые изъ богатыхъ купцовъ иногда даже подшучивали надъ нимъ: — «Ты-бы, Прохоръ Петровичъ, (такъ звали Кособрюшникова), хоть собакамъ хвосты-бы, что-ли, рубилъ, чѣмъ по напрасну, зря ходить!

— Да и то пожалуй,—отвѣтитъ Прохоръ Петровичъ,—отъ нечего дѣлать развѣ приняться. Отвѣтитъ онъ такъ-то и улыбнется.

Иной разъ чиновникъ какой встрѣтится, или баринъ. Эти въ свою очередь тоже подшучиваютъ надъ Кособрюшниковымъ, видя его каждый день, какъ будто безцѣльно шляющагося по набережной улицѣ.

— Что, Прохоръ Петровичъ, погулять вышли?— спросятъ его, бывало, встрѣтившіяся бары.

— Да, вотъ проминашь дѣлаю,—отвѣтитъ съ добродушной улыбкой Прохоръ Петровичъ и, низко поклонившись, продолжаетъ свой путь.

Но этотъ «проминашь», дѣлаемый каждый день по нѣскольку разъ по одной и той-же набережной

улицѣ, имѣлъ для Кособрюшникова весьма важное значеніе. Важность этого «проминаша» съ каждымъ мѣсяцемъ все болѣе и болѣе увеличивалась для Кособрюшникова, и въ послѣдніе мѣсяцы наблюдательный человѣкъ могъ замѣтить, что Кособрюшниковъ не такъ безпечно ходитъ, какъ ходилъ прежде, не такъ шутя постукиваетъ палочкой, какъ дѣлалъ это прежде; но въ городѣ Болшерѣченскѣ на перемѣну, происшедшую въ Кособрюшниковѣ, никто не обращалъ вниманія. Наконецъ, Кособрюшниковъ вдругъ перестала совершать свои прогулки по набережной улицѣ и заперся въ своемъ кабинетѣ. Это отчасти удивило жителей Большерѣченска, и нѣкоторые зашли было понавѣдаться къ своему собрату: «здоровъ-ли, молъ?» но получили въ отвѣтъ:—«нездоровъ, лежитъ и никого видѣть не можетъ».

Такъ всѣ и подумали, что Кособрюшниковъ боленъ. А онъ, между тѣмъ, былъ здоровѣе прежняго и посиживалъ у себя въ кабинетѣ, пересчитывая свои деньги и соображая какое-то большое дѣло. Много-ли мало-ли времеаи прошло въ этихъ соображеніяхъ,—неизвѣстно; только въ одно утро Кособрюшниковъ, за чайнымъ столомъ, сказалъ своей супругѣ, чтобы приготовили ему кое-что на дорогу.

— Хочу съѣздить въ Москву дня на четыре,— добавилъ онъ, потирая свой лобъ.

— Зачѣмъ же ты хочешь ѣхать? Что тебѣ тамъ за дѣло?—спрашивала супруга.

Но Кособрюшниковъ не сталъ долго разговаривать, сказалъ только, что хочетъ помолиться Богу, и чрезъ два часа онъ уже сидѣлъ въ вагонѣ желѣзной дороги и ѣхалъ въ Москву. Изъ Москвы онъ въ тотъ же день поѣхалъ въ Петербургъ. Пріѣхалъ въ Питеръ и махнулъ прямо въ одно изъ присутственныхъ мѣстъ.

— Что вамъ угодно?—спрашивали его.

— Желаю купить соли, которая находится въ Большерѣченскихъ казенныхъ амбарахъ,—отвѣчалъ почтительно Кособрюшниковъ.

— Сколько вамъ нужно?—спрашивали его.

Кособрюшниковъ запустилъ руку въ карманъ своихъ штановъ и потянулъ оттуда пачку съ кредными билетами и процентными бумагами, но одной рукой вытянуть пачки не могъ и призвалъ на помощь лѣвую руку. Провозился онъ не мало времени и, наконецъ досталъ изъ кармана деньжищъ махину въ двѣсти пятьдесять тысячъ.

— Вотъ, ваше благородіе, прикажите записать на эту сумму.

— Хорошо. Но отчего же вы о цѣнѣ не спросите?—обратились къ нему.

— Я за цѣной не постою. Цѣна для меня плевое дѣло. Мнѣ это ни почемъ, а главная причина господа начальство,—мнѣ соль нужна въ наискорѣйшемъ времени, потому она мнѣ на заводъ требуется.

— Извольте, берите когда угодно. Можете тотчасъ же по пріѣздѣ получить изъ Большерѣченскихъ казенныхъ амбаровъ. Тамъ казенной соли милліоны пудовъ.

— Это я понимаю съ, и все это вы ивволите справедливо рѣчь свою излагать, только, главная причина, можетъ какъ случайно Большерѣченское начальство замедлитъ и можетъ задержать лишнее время, а мнѣ-съ къ сроку.

— Зачѣмъ-же будутъ задерживать? Кому отъ этого какая польза?

— Это все вы точно... Изволите видѣть, господа начальство, я вотъ по чистой совѣсти, какъ передъ истиннымъ Богомъ, скажу у меня въ Большерѣченскѣ много враговъ изъ начальства.:.

— Ну, такъ что же?

— Въ томъ вся причина, что можетъ повредить..

«Господа начальство» пожимаетъ плечами и не можетъ понять, чего добивается купецъ, а купецъ, между тѣмъ, глубоко вздыхаетъ и, потирая лобъ, думаетъ: «какъ бы мнѣ половчѣе къ нему подъѣхать?»

— Ну, что-жъ, теперь выдать вамъ бумагу къ Большерѣченскому начальству или вы зайдете послѣ?—спросили его.

— Нѣтъ, господа начальство, я хочу васъ попросить это дѣло иначе устроить.

— Какъ же вамъ нужно-то?

— А теперича такъ-съ. Вотъ изволите видѣть, я покупаю у васъ соль, вы мнѣ должны ее приказать сдать, — дѣло это заглазное, Большерѣченскъ не близко, кто знаетъ, что тамъ можетъ быть; такъ на всякій случай, позвольте ужъ мнѣ контрактецъ съ вами заключить на законномъ основаніи.

— Извольте, извольте. Намъ все равно.

— И чудесно-съ. Только я васъ попрошу еще о томъ, что-бы была назначена неустойка.

— Это вамъ зачѣмъ-же?

— А это, знаете, нашихъ Большерѣченскихъ чиновниковъ будетъ потарапливать, они поживѣе мнѣ будутъ соль-то сдавать.

— Извольте и это. Какую-же вамъ неустойку, во сколько тысячъ?

— Мнѣ-бы въ сотенку, и довольно,—отвѣчалъ Кособрюшниковъ.

— Сто рублей?

— Нѣтъ-съ, въ сто тысячъ рублей.

— Ого! Вы все большими кушами ворочаете.

— Да вѣдь вамъ все равно. Это вѣдь только для остраски нашихъ Большерѣченскихъ чиновниковъ. Ужъ будьте столь добры.

— Извольте, извольте.

На томъ и порѣшили. Получилъ Кособрюшниковъ контрактъ, въ которомъ значилось: 1) что онъ купилъ въ казнѣ соли на такую-то сумму и заплатилъ ее сполна; 2) что соль должна быть сдана

ему, Кособрюшникову, немедленно по представленіи имъ въ Большерѣченскѣ контракта и распоряженіи продавшаго соль начальства и 3) что если соль не будетъ сдана въ извѣстный день, то Кособрюшниковъ имѣетъ получить неустойку во сто тысячъ рублей. Этотъ послѣдній пунктъ всего болѣе занималъ Кособрюшникова и занималъ по особымъ обстоятельствамъ, исключительно ему одному извѣстнымъ. Обстоятельства эти имѣли непосредственное отношеніе къ безцѣльнымъ прогулкамъ нашего героя по набережной улицѣ города Большереченска, мимо казенныхъ амбаровъ. Такимъ образомъ, достигнувъ исполненія своихъ тайныхъ помышленій, купецъ Кособрюшниковъ возвратился въ Большерѣченскъ и представилъ куда слѣдуетъ бумаги, полученныя изъ Петербурга. Боже мой, что изъ всего этого вышло! Языкъ смертнаго не можетъ выразить и сотой доли того, что почувствовали Большерѣченскія власти при чтеніи представленныхъ Кособрюшниковымъ бумагъ; никакая кисть художника никогда не изобразитъ того выраженія лицъ, какое было у Большерѣченскихъ властей въ ту минуту, когда простоватый съ виду Кособрюшниковъ стоялъ передъ ними въ ожиданіи отвѣта на поданныя бумаги. Тотъ Кособрюшниковъ, который служилъ подъчасъ потѣхой своимъ собратамъ, которому предлагали, вмѣсто безцѣльнаго «проминаша», лучше рубить собакамъ хвосты, — этотъ простоватый человѣкъ стоялъ теперь предъ

своимъ начальствомъ, и его смиренная фигура внушала страхъ, ужасъ и трепетъ, какого тысячи чертей и милліоны ревизоровъ не производили на Большерѣченское начальство.

— Когда-же прикажете, господа начальство, явиться за пріемкой соли?—смиренно спросилъ, наконецъ, Кособрюшниковъ.

— Соли? Соли?.. Что вы говорите: вамъ соли, что-ли? или вы такъ, шутите?—безсвязно спрашивали Большерѣченскія власти.

— Нѣтъ, какъ можно. Мнѣ шутки шутить съ вами не резонтъ. А вотъ позвольте мнѣ по контракту соль принять.

— А? соль? Соль, батенька, того... завтра приходите.

Является Кособрюшниковъ на другой день.

— Позвольте мнѣ соль получить?

— А? соль? Соль, батенька, извольте... только зачѣмъ вамъ такъ много соли?

— Это ужъ вы позвольте, значитъ, мнѣ самому знать, потому это меня касается только.

— Ну такъ завтра приходите... Ахъ! Да вы бы того... ужъ очень много вамъ соли-то нужно сдавать... — запинались власти.

— Вамъ, господа начальство, бояться нечего. У васъ соли милліоны пудовъ, сказываютъ, лежатъ. Прикажите сдать, и конецъ дѣлу.

— О! У насъ соли много... Только того... зачѣмъ вамъ-то?

Ну, словомъ, дѣло вышло для Большерѣченскаго начальства весьма некрасивое. Соль къ извѣстному числу не сдали, да и до сихъ поръ она не сдана, потому что ее въ Большерѣченскихъ казенныхъ амбарахъ не оказалось. Кособрюшниковъ опять сталъ похаживать по берегу въ ожиданіи того дня, когда петербургское начальство возвратитъ ему обратно его деньги и прибавитъ къ нимъ неустойку по 3-му пункту контракта. Начальство города Большерѣченска уже не привѣтствуетъ болѣе Кособрюшникова, да и начальства того, которое привѣтствовало нашего героя во время прогулокъ,—того начальства уже нѣтъ въ городѣ...

— Представь себѣ братецъ мой,—разсуждаютъ собраты Кособрюшникова,—какую штуку онъ отмочилъ, а? Вѣдь прозѣвай онъ еще мѣсяцъ,—дѣло-бы вышло табоковское, потому что разливъ рѣки потопилъ-бы казенные амбары.

— Н-да-а! — задумчаво поддакиваютъ другіе,—всякому свое счастіе.

СЕЛЬСКІЙ КНИГОТОРГОВЕЦЪ.

Я собрался въ путь.

Послѣ толкотни и давки, неизбѣжной и искони существующей у кассы третьяго класса Николаевской желѣзной дороги, я наконецъ, съ болью въ груди, получилъ билетъ на право проѣзда до Москвы.

Вслѣдъ за мной выходили изъ вокзала пассажиры, охая и ахая и отирая свои потные лбы. Они также, какъ и я, торопливо спѣшили къ вагонамъ, такъ-какъ первый звонокъ давно уже пробилъ. Меня обогналъ какой-то юрковатый мужичекъ съ рыжей клинообразной бородой; онъ былъ одѣтъ въ суконную чуйку, подпоясанную синимъ кушакомъ; на рыжей его головѣ торчала блинообразная фуражка. Онъ представлялъ собою что-то среднее между крестьяниномъ и мѣщаниномъ.

— А куда вы ѣдете? спросилъ онъ, заглядывая мнѣ прямо въ глаза.

Я сказалъ, и мы пошли съ нимъ рядомъ.

— И чудесно. Значитъ, намъ по дорогѣ. Мы теперичка съ вами сядемъ на одну скамейку въ вагонѣ-то...

Я согласился.

— А какое завсегда въ третьемъ классѣ упорство, замѣтилъ мой собесѣдникъ.

— Какое упорство? что это такое? спросилъ я.

— Да народу—гибель. Ужъ очень много, откуда чего берется, вѣдь яблоку упасть негдѣ. Страшное упорство!

Мой новый знакомый оказался большой говорунъ, и не успѣли мы дойдти до нашего мѣста, какъ онъ наговорилъ мнѣ «съ три короба» о своихъ занятіяхъ, о количествѣ капитала, о своемъ характерѣ, и проч. и проч. Оказалось, что онъ Вязниковецъ, ходитъ по селамъ и городамъ съ коробкой, торгуетъ разными мелочами, но преимущественно книгами; ѣздилъ въ Петербургъ повидаться съ братомъ.

— А вотъ теперичка ѣду въ Москву. Запастись надо товаришкомъ, да и къ Макарью готовиться пора, къ тому ужъ видно время идетъ, — вотъ и іюль на дворѣ. Этотъ іюль для насъ самое пропащее дѣло, пѣсня даже есть сложена: «какъ прійдетъ мѣсяцъ іюль, на купцовъ тогда хоть плюй».

— Отчего же такъ? спросилъ я

— Затишье. Торговля плоха; а при плохой торговлѣ поневолѣ повѣсишь носъ-то. Ей-Богу... Вы

что смѣетесь,—вѣрно. Самый что ни на есть пронащій мѣсяцъ, отъ него какъ отъ козла—ни шерсти, ни молока. Макарье — вотъ это другое дѣло: тутъ ужъ мое почтеніе, не зѣвай, — когда кипитъ, тогда вари. Бѣдовое дѣло! Я страсть люблю эту Макарью. У меня маленькой шкапикъ около мосту. Повѣрите ли: годъ торгуешь, того припенту не получишь, какой Макарья дастъ... Всякаго народа много, успѣвай только дѣла обдѣлывать. Другой разъ такое дѣльцо подвернется, что послѣ самъ надивиться не можешь, какъ оно такъ ловко да складно вышло: потому, если по-Божески судить, то за него бы, по малой мѣрѣ, надо годъ въ тюрьмѣ просидѣть, а тутъ, глядишь, на ярмаркѣ поскорости и сойдетъ благополучно...

— Чѣмъ же вы въ ярмаркѣ промышляете?

— А чѣмъ придется. На ярмаркѣ все лафа. Въ ярмаркѣ и покупаешь и продаешь, потому сказано: когда кипитъ, тогда вари. Торгуемъ-то больше книгами.

— Какія же книги больше продаются?

— Всякія. Печатныя все книги. На ярмаркѣ, какъ случится. Другая книга и вниманья-то не стоитъ, а торгуешь ей, потому что попалъ на нее, какъ медвѣдь на рогатину: какой-нибудь московской издатель огрѣетъ раба Божія, — штукъ тебѣ двѣсти вкатитъ по четвертаку за рубль: думаешь, что и дешево купилъ, а тамъ, глядишь, она вся-то и

съ потрохами-то пятнадцать копѣекъ больше не стоитъ, — ну вотъ съ ней волей неволей и возишься. Что дѣлать-то. Не даромъ говорится, что Москва бьетъ съ носка. Въ ней по книжной торговлѣ тонко дѣла ведутъ... Я вотъ все думаю, какъ только еще сотенъ пятокъ наколочу, такъ сейчасъ въ Москву, стану книжки издавать...

— А въ провинціи какія же книги больше покупаютъ?

— Гдѣ какъ,—не унаровишь. Тамъ совсѣмъ другая статья. Имѣемъ для случая разныя книги. Романы тоже таскаемъ—ну только я вамъ скажу, въ нашей торговлѣ романы большо припенту не даютъ, потому ихъ мало покупаютъ, въ городахъ развѣ гдѣ случаемъ, ежели погорячѣе похвалишь, продашь попадьѣ али купчихѣ. Только и опять не всякій и романъ, потому имъ требуется, чтобы въ романѣ описывались разные знатные господа, графы, князья и маркизы,—ну такъ ужъ заранѣ и нахвалишь: графы, молъ, князья и маркизы. Аглецкой Милордъ тоже что-то сталъ изъ моды выходить, кому ни сунешь,—нѣтъ, говоритъ, читали. Нахваливаешь, прорвешься насквозь, что это не тотъ Милордъ, а другой,—нѣтъ! Да у меня, признаться, теперь этого Милорда, будь онъ не ладенъ, книгъ пятокъ развѣ, не больше,—столкаю кому-нибудь за «Черного негра». Вотъ эта книга затѣйная, мастакъ былъ сочинитель, башка у него, видно, здоровая. Книга

эта крѣпко идетъ промежду купеческихъ сыновей—зачитываются до безсонницы! Барышни городскія и дочери купеческія любятъ «Страшную ночь на Рождество», «Полуночный колоколъ», «Кіевскія вѣдьмы». Имъ все больше, чтобы ужасти всякія, читаютъ и инда визжатъ со страху, такъ и примутся голосить; читаютъ вмѣстѣ втроемъ, а нѣтъ такъ вчетверомъ, потому одной опасно Дочитаются до страшнаго мѣста, завизжатъ,—бѣжать, лѣстницы подъ ногами трещатъ... ей Богу правда. Потому, въ книгахъ этихъ ужъ очень много страху напущено. Ну, по уѣздному городу, пожалуй, больше и продать нечего.—Насчетъ картинокъ, ежели въ городахъ, то больше идутъ барышни, разныя этакія «Адели», съ цвѣточками въ рукахъ, али съ голубками; городскіе чиновники любятъ, чтобы картинка была помаслянѣй, чтобы одежда было поменьше, — давай, говоритъ, вовсе безо всякой одежды; разныхъ этакихъ купающихся нимфъ требуютъ, потому—имъ, этимъ чиновникамъ, страсть тамъ скучно, живутъ тоже промежъ нихъ другіе въ одиночествѣ, такъ больше, значитъ, отъ скуки, для развлеченія голышечку этакую себѣ и купитъ.

— Въ деревняхъ совсѣмъ другое дѣло. Писарь деревенскій, или грамотный какой мужикъ, этотъ совсѣмъ другой расчетъ имѣетъ: ему ты давай либо Бову Королевича, либо Еруслана Лазарича; ежели такой книги не дашь, такъ давай житіе какого

святаго, — другихъ книгъ онъ и смотрѣть не будетъ, — не рука! Пѣсенники вотъ эти нынче по деревнямъ хорошо расходятся. Нынче новѣйшіе пѣсенники есть съ разными романцами, — книжка занятная, потому — въ ней веселья много. Пѣсенники тоже писаря берутъ, барышни сельскія, напримѣръ, таперичка, дочери поповскія, дьяконскія, становиха, ну и прочіе сельскіе господа; да и по крестьянству молодые парни, которые нонче грамотѣ обучены, тоже до пѣсенниковъ падки, — ну, а отъ молодыхъ и кои постарше заимствуются. Пѣсенники очень хорошо теперь издавать, потому простыя пѣсни скоро ужъ совсѣмъ въ пренебреженіи будутъ.— Сельскія барышни страшныхъ романовъ не читаютъ, потому что грамотѣ плохо обучены, да и пужливы ужъ очень: другой разъ какая старуха начнетъ сказку разсказывать, да ежели чуть до кладбища коснется хоть сторонкой, — сейчасъ уши зажмутъ или спрячутся подъ подушки. Нѣжны очень. Съ дѣтства видно ихъ этими сказками здорово пробираютъ... Да-съ; мы это все, все какъ есть соображать можемъ, — всякаго покупателя сортируемъ. Теперичка, я вамъ скажу, ежели къ коробкѣ съ книгами подходитъ дьячекъ, али дьяконъ, давай ему сонникъ — первое дѣло! Это книга для нихъ, для духовенства, антиресная. Духовныя книги они у насъ не покупаютъ — не любятъ, да и своихъ, говорятъ, церковныхъ много... У насъ, признаться, духовныхъ книгъ

почитай что и нѣту, да и имѣть ихъ нельзя: мало совсѣмъ ихъ спрашиваютъ. Святцы развѣ, да вотъ еще жизнь Тихона Задонскаго, — эта книга идетъ бойко.—Ну, теперичка, ежели солдаты грамотные подходятъ,—вынимай «Битву русскихъ съ кабардинцами», «Приключеніе съ Петромъ Великимъ въ лѣсу», «Солдатъ Яшка, красная рубашка». Это все покупатель основательный. А вотъ другой разъ на базарахъ пьяные мужики лѣзутъ тоже къ коробкѣ,— давай, говоритъ, книгу, а сами грамотѣ не знаютъ,—это ужъ самое докучное. Гонишь ихъ прочь,— сердится: «дав-вай! что ни на есть первѣйшую книгу давай»!—ну вотъ и сунешь ему какую по плоше. Другой не торгуется и не спрашиваетъ, какая книга, все равно, претъ домой своему мальченкѣ, который только азбуку по складамъ смекать начинаетъ. И это еще слава тѣ Господи, что отошелъ; а то другой начнетъ разсматривать, перелистываетъ книгу, пьяными глазами поводитъ по строкамъ: «нѣтъ, говоритъ, эта не хороша, дай другую»,—ну и другую дашь, иной разъ и унаровишь, понравится, купитъ, самъ не зная что .. Смѣхотворы! Бываетъ такъ, что пьяной мужикъ хочетъ книгу купить, а баба сердится, крикъ поднимутъ... Баба-то, глядишь, резонно ему толкуетъ: на что, молъ, деньги бросать, грамотѣ не смыслишь, ребятенки—тоже, а мужикъ свое: «сердце, говоритъ, теперичка,

у меня распалилось, и давай ты мнѣ войну кабардинца». Извѣстно—необразованіе!

— Чѣмъ же вы еще торгуете, кромѣ книгъ, какими товарами? спрашивалъ я, желая слышать подробности о торговлѣ моего собесѣдника.

— Да больше-то книгами, только такъ какъ теперичка на одномъ этомъ товарѣ далеко не уйдешь, то и другіе товары держимъ, торгуемъ и лентами и всякой мелочью, образковъ десятка два-три тоже имѣемъ:—вотъ этимъ товаромъ торговать чудесно, потому что покупатели много торговаться не смѣютъ, —на народъ это за грѣхъ считается. Тутъ, по покупателю глядя, разумѣется и лупишь какъ не надо лучше, въ трое либо въ четверо. Ничего. Ну, правда, иной разъ, какая-нибудь старушенція и про грѣхъ забудетъ, лаять примется на весь базаръ... Тоже расчетъ надо имѣть: вотъ ежели въ селѣ базаръ, и у другова торговца какова товару нѣтъ,—лупи за него въ трое, ничего, что облаютъ, а купятъ, — значитъ требуется. Крестики, колечки, иголки по мелочному торгу—первой товаръ, на нихъ завсегда расходъ большой; крестики особливо прытко идутъ, теряютъ ихъ много; мы, правду сказать, съ этими крестиками на свою душу грѣхъ принимаемъ немалой: шнурокъ-то покупателямъ для крестовъ даемъ пoслабѣе, онъ, глядишь, скоро перегниваетъ отъ поту-то, ну, кресты и теряются. Хорошо торговать большими иконами — любезное дѣло! Главное не-

хлопотливо: товаръ одного сорту, памяти большой не надо, да и цѣну берешь завсегда съ большимъ припентомъ, потому — сказано, торговаться грѣхъ. Есть ловкіе ребята изъ богомазовъ-то.

— Какіе это богомазы?

— А торговцы образами, ихъ вѣдь богомазами зовутъ. Изъ нихъ есть ловкіе ребята. Какія они штуки со старовѣрами откалываютъ — удивляться надо! Старовѣры любятъ больно древніе образа, да такіе, чтобы черные совсѣмъ, даже и лику-то святова совсѣмъ не видно,—такіе образа для нихъ дороже всего. Вотъ богомазы и разрисуютъ образъ почернѣе на старыхъ доскахъ, да и прокоптятъ ихъ еще въ печныхъ трубахъ, да потомъ еще какъ-то землей обкладываютъ, я ужъ въ точности-то и не знаю, только совсѣмъ образъ-то испортятъ, такъ что и разглядѣть нельзя. Пріѣдутъ къ старовѣрамъ и подъ великіимъ секретомъ, шепотомъ на-ушко наговорятъ старикамъ всякой всячины, а старики уши навострятъ, слушаютъ, а сами инда трясутся, не въ терпежь ужъ имъ. Вотъ такъ-то разожгутъ ихъ богомазы разговорами насчетъ иконы о древности, да и дуютъ рублей по двадцати, а то и больше.

— А вы не продавали такихъ образовъ? спросилъ я.

— Нѣтъ. Наше дѣло совсѣмъ другое. Кому вѣдь что далось. Я вотъ съ бабами торговаться люблю. Сережки, колечки, перстеньки всякіе имъ раскла-

дываешь, оплетаешь ихъ на этомъ товарѣ, какъ душѣ угодно. Въ Москвѣ этотъ товаръ отлично отдѣлываютъ подъ золото, стеклы различныхъ цвѣтовъ вставляютъ замѣсто камней, на солнцѣ какъ жаръ горятъ. Дѣвки и бабы какъ увидятъ, безъ ума дѣлаются, глаза у нихъ начинаютъ разбѣгаться, и толкотня такая промежъ этихъ бабъ пойдетъ — бѣда; одичаютъ совсѣмъ, одна другую кулакомъ въ бокъ: «гляди, гляди!» шепчутъ. Падки ужъ они очень до этого товару. Разъ меня дѣвушка одна за перстенекъ полюбила, а и стоитъ всего развѣ полкопѣйки: — больно ужъ ей красный камешекъ понравился. Драка у насъ въ тѣ поры съ парнемъ вышла, потому — парень этотъ жениться на ней хотѣлъ... Ну да, молъ, ладно: женись опосля насъ, когда угодно, — такъ дѣвка изъ-за мѣднаго гроша и пропала!... Опосля, говорятъ, и совсѣмъ смоталась...

— Скажите пожалуйста, спрашивалъ я моего собесѣдника, — есть ли у васъ въ продажѣ книги изданія «Общественной Пользы» для народнаго чтенія?

— Есть, какъ же, есть. Да что толку-то...

— Какъ что? Книжки хорошія, назидательныя.

— Да не въ томъ дѣло-съ. Не въ томъ совсѣмъ разсчетъ. Тутъ назидательность не идетъ, вотъ что. У насъ та книжка хороша, которая требуется, а этимъ народнымъ книжкамъ совсѣмъ ходу нѣтъ.

— Отчего же?

— Не занятныя книги, вотъ вся и причина. Со-

чинять, значитъ, не умѣютъ, вотъ что,—разсудку того, значитъ, нѣтъ, какой требуется. Вѣдь это дѣло, вы думаете, какъ? Взялъ, сочинилъ, напечаталъ и — шабашъ? Нѣтъ, не та статья. Это дѣло разсудку требуетъ большова? Вотъ теперь у насъ разъ дѣло было. Знакомый мнѣ разсказывалъ После Венгерской кампаніи понадобилась книжка о томъ, какъ войну воевали, эту самую, значитъ, съ этими венгерами. Понадобилась книжка къ тихвинской ярморкѣ, а такой книги нѣтъ,—гдѣ ее взять? а надо. Знакомый мой бросился туды, сюды—нѣту, ни у кого такой книги нѣтъ, — гдѣ ее взять? а ужъ ярморка на носу. Вотъ онъ, не будь промахъ, маршъ сейчасъ къ сочинителю. — Что тебѣ? спрашиваетъ тотъ. — Такъ и такъ, говоритъ мой знакомый, книга требуется, а книги никто не сочинилъ. — Какой? говоритъ. — Про венгера, какъ войну съ нимъ воевали. — Ну? — Такъ вотъ, говоритъ, не угодно ли сочинить и заглавіе, говоритъ, придумать позанятнѣе, чтобы въ носъ бросилось.— Изволь, говоритъ сочинитель, — могу. Московскій какой-то былъ этотъ сочинитель и жилъ онъ гдѣ-то на Таганкѣ; — изволь, говоритъ, — сочиню, только эта книга будетъ стоить не дешево. — А сколько? спрашиваетъ знакомый. — Да пятнадцать серебра. Стали торговаться и за шесть съ полтиной на ассигнаціи порѣшили, да два штофа водки въ надбавку. Тотъ сочинитель ему въ шесть денъ на-

валялъ цѣлую книгу, и презатѣйная книга вышла,— торговали ей чудесно. Онъ и заглавія ей далъ подходящее: «Битва русскихъ съ Венгерами, или Прекрасная Россіянка, умирающая на гробу своего обожаемова возлюбленнова» Такъ вотъ это книга, настоящая книга! А то вы говорите про Общественную Пользу. Книги ихъ совсѣмъ ничтожныя,— такъ, одна только пустяковина! Одно точно у нихъ для нашего брата сподручно сдѣлано, что цѣны на книжкахъ не обозначаютъ. Это отлично. Купишь какую книгу копѣекъ за семь и долго ее терпишь, ну а если долежитъ того, что ее спросятъ, ну въ тѣ поры полтинникъ за нее просишь. Гляди, полтинника хоть не возьмешь, а все отдашь копѣекъ за пятнадцать, да еще кормешку себѣ въ придачу выпросишь, ну и ладно. Мало только ихъ продается, совсѣмъ мало.

— Да то-то, говорю, — никакъ не пойму, *отчего* ихъ мало продается?

— Говорю вамъ, что не такъ сочинены, — занятности въ этихъ книгахъ нѣтъ. Издатели торговаго дѣла, какъ должно, не знаютъ, право не знаютъ, не смыслятъ, какъ нужно дѣла обдѣлывать.

— Изъ чего жъ вы это заключаете?

— А вотъ изъ чего заключаю, изъ бездѣлицы:— зачѣмъ они такой крѣпкой веревкой забуцали книгу-то свою?

— Я не понимаю, какая веревка...

— Вотъ то-то и есть. А они книгу-то сшили все равно, что веревкой, — развѣ это такъ можно? По-нашему, ежели книгу сшивать, такъ ужъ не по-ихнему, не по-Петербургски то дѣлать, да!

— А какъ же, по-вашему?

— А по-нашему иначе. У насъ въ Москвѣ на этотъ счетъ дѣло до тонкости знаютъ, — мое почтеніе, во всѣхъ статьяхъ! Они, петербургскіе-то, забуцали свою книгу такъ, что она пожалуй и въ годъ не растреплется, сшивку-то зубами не перегрызть, а по-нашему слѣдоваетъ дѣлать поукуратнѣе, книжечку нужно сшивать легонечко, понѣжнѣе, что-бы только для виду; — вотъ это для торговаго дѣла будетъ поспособнѣе.

— Это, значитъ, чтобъ поскорѣй растрепалась?

— Да, извѣстно: надо комерцію поддерживать, а не то, что ее прекращать. Ужъ эта нашинская книжечка, глядишь, у покупателя-то долго не залежится. Она черезъ день, черезъ два и будетъ понемногу расползаться, а черезъ недѣлю вовсе расползется, всякой-листъ будетъ самъ по себѣ хозяйничать, а черезъ мѣсяцъ, гляди, половину листовъ порастеряютъ, да ребятенки перервутъ, — значитъ и выходитъ, что надо новую книжонку покупать, а для торговли это самое первое дѣло, потому, какъ омутъ безъ чертей, такъ и мы безъ покупателей — пропадомъ пропадать должны. Теперичка вотъ вы изволите видѣть, что всякое дѣло надо дѣлать съ раз-

судкомъ, а то пожалуй и выйдетъ, что «безъ толку молиться, безъ числа согрѣшать».

Книготорговецъ тряхнулъ головой, поправляя сбившіеся на лобъ рыжіе волосы, подергалъ свою клинообразную бороденку и поглядѣлъ по сторонамъ. Чтобы не давать прекращаться этому разговору, я снова задалъ ему вопросъ:

— А какъ продаются картины, что Общественная Польза издаетъ?

— Какія картины-то? спросилъ книготорговецъ.

— Ну хоть, напримѣръ, историческія? Вотъ тѣ, подъ которыми большой текстъ напечатанъ?

— Такихъ не слыхивали, задумчиво отвѣчалъ мой собесѣдникъ, почесывая затылокъ.

— Помилуйте, какъ не слыхивали? Не можетъ быть! Онѣ для народа изданы и въ 1866 году нарочно были отправлены въ нижегородскую ярмарку для распродажи по дешевой цѣнѣ. Припомните-ка хорошенько. Андрей Боголюбскій, Крещеніе Русскаго народа...

Книготорговецъ припоминалъ.

— Да онѣ не на толстой ли бумагѣ? спросилъ онъ, вдругъ оживляясь.

— Да, бумага прочная.

— А-а! Знаю! знаю! Видѣлъ! улыбаясь восклицалъ книготорговецъ.

— Ну что же, онѣ продаются?

— Плохо, очень плохо.

— Отчего же?

— Не ярки. Цвѣта не ярки... Дѣло видимое, я вамъ доложу, что эти издатели люди не торговые. Ты коли хочешь картинку сдѣлать, чтобы она давала припентъ,—ты и картину все равно, что книгу, сдѣлай съ разсудкомъ. Первая причина, дѣлай, чтобы цвѣта были настоящіе, веселые; чтобы отъ подписи либо въ смѣхъ бросало, либо прошибало до слезъ Вотъ такая картинка будетъ имѣть ходъ, и всякой торговецъ, нашъ братъ, за нее руками ухватиться, потому, она ходъ имѣетъ, припентъ даетъ. А тѣ картины, что!—такъ, дрянь! Тутъ, я вамъ доложу, тоже надо держать ухо востро, знать, что къ чему соотвѣтственно.

— Напримѣръ, что же?

— А вотъ что. Вы вонъ теперичка, сами давеча упомянули, что эти картины сдѣланы на толстой бумагѣ. Ну, для чего это самое сдѣлано? Скажите-ка вы мнѣ, для какого это такого резонту? А вѣдь толстая бумага дороже тонкой,—для чего же они деньги-то по-напрасну бросили, а дѣло-то отъ этого стало хуже?

— Чѣмъ же хуже?

— Какъ чѣмъ? Теперичка этакую картину ножемъ не пересѣчешь, а прусаку либо таракану и въ жизнь не переточить, а ужь не то чтобы она сама стала рваться. Что жъ, это развѣ ладно? Продашь ее мужику одну, да и жди сто годовъ, когда

она порѣшится, а она, пожалуй, вѣки вѣчные будетъ висѣть... Эхъ, да что говорить!

Книготорговецъ махнулъ рукой, помолчалъ, и потомъ оживляясь, заговорилъ снова:

— Нѣтъ, теперичка, вы посмотрите наши картины:—бумага самая тонесинькая, чуть ты съ ней неукуратно, она сейчасъ рвется; цвѣта на ней яркіе, подписи на ней занятны,—вотъ она и ходъ имѣетъ, и требованіе на нее есть всегда. Поймите вы, значитъ, то, напримѣръ, мужикъ, онъ, ежели избу новую поставитъ, сейчасъ, первое дѣло, купить двѣ-три картины, на стѣны тѣстомъ наклеить. Ну, вотъ, и хорошо; изба его сохнетъ, садится, и картинѣ приходитъ конецъ, ее живо разорветъ на части. Вотъ это картина! А эту толстую-то,—да какой ее лѣшой порветъ, она ровно изъ кожи,—совсѣмъ негодящая!

— А по содержанію-то... по тому, что на нихъ изображено-то, какъ вы ихъ находите?

— По всему не хороши, какъ есть по всему. Вотъ, теперичка, напримѣръ, по краскѣ не ярка, скучновата больно кажется,—это первое дѣло; потомъ,—бѣлаго мѣста, опять, съ боковъ много очень оставлено,—это совсѣмъ ужъ негодящая статья: мужика сомнѣніе беретъ, за что онъ деньги заплатитъ за картину, коли она не вся зарисована. Нѣтъ, ужъ у насъ, ежели картинка, такъ настоящая картинка, вся зарисована, крестьянину въ ней ужъ сом-

нѣваться нечего,—картина, какъ есть, полная; ну и краски ярче, и подписи занятнѣе. А по цѣнѣ-то, я вамъ скажу, по цѣнѣ-то мы можемъ, пожалуй, съ толстыми поспорить,—мое почтеніе! Имъ въ этомъ случаѣ до насъ далеко: вѣдь наши-то картины на пудъ покупаются, съ вѣсу и стоитъ каждая можетъ всего-то полторы копѣйки, а то и того меньше.

Книгопродавецъ понизилъ тонъ, торопливо оглянулся, опасаясь, чтобы не услыхало чье лишнее ухо его откровенной бесѣды.

— Такъ вотъ какъ-съ дѣла-та! продолжалъ онъ, хлопая себя по колѣну,—вотъ они какія дѣла-та! Картинка-то стоитъ можетъ копѣйку, а продаемъ мы ее по двугривеннику и по полтинѣ на ассигнаціи; а то, ежели которая картина повеселѣе—и двѣ полтины лупимъ. Такъ ужъ имъ, общественнымъ-то пользамъ, за нами далеко не вплоть приходится...

Я объяснилъ моему собесѣднику, что картины, изданныя товариществомъ Общественной Пользы, хорошо исполнены и всѣ историческаго содержанія, что издатели имѣли при этомъ желаніе знакомить, посредствомъ этихъ картинъ, русскій народъ съ его исторіей.

Книготорговецъ выслушалъ мое объясненіе и заговорилъ:

— Да вѣдь и наши хороши, ей-ей! А что каса-

тельно содержанія, то я вамъ, теперичка, доложу, мы опять и въ этомъ съ нимъ поспоримъ: напримѣръ, у насъ есть, для чистой публики, генералы съ лѣппыми апалетами, золотомъ отдѣланы, и цѣна, ежели на споръ пойдетъ, можно за три четвертака пару картинъ продать, — это значитъ, двухъ генераловъ за такую дешевизну будетъ покупатель имѣть. Ну, потомъ есть страженія разныя, напримѣръ, Синопъ, взрывъ корабля, подъ огонь отдѣлапа, — яркая картина! Али, теперичка, взять пожаръ Щукина двора, али Большаго театра въ Москвѣ, — тоже картины, мое почтеніе! Краски все веселыя... Да что про это толковать! Наше это дѣло, насчетъ народнаго обращенія въ книжномъ дѣлѣ никогда изъ нашихъ рукъ не выпадетъ, и никому имъ, окромя насъ, не владать. Мы имъ съ измалѣтствія орудуемъ и своихъ покупателей знаемъ, и что имъ по скусу, знаемъ, да и покупатель-то насъ знаетъ. Что говорятъ, обманство, — ну да ничего: нужды нѣтъ, что мы другой разъ покупателя надуваемъ, мы съ нимъ опять завсегда въ согласіи, потому-что онъ за свое неудовольствіе впослѣдствіи какъ ему угодно въ глаза меня обругать можетъ, и все же онъ насъ на другихъ не промѣняетъ, потому, ему не извѣстно, какъ его еще тотъ, новой-то надувать станетъ. Онъ понимаетъ такъ, что новый можетъ еще во сто разъ хуже, — такъ ужъ лучше у стараго покупать. А ежели мы захотимъ

какую новизну, какой новый товаръ въ ходъ пущать въ покупателя, такъ мы можемъ этимъ дѣломъ руководствоваться, но изподтишка; потому, намъ нарваться страшно. Вотъ, теперечка, фотографическія карточки стали понемногу проползать въ уѣзды, — ничего, покупаютъ ихъ, но только хоть онѣ и идутъ, а все-таки надо опытности; да-съ, много, много опытности надо. Вотъ, напримѣръ, Царствующаго дома, Мериканцевъ, Камиссарова, эти идутъ, даже можно сказать — бойко идутъ!.. А то, я вамъ скажу, какъ меня самого одинъ торговецъ въ Москвѣ, въ позапрошломъ году, огрѣлъ здорово: продалъ мнѣ карточекъ русскихъ сочинителей, да и дешево продалъ-то, по полтиннику дюжина, но только ходу имъ нѣтъ. Лежатъ цѣлый годъ, ни одного столкать не могу. Прахъ ихъ знаетъ, чего я съ нимъ не дѣлалъ: и на крышку къ коробкѣ булавкой пришпиливалъ, и по гривеннику и по семи копѣекъ за сочинителя отдавалъ,—нѣтъ, уперлись, не идутъ. Крыловъ еще мало-мало плетется, ну вотъ Кольцовъ за нимъ слѣдомъ, еще туды-сюды, а остальныхъ—хоть выбрасывай. Сочинителей видно плохихъ, что ли, мнѣ подсунули, али ужъ всѣ они плохи, — я ужъ и разобрать не могу. Хочу обратно ихъ всѣхъ въ Москву по осени провезти, да продать всѣхъ этихъ самыхъ сочинителей, почемъ ни попало, — ну ихъ совсѣмъ!

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

> Дѣла давно минувшихъ дней,
> Преданья старины глубокой...

Мы преуспѣваемъ на пути прогресса? Ахъ, какъ мы преуспѣваемъ! У насъ являются такіе вожаки народа, которые, не щадя своихъ трудовъ и силъ, хлопочутъ о пользѣ... Гм... Не могу вотъ никакъ догадаться только, о чьей они пользѣ хлопочутъ. Трудовъ расходовъ и заботъ несутъ они дѣйствительно много, языки ихъ неустанно работаютъ и до того иной разъ разработываются, что городятъ несообразимую гиль. Въ Москвѣ и Петербургѣ подобные народные вожаки, то и дѣло, устроиваютъ сборища, такъ называемые: «Бурятскіе обѣды», и укармливая и опаивая россійское купечество, стараются втолковать имъ о необходимости желѣзныхъ дорогъ, о томъ, что «въ наше время, когда и проч.» Купцы, не смотря на то, что ихъ, какъ на убой, укоачиваютъ аршинными стерлядями и поливаютъ до отвалу заморскими винами,—туго поддаются рѣчамъ во-

жаковъ, хотя эти послѣдніе, не щадя своихъ языковъ сыплютъ словами часа по два сряду. Оканчивается наконецъ «Бурятскій обѣдъ», послѣднее блюдо давно уберется со стола, а словоизверженіе все еще продолжается и иногда, въ недобрый часъ, бываетъ такъ, что самъ ораторъ слезливо смотритъ на гостей, какъ бы отыскивая въ нихъ помощи въ своемъ несчастіи, какъ бы прося ихъ общими силами остановить его разболтавшійся языкъ, но языкъ не унимается и все сыплетъ, и все сыплетъ словами. Офиціанты мрачно взглядываютъ на оратора, нетерпѣливо ожидая окончанія болтовни, и въ этомъ нетерпѣливомъ ожиданіи трутъ своими спинами дверные косяки и помахиваютъ салфетками, а слова все сюплются и сыплются. Купцы глубоко вздыхаютъ, чешутся и твердятъ «Господи спаси и помилуй», а слова все сыплются и сыплются... Но наконецъ, къ общему благополучію, словоизверженіе оканчивается; громомъ гремятъ отодвигаемые стулья, какъ фабричныя трубы сопятъ купцы и, пожимая своими мясистыми руками тощія руки народныхъ вожаковъ, говорятъ: «спасибо за хлѣбъ за соль,—къ намъ милости просимъ». А сами въ тоже время думаютъ: «что это вы, господа, за фортель такой устраиваете, какую, такъ сказать, механику подводите подъ наши карманы»?

— Что это, Онуфрій Аксентьичъ, какія нынѣ времена-то настали!

— Да братъ, время тово... держи ухо востро!.. Того и гляди, что облопошатъ и опомниться не успѣемъ!

Такъ-то разсуждаютъ купцы, возвращаясь съ сытнаго обѣда, и рѣшаютъ они безапеляціонно, что аршинныя стерляди и заморскія вина даромъ для нихъ не пройдутъ, что «придетъ часъ воли Божіей и все это зачтется».

— Да, братъ, продолжаютъ размышлять именитые граждане, — надо гораздо молиться, чтобы отъ этихъ обѣдовъ Богъ избавилъ .. Ужъ они насъ подъѣдутъ!

— Подъѣдутъ! Это какъ есть и на бобы не мечи!

— Не надо бы намъ тово... на эти обѣды ѣздить. Оно бы вальготнѣе на душѣ-то...

— То-то вишь, нельзя... Время, братецъ, такое —никакъ невозможно: отбою вѣдь нѣтъ. Вѣдь какъ начнутъ ублажать да расхваливать: и именитымъ-то и передовымъ-то и благороднымъ... да вѣдь, — стр-р-расть! Словами-то тебя такъ ошарашатъ, что одурѣешь, глаза-то вытаращишь, да и не знаешь, что дѣлать, а онъ все сыплетъ, все сыплетъ,—замучитъ! Ну и поѣдешь, потому—силъ нѣту, не отобьешься!...

— Народъ тонкой! На томъ стоитъ, чтобы языкомъ орудовать бойко!..

— Бѣдовой народъ, а все вѣдь про чугунку, а?

— Говорятъ, говорятъ и то и се, а все про чугунку не забываютъ, все къ ней приворачиваютъ!

— Д-да! Засѣла она ему, видно, въ голову-то здорово... Хе! хе! хе!...

И посмѣиваются себѣ подъ носъ купцы, не забывая въ тоже время вспомнить о томъ, «что все это зачтется».

Такъ кончается одинъ обѣдъ, проходитъ нѣсколько времени, — начинается другой, третій и т. д. Купцы ѣдятъ, вздыхаютъ и въ тайнѣ думаютъ «когда же конецъ? Хоть бы скорѣе то или се».

— А главная причина, теперича, не знаешь сколько потребуется, разсуждаютъ они между собой

— Хоша бы ужъ не томили,—легче бы на душѣ то было, а то просто сна рѣшишся, все думаешь сколько же за это? сто ли рублей, али двѣсти

— Можетъ, и всю тысячу ухнешь. Это, братъ дѣло темное!...

— Долго ли до грѣха!... Ужли они насъ такъ задаромъ откармливать будутъ?

— То-то и есть!...

— Да, мудрено нонѣ стало жить на бѣломъ свѣтѣ! вздыхая, заключаютъ купцы, инстинктивно придерживая рукой свои карманы.

Въ числѣ такихъ народныхъ вожаковъ (число ж ихъ и имена, ты, Господи, вѣси!), появился въ нѣкоторое время нѣкій г. Спичевъ, человѣкъ чина н малаго, и началъ онъ, по примѣру своихъ предше

ственниковъ, задавать «Бурятскіе обѣды» и сыпать по два часа сряду словами. Какъ его слушали, что отвѣчали ему — неизвѣстно. Извѣстно, что купцы, волей или неволей, а на обѣды его являлись, вздыхали, охалили и повѣрите ли (прогрессъ-то каковъ!), нѣкоторые изъ молчаливыхъ, но умныхъ гражданъ, вслѣдствіе частыхъ обѣдовъ, сдѣлались отчаянными говорунами и поглупѣли. Теперь не рѣдкость видѣть токого купца, который вдругъ, во время домашняго обѣда, съ стаканомъ кислыхъ щей въ рукахъ, начинаетъ предъ своей женой ораторствовать о прогрессѣ!

— Къ примѣру, теперича, ежели чугунку пустить на Тюмень... Гыспада! чугунку слѣдоваетъ завсегда... Потому всякое государство которое, ежели съ прогрессой...

— Да замолчи ты Илья Ѳомичъ! какъ тебѣ не грѣхъ! замѣчаетъ жена: ѣлъ, ѣлъ, и лба не перекрестишь...

— Молчи! Раз-ра-жу! гнѣвно вскрикиваетъ ораторъ и продолжаетъ:—всякое государство, теперича, ежели .. Ну,—такъ будетъ говоритъ,—дороги наши плохи и сдѣлать надо чугунку, а потому выпьемъ за здоровье чугунки... Ур-ра!

— Замолчишъ-ли ты, Илья Ѳомичъ! видишь, чай, ребятишки перепугались, плачутъ...

— Молчатъ! не дыши! твое дѣло глупое...

Такъ преуспѣваетъ россійское купечество на пу-

ти прогресса, благодаря «Бурятскимъ обѣдамъ» и господину Спичеву.

А Спичевъ между тѣмъ продолжаетъ свое дѣло и, отъ словоизверженій въ Москвѣ, переселяется для этого въ Казань и т. д. и т. д. Наконецъ видимъ мы его въ одномъ уѣздномъ городишкѣ Царановѣ въ сообществѣ съ графомъ Тостовымъ. Пріѣхали они съ его сіятельствомъ и остановились у мѣстнаго вельможи Банкетова. Нужно сказать, что пріѣзду ихъ предшествовали нѣкоторыя предзнаменованія, какъ это бываетъ иногда передъ войной или передъ неурожайными годами. Какія были предзнаменованія, предшествовавшіе пріѣзду Спичева и Тостова, неизвѣстно; но только граждане города Царапова побросали всѣ свои занятія (они по большей части, сапожники) и бросились на пароходную пристань съ хлѣбомъ-солью. Градской голова, сидѣвшій въ это время въ своей швальнѣ, гдѣ занимался выкройкой опойковыхъ сапогъ, былъ насильно оторванъ отъ занятій и увлеченъ общимъ движеніемъ къ пароходной пристани. Второпяхъ и общей суматохѣ, граждане не замѣтили, что ихъ градской голова явился на пристань съ ножницами и опойкомъ и, не будь на пристани его маленькаго сынишки, онъ, представитель цараповскаго городскаго общества, поднесъ-бы г. Спичеву и графу Тостову вмѣсто хлѣба-соли, изрѣзанный кусокъ опойка и ножницы.

— Ахъ! въ ротъ-тѣ шило! Чуть было грѣха не случилось, вздыхали граждане, упрятывая ножницы и опоекъ за пазуху купцу. Купецъ совсѣмъ ошалѣлъ, онъ не зналъ, что ему дѣлать съ хлѣбомъ и солью, не зналъ что говорить куда глядѣть, да и все общество Цараповцевъ было въ такомъ же состояніи духа, только одинъ маленькій сынышка купца, указавшій ему на опоекъ и ножницы, не переставалъ хохотать, за что и получилъ отъ отца затрещину въ ухо. Пріѣхали наконецъ Спичевъ и Тостовъ; Цараповцы встрѣтили ихъ съ хлѣбомъ-солью и, какъ люди, не изощрившіеся въ слово изверженіи, не могли ничего сказать, кромѣ: «просимъ васъ ваше сіятельство, откушать,—опчество желаетъ васъ угостить».

Вотъ и пошли задавать другъ другу обѣды. То Банкетовъ задаетъ обѣдъ Спичеву, то Спичевъ Банкетову; а затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ графу Тостову, а графъ Тостовъ въ свою очередь дѣлаетъ обѣдъ; Цараповцы тоже не дремлютъ и, нашпигованные Банкетовымъ (онъ житель г. Царапова), не жалѣютъ денегъ на аршинныхъ стерлядей и заморскія вина. Много было выпито за этими безчисленными обѣдами винъ, много переловлено для нихъ рыбы изъ широкой рѣки, протекающей мимо Царапова, а еще болѣе было наговорено словъ, такъ что Цараповцы забыли и опойки и ножницы и всякіе сапоги и просто помѣшались отъ словоизверженій

Спичева. Онъ такъ ихъ прокалилъ своими рѣчами о желѣзной дорогѣ, что не только во время обѣдовъ, но и теперь по происшествіи многихъ лѣтъ, Цараповцы ни за что не могутъ приняться, ни о чемъ не могутъ говорить, какъ только о желѣзной дорогѣ. Прощайте опойки, сапоги и швальня! Все пошло прахомъ! Вынь да выложь желѣзную дорогу. Мастеровые пьянствуютъ, работа остановилась, по улицамъ цѣлые дни и ночи слышатся пѣсни, брань и драка. Градской голова уже не сидитъ въ швальнѣ за выкройкой сапогъ, а толкуетъ съ своими гражданами о новой желѣзной дорогѣ.

— Ты представь себѣ, братецъ мой, что сдѣлаетъ Спичевъ, онъ устроитъ изъ нашего Царапова желѣзную дорогу прямо по глухому мѣсту.

— Сможетъ-ли онъ только? Позволятъ-ли?

— Кто можетъ ему запретить? Онъ высшему начальству такіе резонты предоставитъ, что мое почтеніе.

— Онъ обѣщалъ намъ это дѣло обдѣлать и обдѣлаетъ. Не даромъ вѣдь насъ, Банкетовъ-то, навострилъ обѣды задавать, да хлѣбъ-соль выносить...

— Такъ обѣщалъ?..

— Обѣщалъ.

— Неужели только за одни обѣды и за хлѣбъ соль? спрашивали нѣкоторые изъ тупоумныхъ гражданъ.

— Гм.. Гм... Это дѣло, господа, послѣ разберется...

Купцы довольны успѣхомъ дѣла. Спичевъ же съ графомъ Тостовымъ и Банкетовымъ давно уѣхали изъ Царапова и катятъ себѣ по глухимъ мѣстамъ, болотамъ и городамъ въ г. Топазъ. Ѣдутъ они въ трехъ экипажахъ: въ двухъ сидятъ сами, а въ третьемъ за ними везутъ запасы провизіи и винъ. День ѣдутъ, покрикивая на ямщиковъ: «пашолъ, пашолъ», а вечеромъ и ночью отдыхаютъ, угощая другъ друга явствами и изощряясь въ словоизверженіи. Если попадается имъ на пути телеграфная станція, на которой принимаютъ депеши, они не пропускаютъ случая махнуть въ газету, дескать: «Изслѣдуемъ край, — удобствъ для желѣзной дороги много, сочувствіе общее, горы и болота изъ глазъ нашихъ пропадаютъ, а рѣкъ мы незамѣчаемъ, ибо послѣ продолжительныхъ словоизверженій ночью на станціи, — днемъ иногда засыпаемъ глубокимъ сномъ». Такъ они ѣхали, ѣхали и окончили свое изслѣдованіе. Наговорившись между собою всласть и изложивъ свои сладкія рѣчи на бумагу (бумага, какъ извѣстно, все терпитъ), изслѣдователи не замедлили извѣстить почтѣннѣйшую публику о своихъ трудахъ чрезъ газеты и за тѣмъ отправились въ обратный путь уже не по той глухой дорогѣ, гдѣ раньше ѣхали, а по другой, на городъ Пельмень. Граждане Пельменя не только не вышли съ хлѣбомъ солью, но даже и по просьбѣ гг. изслѣдователей въ квартиру ихъ не явились. Пришлось нѣкоторыхъ вызы-

вать чрезъ полиціймейстера, что и было исполнено, конечно, самымъ вѣжливымъ и деликатнымъ манеромъ. Нечего дѣлать, хочешь не хочешь, а иди, потому — начальство проситъ. Пошли Пельменскіе купцы и предстали предъ очи г. Спичева. Спичевъ, не смотря на свое галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе, не могъ удержаться, чтобы не упрекнуть Пельменскихъ купцовъ за ихъ невниманіе къ нему, общественному дѣятелю, къ нему, — народному вожаку и т. д. Пельменскіе купцы кланялись и слушали, а Спичевъ какъ пустилъ свою машину въ ходъ, такъ и пошолъ валять безъ удержу; часа два говорилъ и чего, чего онъ не наговорилъ. Я, говоритъ, сколько времени и денегъ истратилъ, желая принести русскому обществу пользу; я, говоритъ, сколько обѣдовъ въ Петербургѣ и Москвѣ дѣлалъ, для того, чтобы разобрать насколько возможно разностороннѣе вопросъ о желѣзной дорогѣ; я, говоритъ, былъ встрѣченъ въ Цараповѣ хлѣбомъ-солью, мнѣ дѣлали нѣсколько обѣдовъ и оказывали всякое уваженіе и почтеніе, а вы, граждане города Пельменя, и глазъ своихъ не хотѣли показать! Кто же оцѣнитъ теперь мои труды, когда вы такъ холодно относитесь къ великому дѣлу устройства желѣзной дороги! Кто-же мнѣ возвратитъ все то, что я потратилъ? Кто-же?

Граждане г. Пельменя слушали слушали и не могли надивиться: откуда чево берется!

Наконецъ ораторъ кончилъ. Купцы молчали.

— Что же вы мнѣ скажете? вопросилъ Спичевъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Объ этомъ мы не извѣстны...

— Да я-же вамъ говорю, что...

И опять пошла писать.

— Ну какъ же вы теперь думаете?

— Какъ будетъ угодно начальству...

— Ну а если бы я вамъ предложилъ, что я на вашъ городъ тоже бы указалъ въ своихъ изслѣдованіяхъ?

— Да на нашъ то городъ, извѣстно, ближе...

— Ну вотъ то-то и есть! воскликнулъ Спичевъ.

— Теперича, продолжали купцы, ежели на Топазъ вести дорогу изъ Царапова будетъ семьсотъ верстъ, а ежели черезъ нашъ городъ только пятьсотъ...

— Ну вотъ то-то и есть...

— И опять-же тамъ горы высокія, много болотъ, двѣ рѣки большія, ихъ не обойдемъ, а надо дорогіе мосты строить...

— Такъ, такъ, такъ... поддакивалъ Спичевъ.

Купцы выказали преимущество пути на ихъ городъ и замолчали.

— Отчего-же вы, господа, не явились ко мнѣ сами, если желаете, чтобы дорога шла на вашъ городъ?

— А потому, что это дѣло до насъ не касатель-

но. Вы сами, теперича, должны видѣть гдѣ лучше... Вѣдь вы изволили путь осматривать...

— О! да! да! Я осматривалъ. Я занимался ученымъ изслѣдованіемъ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, отвѣчалъ Спичевъ.

— А ежели вы занимались, такъ должны знать, который путь лучше и выгоднѣе, а намъ указывать вамъ нечево.

— Да-а! Указаній вашихъ я не прошу, запиняясь отвѣчалъ Спичевъ; но, принимая во вниманіе ваше желаніе... нужды края... наконецъ на покорныя просьбы... я-бы могъ...

Но ораторъ, не смотря на то, что былъ прокаленъ на сквозь рѣчами и спичами,—оробѣлъ, замѣтивъ суровые взгляды Пельменскихъ купцовъ. Купцы, видя, что имъ дѣлать больше нечего, раскланялись и ушли. А Спичевъ, по уходѣ ихъ, шваркнулъ о полъ стуломъ и долго бушевалъ, бѣгая по комнатѣ.

— Вотъ то невѣжи! Дураки! Для нихъ стараешься, для нихъ хлопочешь! О Русь! Русь! Долго еще тебѣ придется ждать желѣзныхъ дорогъ.

На другой день Спичевъ уѣхалъ на пароходѣ въ г. Цараповъ, гдѣ мы его и оставимъ въ обществѣ графа Тостова и помѣщика Банкетова. О дѣятельности Его Сіятельства, и о томъ участіи, какое онъ принимаетъ въ устройствѣ пути для желѣзной дороги, мы сказать ничего не можемъ, потому что,

къ благополучію графа, Спичевъ дѣйствуетъ самостоятельно, въ особенности при отношеніяхъ съ купцами. Господинъ же Банкстовъ, какъ видно, человѣкъ съ большимъ тактомъ, хорошо знаетъ человѣческое сердце и, въ силу этаго знанія, умѣлъ нашпиговать Цараповцевъ такъ, что они всѣ свои опойки побросали. Хвала вамъ изслѣдователи путей для желѣзной дороги! Память о васъ сохранится потомствомъ даже и въ такомъ случаѣ, если бы вы дѣйствительно старались только объ общей пользѣ, забывая свои личныя выгоды. Сохранится эта память потому, что, со временъ дѣдушки Крылова намъ очень памятна одна его басня начинающаяся слѣдующими словами:

«Хотя услуга намъ при жизни дорога,
Но за то не всякъ умѣетъ взяться;

Чѣмъ окончилось дѣятельность г. Спичева, — я думаю объяснять нечего: само собою разумѣется, что не каждый-же пустынникъ рѣшится вести дружбу съ медвѣдемъ...

СТРАШНЫЙ СЛУЧАЙ.

(Изъ воспоминаній моего дѣтства).

Осенью 185... года проѣзжалъ я чрезъ винокуренный заводъ въ Пермской губерніи, отстоящій отъ почтоваго тракта въ 20 или 25 верстахъ. Мнѣ нужно было видѣть одного изъ купцовъ, торгующихъ въ этомъ заводѣ. Я остановился въ его квартирѣ и такъ какъ онъ былъ гдѣ-то въ сосѣдней деревнѣ, то я и спѣшилъ ѣхать далѣе, отложивъ мое свиданіе съ нимъ до того времени, когда я буду возвращаться обратно изъ Перми.

— Такъ пожалуйста вы передайте ему, просилъ я хозяина квартиры,—что я буду чрезъ недѣлю, пусть онъ меня подождетъ и неуѣзжаетъ изъ завода.

— Хорошо скажемъ, отчего несказать, скажемъ, задумчиво отвѣчалъ хозяинъ: да вы-бы чаю попили что-ли, предложилъ онъ.

— Нѣтъ, тороплюсь—обратно заѣду, тогда ужъ попьемъ чаю, отвѣчалъ я усаживаясь въ простые

крестьянскія розвальни. Снѣжокъ только что выпалъ и послѣ трясучей ѣзды въ телегахъ, я чрезвычайно довольный зимнимъ путемъ, спокойно съѣздилъ въ Пермь и чрезъ недѣлю снова завернулъ въ заводъ; но купца, съ которымъ мнѣ нужно было увидаться, снова не было въ квартирѣ.

— Да онъ, значитъ, еще невозвращался, говорилъ хозяинъ:—вотъ вы хотѣли чай-то пить, тогда сказывали, — пѣйте да и ночуйте, завтра можетъ статься онъ и будетъ.

Сопровождавшій меня прикащикъ, молодой парень лѣтъ 19 какъ-то недовѣрчиво смотрѣлъ на хозяина и видимо чѣмъ-то былъ озабоченъ.

— Нѣтъ, говорилъ онъ: какой тутъ чай—ѣхать надо.

— Да ужъ безпремѣнно онъ долженъ быть завтра; ночуйте, право ночуйте, снова уговаривалъ хозяинъ.

Я посмотрѣлъ на прикащика и замѣтивъ въ его лицѣ недовѣріе къ хозяину, тоже сталъ спѣшить отъѣздомъ.

— Вотъ и ночь-то какая темная да страшная, надо полагать снѣгъ опять повалитъ, толковалъ хозяинъ:—дорога здѣсь плохая, ночуйте лучше; ѣхать надо лѣсомъ, неровенъ тоже случай...

— Отстань ты пожалуйста, перебилъ мой прикащикъ—тебѣ говорятъ ѣхать надо, вели лошадей запрягать, а не хочешь—пойду найму другова.

— Нѣтъ пошто другова—сейчасъ велю запречь ..

А изба у насъ теплая, хорошая, рябятенковъ нѣту, спокойно-бы выспались, снова началъ было хозяинъ; но прикащикъ мой вышелъ изъ себя: запрягай что-ли, закричалъ онъ, а то сейчасъ пойду и найму другова,—что ты присталъ съ ночевкой-то къ намъ!

— Сейчасъ, сейчасъ скажу, запрягутъ ребята, недовольнымъ голосомъ проворчалъ хозяинъ и ушелъ.

По уходѣ его мы съ Дмитріемъ (такъ звали прикащика), глубоко вздохнули. Намъ обоимъ было какъ-то особенно грустно, какое-то тяжелое, камнемъ давящее, чувство томило насъ, какое-то необъяснимое, ничѣмъ не оправдываемое ожиданіе опасности, представлялось впереди.

— Нѣтъ ужъ лучше уѣдемъ, Богъ съ нимъ и с[ъ] его ночлегомъ—онъ какой-то страшный, думалъ я:— говоритъ, а самъ все въ полъ смотритъ... Что нибудь не доброе у него на умѣ.

Прошло съ полчаса, а лошади не были еще запряжены.

Дмитрій нѣсколько разъ выходилъ во дворъ, кричалъ хозяина, бранился съ нимъ и торопилъ запрягать лошадей. Хозяинъ крестился и божился, что сейчасъ запрягутъ «хомутаютъ, право ей-Богу хомутаютъ» увѣрялъ онъ и Богъ знаетъ зачѣмъ заходилъ опять въ избу, какъ будьто что-то отыскивая. Мучительно прошелъ цѣлый часъ, но наконец[ъ] мы выѣхали, отпущенные недовольнымъ хозяиномъ. Ночь дѣйствительно была темная. Только что м[ы]

миновали послѣднія избушки заводскихъ крестьянъ, какъ начался лѣсъ, дремучій сосновый лѣсъ; узенькая, едва возможная для проѣзда дорога извивалась зигзагами сквозь чащу лѣса. Въѣхали мы въ эту дорожку и темная ночь казалась еще темнѣй. Высокія деревья, казались какими-то страшными великанами; нами еще болѣе началъ овладѣвать какой-то непонятный страхъ и ожиданія чего-то ужаснаго. Кони едва-едва перебирая ногами, везли легкую зимнюю повозку; ямщикъ нехотя шевелилъ возжами и безпрестанно оглядывался на всѣ стороны.

— Да что ты ѣдешь не ѣдешь, поѣзжай что-ли скорѣе, попросилъ я.

— Успѣемъ еще. Куда больно торопишься? Не горячись—простынешь, сердито отвѣчалъ ямщикъ. Вмѣсто того, что-бы ѣхать поскорѣе, онъ остановился и пошелъ къ коренной лошади, поправлять дугу.

— Что ты тамъ дѣлаешь? спрашивали мы.

— Дѣлаю то чево надо—видишь—дуга... поправить надо, отвѣчалъ онъ сквозь зубы.

Дмитрій нашелъ лучшимъ сѣсть рядомъ съ ямщикомъ на козлахъ и взялъ себѣ въ руки кнутъ. Ямщикъ постоялъ еще съ минуту около коренной, посмотрѣлъ по сторонамъ и возвратился къ козламъ.

— Ты зачѣмъ кнутъ взялъ, спросилъ онъ грубо у Дмитрія.

— Ну, ну садись! а то мы и безъ тебя уѣдемъ.

Ямщикъ быстро вскочилъ на козлы и поѣхалъ крупной рысью. Отводы саней, изрѣдка задѣвали за деревья и бросали сани, то въ ту, то въ другую сторону. Вдругъ онъ повернулъ лошадей влѣво, пристяжная захлестнулась за дерево, сани отъ сильнаго толчка, стали поперегъ дороги и страшный крикъ «Стой!» какъ громомъ ударилъ въ мою голову.

На насъ напали разбойники.

Страшнѣе и ужаснѣе этого момента я немогу ничего себѣ представить. Это грубое, страшное: стой глухо раздавшееся въ темномъ лѣсу, сдвинуло, какъ будьто, сердце съ его мѣста и перевернуло нѣсколько разъ, обливая его горячей кровью. Совершенно безпомощное положеніе, темная ночь, многочисленность напавшихъ, съ разу представилось мнѣ и не пошевелившись замѣръ на томъ самомъ мѣстѣ на которомъ меня засталъ первый крикъ: стой Дмитрій кричалъ: караулъ! и не милосердно хлесталъ кнутомъ по лошадямъ, которыхъ держали нѣсколько человѣкъ.

— Караулъ! батюшки! грабятъ! караулъ! раздавался его отчаянный крикъ и замеръ въ глуши лѣса.

Ямщикъ при самомъ нападеніи бросилъ возжи и скрылся, въ чащѣ лѣса, какъ будто неучаствующій въ дѣлѣ.

— Караулъ! раздался еще отчаянный крикъ Дмитрія и все стихло.

Ударъ молоткомъ по головѣ сшибъ его съ ко-элъ и еще нѣсколько ударовъ рычагомъ свалили о съ ногъ; но пользуясь темнотой, онъ какъ-то ıастливо успѣлъ ползкомъ убраться въ чащу лѣса напавшіе разбойники, потеряли его изъ виду. Я идѣлъ безъ движенія, прижавшись въ уголъ повоз-и и не зналъ на что мнѣ рѣшиться. Выскочить? ѣжать? Промелькнуло въ головѣ, — а подъ ударъ опадешь? Остаться—убьютъ; оружія никакого нѣтъ, а если бы и было, то совершенно растерявшись то могъ я, пятнадцати-лѣтній мальчикъ, сдѣлать динъ противъ шестерыхъ?

Нѣсколько минутъ продолжалось мучительное ожи-аніе рѣшенія моей участи. Я слышалъ только ка-ой-то споръ происходившій вокругъ моей повозки, о ничего не понималъ. Вдругъ раздался сильный даръ по кибиткѣ, и грубый крикъ: «Вылѣзай!» за-тавилъ меня отчнуться отъ страшнаго забытья.

— Батюшки! Родимые! не бѣйте, закричалъ я,— озьмите все что есть, ради Христа, не убивайте иеня!

Съ одной стороны повозки, какой-то высокій па-ень съ рычагомъ въ рукахъ лѣзъ внутрь повозки, тараясь ударить меня,—я съ ужасомъ жался въ голъ и просилъ пощады; съ другой стороны, ка-ой-то старикъ хриплымъ голосомъ кричалъ: «давай деньги, давай деньги». Въ рукахъ его былъ топоръ, оторымъ онъ махалъ въ разные стороны.

— Возьмите, батюшки, голубчики, родные! Все возьмите. Ни кому не не скажу... Богомъ, Христомъ клянусь, только не убивайте... ревѣлъ я, защищаясь отъ ударовъ Вотъ вамъ шкатулка, вотъ часы, шуба...

— Врешь! это не все... давай еще деньги, кричалъ высокій мужикъ и снова ударилъ рычагомъ внутрь повозки.

— Давай шкатулку, давай скорѣе, кричалъ съ другой стороны хриплымъ голосомъ старикъ.

— Батюшка! Голубчикъ! берите, берите все только не убивайте, только пустите меня Христа ради

Вѣроятно что нибудь испугало разбойниковъ, потому что они, схвативъ шкатулку, вдругъ меня оставили и торопливо кинувъ мнѣ возжи на козлы, съ страшною бранью дали нѣсколько ударовъ молотилями и рычагами по лошадямъ. Прозябшіе кони бросились по лѣсу, я едва живой отъ страха съ трудомъ держалъ возжи въ рукахъ—меня трясла лихорадка. Гдѣ я ѣду, куда бѣгутъ кони по лѣсу, гдѣ окончаніе этого страшнаго лѣса—мнѣ и въ голову не приходило, удары отводовъ саней о деревья, бросали повозку въ разныя стороны, я необращалъ на это никакого вниманія, я былъ радъ что кони бѣгутъ и слѣдовательно увозятъ меня отъ страшнаго мѣста. Несмотря на быстрый бѣгъ коней я еще болѣе понуждалъ ихъ бѣжать, дергая возжами и изрѣдка оглядывался назадъ, опасаясь погони за мной.

Промелькнула какая-то поляна, потомъ какая-то избушка въ лѣсу—въ воображеніи явился страшный разбойничій притонъ, я гналъ торопливо коней усиленно дергая возжами, но вотъ кони побѣжали тише, тише, удары отводовъ стали раздаваться рѣже и повозка остановилась на мѣстѣ. Испуганный, трясущійся отъ страха, я едва вылѣзъ изъ повозки и осмотрѣлся:—кругомъ лѣсъ, кони стоятъ въ сугробѣ, впереди озеро—я сбился съ дороги.

Первая мысль была что по слѣдамъ повозки, по звуку едва брянчавшаго колокольчика меня могутъ отыскать и убить. Я торопливо вышелъ изъ повозки, подошелъ къ коренной лошади, заворотилъ ее за узду обратно и пустилъ назадъ, не думая о томъ что въ повозкѣ оставалось мое имѣніе, какъ то: чемоданъ и проч. Кони поплелись тихонько обратно, по тому же слѣду, по которому бѣжали впередъ, а я бѣгомъ пустился по озеру, перебѣжалъ его, увидѣлъ впереди большой кустъ около стараго пчельника, спрятался подъ нимъ и—притаилъ дыханіе. Звукъ колокольчика отъ удалявшихъ съ повозкой лошадей, едва, едва долеталъ до моего слуха и наконецъ со всѣмъ замолкъ. Я несмѣлъ кашлянуть, несмѣлъ пошевелиться и напрягалъ свой слухъ что бы въ случаѣ нападенія, спастись бѣгствомъ въ другое, болѣе безопасное мѣсто. Мнѣ все казалось что я недостаточно укрытъ, что меня видно совсѣхъ сторонъ, тогда какъ я самъ, ничего впереди себя

*

невидѣлъ. Меня мучила воображаемая опасность моего положенія и страшная, лихорадочная дрожь неоставляла меня. Каждое дуновеніе вѣтерка, едва шевелившаго уцѣлѣвшій отъ осени листокъ, мнѣ казалось приближеніемъ возвращающихся разбойниковъ. Кромѣ этого страхъ увеличивался при мысли о медвѣдѣ, не успѣвшемъ еще улечься на зиму въ берлогу; о волкѣ вѣчно рыкающемъ по лѣсу, о лисѣ падкой на лакомый кусочекъ... Что я съ ними сдѣлаю? чѣмъ буду защищаться? придутъ и будутъ ѣсть меня. А лѣшій? Этотъ могучій страшный царь дремучихъ лѣсовъ, ростъ котораго, выше самаго большаго дерева! Придетъ онъ ко мнѣ и схватитъ меня двумя пальцами, чтобъ унести въ свое лѣсное жилищѣ. Мнѣ казалось что вотъ-вотъ онъ идетъ, слышались страшные шаги, я закрывалъ глаза, сердце, какъ будто, переставало совсѣмъ биться, я крѣпче обхватывалъ руками холодный стволъ куста и замиралъ отъ страха.

Въ такомъ положеніи съ десяти часовъ вечера я промучился до утра. Съ полночи начали раздаваться въ лѣсу крики, гайканье и топотъ коней, что конечно еще болѣе увеличивало мой страхъ. Боже мой! Я удивляюсь теперь, какъ только могъ и пережить эту страшную мучительную ночь?! Крики неумолкали до самого разсвѣта и порой они раздавались очень ясно. Предъ разсвѣтомъ я увидѣлъ въ лѣсу фонарь и человѣка проскакавшаго верхомъ на

лошади, не вдалекѣ отъ меня. Мнѣ и въ голову неприходило что начались уже розыски и голоса раздававшіяся въ лѣсу принадлежатъ крестьянамъ, отъискивавшимъ меня. Съ той минуты какъ раздалось первое «стой!» я въ каждомъ кустѣ видѣлъ разбойника, въ каждомъ звукѣ подозрѣвалъ погоню и до совершеннаго наступленія дня не шевелился съ мѣста боясь быть открытымъ.

Разсвѣло. Я пошевелился, попробовалъ подняться, но ноги мои отказывались служить—они закоченѣли отъ холода. Я поползъ и, пробираясь около деревьевъ, старался отъискать какую-нибудь тропинку. Вижу, не вдалекѣ ѣдетъ мужикъ на дровняхъ, я закричалъ; мужикъ долго озирался по сторонамъ и увидавъ меня подъѣхалъ.

— А тебя, братъ, ищутъ всю ночь, гамъ такой подняли по лѣсу, ровно лѣшій... Что, озябъ, чай? Испужался поди больно, а? Кто это тебя? Эка бѣдняга ты, братъ... Страху-то чай, страху — бѣда! Озябъ? который годокъ-то? Сердешной.... холодно чай? безсвязно спрашивалъ мужикъ, осматривая меня съ головы до ногъ:—ну, залѣзай, залѣзай плотнѣе, проговорилъ онъ, подвигаясь къ передку и поправляя топоръ, висѣвшій за кушакомъ.

— У тебя зачѣмъ топоръ за кушакомъ-то? боязливо спрашивалъ я, не рѣшаясь залѣзть въ сани.

— Не бойся, не трону... Что ты, Христосъ съ тобой! Я вѣдь за дровами поѣхалъ, ну и топоръ,

значитъ, взялъ—залѣзай знай, небойсь... Что ты.. Ишь какъ напужали... Озябъ чай, опять спросилъ онъ.

— Озябъ, отвѣчалъ я:—а далеко-ли деревня-то?

— Тутъ и есть, близехонько, небойсь, согрѣешься, отвѣчалъ мужикъ и началъ дергать свою рыжую лошаденку.

— Какъ же вы узнали, что меня ограбили, кто вамъ сказалъ? спрашивалъ я.

— Парень твой пришолъ ночью, перепужалъ. Оретъ, это, во всю глотку оретъ, — мужики босикомъ выбѣжали.

— А развѣ его не убили?

— Нѣтъ, пошто? Живой такъ мало мало голову повредили, верхушку-то, надо полагать. Завязали теперь ему голову-то... Губа тоже видно тово... да рука, значитъ не дѣвствуетъ... Эка, паря, напасть кака! Теперя начальство понаѣдетъ, держись, значитъ, только, говорилъ мужикъ и глубоко вздохнувъ принялся дергать возжами.

Мы въѣхали въ деревню. Собаки залились дружнымъ лаемъ и бѣжали за нашими санями. Мужикъ привезъ меня въ домъ, гдѣ лежалъ мой приканщикъ. На дворѣ стояли, тѣснясь въ кучку, бабы. Холодное, ясное ут розаставляло ихъ переминаться съ ноги на ногу и прятать подъ мышки руки. Любопытство брало верхъ надъ морозомъ.

— Максимъ! а Максимъ! спрашивали они моего возницу:—ты гдѣ его нашолъ?

— Чего нашолъ—онъ самъ выползъ, инда испужалъ меня, реветъ это, а я смотрю, не вижу—эка напасть, думаю, а онъ ползетъ — вотъ и привезъ, отвѣчалъ мужикъ, похлопывая рукавицами.

Меня внесли въ избу. Увидавшись съ Дмитріемъ, мы оба заплакали, это были слезы радости за спасеніе жизни. Часа чрезъ два или три, отогрѣвшись на печи и вытеревъ ноги водкой, я поѣхалъ къ становому для подачи объявленія, а Дмитрія оставилъ въ деревнѣ до выздоровленія.

Во время нападенія я забылъ совершенно, что у меня въ карманѣ были деньги до двадцати пяти рублей, отложенные на дорожные расходы, и эта сумма, уцѣлѣвшая отъ грабежа, мнѣ очень пригодилась. Я въ тотъ же день отправилъ нарочнаго въ ближайшій городъ С., въ которомъ жила моя старшая сестра, съ печальнымъ извѣстіемъ, что меня ограбили и отняли шкатулку съ деньгами.

Пріѣхали въ станъ. Становой еще спалъ и пришлось дожидаться, когда онъ проснется. Въ канцеляріи писарь долго, шопотомъ разговаривалъ съ привезшимъ меня мужикомъ и заключилъ тѣмъ, что будить становаго нельзя. Подождали съ часъ. Становой въ халатѣ, съ трубкой въ зубахъ и заспанными глазами вошелъ въ канцелярію и сѣлъ на стулъ.

— Что тамъ такое случилось? лѣниво спросилъ онъ мужика, пуская изо рта дымъ.

— Да вотъ, вашескоблагородіе, говорилъ мужикъ, стоя у дверей съ шапкой въ рукахъ, это молодца привезъ—сегодня, значитъ ночью его ограбили.

Становой вскочилъ со стула.

— Что за чертовщина! сказалъ онъ, недовѣрчиво осматривая меня своимъ начальническимъ взглядомъ: —Кто ты такой? спросилъ онъ, принимаясь сосать трубку.

Я сказалъ.

— Какой такъ чортъ тебя ограбилъ? промоталъ чай гдѣ нибудь деньги, либо въ карты продулъ, да и врешь теперь, а? Сознайся лучше, чѣмъ утруждать начальство.

— Помилуйте, говорю, въ деревнѣ всѣ знаютъ.

— Оно точно, вашескоблагородіе, паренекъ еще маленькой, ребенокъ почитай, ограбили, это точно такъ, вѣрно, значитъ, поддержалъ меня мужикъ, повертывая въ рукахъ шапку и робко взглядывая на становаго.

— Болванъ! чево ты знаешь, крикнулъ станавой на мужика: — писарь! запиши показаніе, распорядился становой вставая со стула и ушелъ въ другую комнату.

Я сталъ разсказывать подробности грабежа. Писарь, наклонивъ голову на бокъ, чертилъ перомъ по бумагѣ, изрѣдка переспрашивая меня и снова принимаясь писать. Чрезъ нѣсколько времени опять

вошелъ становой и, прочитавъ показаніе, велѣлъ написать въ городъ увѣдомленіе къ исправнику.

Слѣдствіе началось. Изъ города выѣхала особая коммиссія и въ теченіе двухъ недѣль дѣло было открыто настолько, что отыскали до двухъ тысячъ денегъ и остатки желѣза отъ сожженной съ векселями шкатулки. Въ подпольѣ того дома, гдѣ я останавливался, открыли вырытую, какъ разъ для двоихъ, яму, назначенную для того, чтобы мнѣ съ прикащикомъ дать вѣчный покой, еслибъ я остался ночевать. Меня перевезли въ заводъ, въ домъ управляющаго, во флигелѣ котораго производилось слѣдствіе. Однажды раннимъ зимнимъ утромъ, сынъ управляющаго, молодой человѣкъ, отправился гулять и проходя съ пруда домой, услыхалъ впереди себя разговоры двухъ бабъ, идущихъ съ проруби съ ведрами.

— Попуталъ и моего-то Богъ, пищала одна, — тѣмъ вечеромъ, когда купецъ-то на заводъ пріѣхалъ, говорила я своему-то—не ѣзди, не ѣзди; а Филька-то стоитъ это, около заплоту-то уговариваетъ: не присталета, говоритъ, не топора съ ними нѣту, самъ, говоритъ, обшарилъ всѣ сани... о, хо, хо!

— И-и, родная! отвѣчала другая,— чево-то станется? Вѣдь и мой-то Оська, съ пьяныхъ глазъ, туда-же поганой, вотъ теперя и разбирайся.

Сынъ управляющаго перегналъ ихъ и объявилъ о слышанномъ коммиссіи. Бабъ, съ ведрами же, при-

вели въ присутствіе и дѣло объяснилось: бабы разсказали все, что только знали. Посадили ихъ въ разныя комнаты, впредь до объясненія дѣла.

— Ну старикъ,—говорилъ маститый сѣдовласый исправникъ, одному изъ участвовавшихъ въ грабежѣ: —вотъ жена твоя показала, что ты виноватъ въ этомъ дѣлѣ. Покайся братъ, вѣдь тебѣ уже за 50 лѣтъ. Вспомни смертный часъ, а чистосердечное раскаяніе уменьшаетъ наказаніе.

Старикъ постоялъ, помолчалъ, грустно какъ-то улыбнулся и принялся класть земные поклоны. Положивъ три поклона, онъ еще разъ перекрестился и началъ глухимъ голосомъ:

— Не томите, господа начальство, христіанскія души, засажено теперь за нашъ, значитъ, вольный грѣхъ, народу человѣкъ сорокъ, отпустите ихъ теперь на волю вольную, неповинны они, выходитъ, ни душой, ни тѣломъ. Грѣхъ нашъ, до насъ пришолъ, мы за него и отвѣтъ должны Господу отдать. Старикъ какъ-то торжественно проговорилъ послѣднія слова и потомъ шопотомъ добавилъ: оставьте только Оську, Фильку, Ваську и Демьяшку съ Афонькой.

— Ну, разсказывай же, какъ это дѣло у васъ было? спрашивали присутствовавшіе!

— А вотъ, господа слѣдователи, въ тотъ, значитъ, самый день, какъ купецъ этотъ пріѣхалъ на заводъ и остановился у Фильки, Филька насъ оповѣстилъ, чтобы мы ѣхали въ лѣсъ, добыча, гово-

итъ, добрая будетъ, оба, говоритъ, ребята и ору-
ія, значитъ, съ ними никакова нѣту. Такъ
го все и случилось въ одинъ вечеръ, порѣшили мы
хъ, значитъ, уложить въ этомъ лѣсу, да какъ-то
динъ изъ нихъ убѣжалъ, ну, мы и побоялись....
акъ Господь Царь Небесный отвелъ отъ грѣха,
е пролили, значитъ, христіанской крови.

— Ну, а зачѣмъ же яма вырыта въ избѣ у
ильки?

— А надо полагать онъ ихъ ночевать уговари-
алъ и одинъ видно хотѣлъ управиться, — жадной
ортъ! Вотъ и теперь раздѣлилъ деньги не поровну:
ебѣ взялъ цѣлую тысячу, а намъ остатки отдалъ,
ы ихъ попрятали кто въ ригѣ, кто въ сараѣ, а
умаги пожгли, говорилъ вздыхая старикъ.

Чрезъ часъ сознались всѣ, кромѣ Фильки. Этотъ
илька уперся на томъ, что знать ничего не знаетъ,
ѣдать не вѣдаетъ.

— Да вотъ послушай, уговаривалъ исправникъ,
—противъ тебя они всѣ показываютъ и говорятъ,
то ты есть главный коноводъ этого дѣла.

— Мало ли что, ваше благородіе, они врутъ, они
азбойники, уголовные преступники, а развѣ уго-
овнымъ преступникамъ можно вѣрить. У меня
авно съ ними, съ мошенниками, ладовъ нѣтъ —
ни всѣ на меня, за мою правоту, по злобѣ гово-
ятъ.

— Ну, а какъ же теперь у тебя въ подпольѣ

яму открыли, хворостомъ заваленую, это для чего же ты вырылъ? спрашивалъ исправникъ.

— Для картофелю, ваше благородіе, на зиму картофель класть, спокойно отвѣчалъ Филька.

Такъ ничего съ нимъ и не сдѣлали. Деньги, тысячу рублей, не отыскали и чрезъ четыре года дѣло окончилось тѣмъ, что сознавшихся наказали плетьми и сослали въ каторжную работу, а Филька остался себѣ дома и числится *въ подозрѣніи.*

СТАРЫЕ ГОДЫ.

(Изъ воспоминаній моего дѣтства).

Сидитъ бывало, бабушка Парасковья, за своей вѣчной прялкой, въ особой отданной ей въ распоряженіе комнаткѣ. Всѣ стѣны этой комнатки, завѣшаны у ней образами, лампадами, душеспасительными картинками, видами монастырей и портретами духовныхъ лицъ, начиная съ патріарховъ до простыхъ монаховъ. На стѣнѣ ведущей къ двери, въ сторонѣ отъ другихъ, висѣлъ написанный масляными красками поясной портретъ, толстаго священника, по щекамъ котораго былъ пущенъ отчаянный румянецъ. Бабушка его, какъ будто, за полноту и румянецъ повѣсила къ сторонкѣ, пониже другихъ, блѣдныхъ и тощихъ лицъ; дескать, тебѣ тутъ не мѣсто, отецъ Максимъ, — ишь ты вѣдь какой гладкой, да и расной—виси вотъ тутъ въ сторонкѣ. На деревянномъ, не крашеномъ стулѣ, всегда стоялъ маленькій горшочекъ, съ растопленными огарками свѣчъ и въ

срединѣ его, тоненькая лучина, замѣняющая свѣтильну. Заберусь бывало я къ ней въ комнату слушаю длинные разсказы, о жизни въ стары годы.

— Вотъ гдѣ теперь отецъ-отъ вашъ,—разсказывала бабушка,—выстроилъ хоромины свои большущіе, тутъ въ прежніи годы, стоялъ деревянный домикъ въ пять окошечекъ, въ немъ-то мы и жил со старикомъ Захаромъ Кирилычемъ, вашимъ дѣдушкой. Торговалъ онъ шляпами и сапогами, а была взята изъ Битковъ отъ отца Петра, тятинька-то мой въ Биткахъ-то былъ попомъ. Такъ-тос добры мои! Не простова я роду-ту, — духовнаго. Въ тѣ поры, бывало, помню, въ Покровъ-то снѣгъ большущій покрывалъ землю-ту матушку рѣка наша широкая замерзала... Мы еще въ гост бывало въ тѣ поры съ мужемъ-то, къ тятеньк отцу Петру, на праздникъ, пиво пить, ѣздили; теперь вотъ ужъ и Рождественской постъ къ пол винѣ началъ подходить, а только, только снѣжку-то еще Богъ даетъ. Такъ-тося. Время-то перемѣ чиво, о-охо-хо!.. Нажили мы пять сыновъ и дв дочери и сама-то я ихъ всѣхъ вскормила и восп тала. Повитушекъ бабушекъ не знала, какъ вот теперь водится, а пойду бывало въ баню, натаска воды, дровъ принесу, баню истоплю, рожу, вымо и домой приду, а тамъ, глядишь, работа ждетъ хозяйству. Пеленокъ-то этихъ розныхъ неводилос

я клала ребенка на кожу, замарается — вытру, да и опять ладно. Вотъ какъ, добры, мы жили-то. Выростила я робятъ и пережинили мы ихъ, со старикомъ-ту,—только вотъ младшій-то, холостой былъ, послѣ ужъ дѣдушки женился-то. И всѣ они съ жонами, жили въ томъ-же домикѣ. Дѣти съ отцомъ ѣздили по базарамъ торговать, а мы съ невѣстками заправляли хозяйствомъ, стряпали, стирали и шили имъ рубахи. Дочекъ я повыдавала замужъ... Незнаю вотъ, чево-то у меня Таня, бѣдная: пьетъ, сказываютъ, сильно мужъ-то, да и бьетъ-же ее... о-хо-хо! вздыхала бабушка зѣвая.

— Потомъ, Захаръ-отъ Кирилычъ, дѣдушко-то вашъ, захворалъ, у него, вишь ты, червякъ какой-то въ ногѣ сидѣлъ; я и лечила-то его сама, все прикладывала воску съ канфарой—помогло,—вонища-же была на всю избу, страсть какая! Разъ онъ лежалъ на печкѣ охалъ, праздникъ зимняго Миколы, въ тѣ поры, былъ. Я и говорю ему, какъ-же молъ Захаръ Кирилычъ, нужно бы въ церковь сходить, свѣчку поставить, батюшкѣ зимнему Миколѣ. Ну, говоритъ, тебя совсѣмъ, лишные, говоритъ, только деньги бросать, а потомъ, говоритъ: на, возьми — опомнился значитъ... Что же, мои добры, съ нами случилось-то? Захаръ-отъ Кирилычъ, дѣдушко-то вашъ, всегда вечеромъ читалъ акафистъ батюшкѣ нашему Миколаю угоднику и всегда у насъ въ тѣ поры благоуханіе было, по избѣ-то и видно было,

быдто дымокъ какой, изъ-за образа-то выходитъ; а тутъ, значитъ, послѣ этаго самаго слова, не стало дымочку и благоуханія не стало! Прогнѣвали мы, выходитъ, его батюшку нашева зимнява Миколу. Вѣдь это самая икона у насъ чудотворная, она по-раздѣлу-то досталась брату Захара-то Кирилыча, Василью. Жалко намъ было ее, ну да и то сказать, серебрена риза тоже на ней, — какъ ни на есть. Ну да чево станешь дѣлать-то? Досталась! Отдали это мы ее, отдали, только недѣли этакъ три-четырѣ прошло, — бѣжитъ это Василій-то Кирилычъ, братъ-отъ дѣдушкинъ, возьмите говоритъ образъ-отъ, Богъ съ вами, мнѣ, говоритъ, его не надо. А самъ дрожмя дрожитъ. Чево это тако, съ тобой случилось? спрашиваемъ ево—Христосъ съ тобой! Нѣтъ, нѣтъ, говоритъ, возьмите, возьмите, ничево, гово-воритъ, неслучилось, а мнѣ говоритъ, ненадо, — возьмите. Мы и взяли его батюшку. Только поставили, значитъ, въ переднiй-то уголъ, какъ слѣдственно, а онъ ночью-то, быдто изъ ружья, хлопъ да хлопъ! Что за чудо, за такое! Вотъ тутъ то мы только и догадались, что чево-то у нихъ не даромъ, не спроста, значитъ, они отдали ево батюшку Миколая угодника! а они слышь ты, съ большова то ума, поставили подъ икону-то лоханку; онъ какъ то батюшка сорвался съ гвоздочка та, сорвался, да и угоди въ лохань. Попа то они не позвали, да такъ опять и повѣсили. Прогнѣвался Миколай угодникъ

и давай батюшка стрѣлять... Такъ-то други добры. А мы опосля, какъ только освятили, какъ рукой сняло и стрѣлять пересталъ — унялся батюшка! и старушка набожно крестилась.

— Гурьяновна добра! говорила она обращаясь къ ветхой старухѣ кухаркѣ, поправь-ко свѣтильну-го, чево-то плохо вижу, да и глаза-то у меня ужь не тѣ стали, вотъ теперя только однимъ глазкомъ и вижу, а другой-то ужь что-то невидитъ, охо-хо! старость наша нерадость, не красны дни... Такъ-то-ся добры!

— Ну бабонька разскажи какъ вы жили то? приставалъ я съ разспросами.

— Да со всячиной тоже, доброй, жили со всячиной. Вѣкъ пережить не поле перейти. Старикъ у меня былъ сурьезной. Бывало, разсердится, молчитъ, только ходитъ нахмуренный, да дверями хлопаетъ, по недѣлѣ вотъ такъ-то мучитъ. Плачу, плачу, прошу его: да скажи ты хоть Христа ради, за чево сердишься-то... Строгой же былъ, нечего сказать, строгой, только не кричалъ такъ, какъ вотъ другіе мужья, есть вѣдь тоже между ними драластые; мой-то и не дрался никогда, дѣтей-то, правда училъ. Разъ, помню, взялъ онъ одного, котораго-то, не припомню ужъ котораго, привязалъ къ оглоблѣ, да и ну гужомъ возить... за дѣло же видно: парень-то, вишь ты, загулялся гдѣ-то больно, да и пришелъ поздно, а ужъ мы поужинали.

Дѣдушко ничего ему и не сказалъ, а по утру слышу это я изъ избы-то, ревѣтъ парень во дворѣ. Посмотрѣла. Ахъ-ты, матушка! Онъ его гужомъ-ту, да поспинѣ-то!.. Вотъ какъ старики-то дѣлали. Дѣдушко-то рѣдко билъ, — ну да мѣтко-же, добавляла, улыбаясь, старушка и начинала опять свою пряжу. Попрядетъ немного и опять начнетъ, какъ будто что припомнитъ.

— Грамотѣ-то всѣ они, дѣти-то мои учились у дьячка Пахомыча, умеръ ужъ теперь; только вотъ послѣдыша-то, я сама учила азбукѣ. Да я вѣдь только одну азбуку-то и знаю. Онъ и теперь говоритъ: меня, говоритъ, не учена мать учила. И при этихъ словахъ бабушка весело смѣялась.

— Умница онъ у меня былъ, часто хворалъ только. На печкѣ все бывало лежитъ по недѣлѣ, горшки ему на брюхо все я ставила. А въ церковь, даромъ что больной, ходилъ часто, съ палочкой, бывало, тихохонько плетется. Разъ отецъ Максимъ говоритъ, въ попы его, говоритъ, вашего-то сынишку можно: дьякона, говоритъ, у меня учитъ... хе хе! улыбалась бабушка и помолчавъ нѣсколько времени, снова продолжала разсказывать.

— Дьяконъ-то, вишь ты, ошибся, надо бы: «о принесенныхъ честныхъ дарахъ», а онъ «о принесенныхъ и освященныхъ». Вотъ сынишка-то мой и замѣтилъ, да отцу Максиму—такъ и такъ молъ, не вѣрно, дескать. Вотъ онъ какой, послѣдышъ-то

меня былъ. Да и дома-то все обѣдни въ банѣ служилъ: возьметъ это большущую палку, быдто вмѣсто свѣчки, какъ дьяконъ, и ходитъ, ходитъ по банѣ-то, поетъ, хорошо таково поетъ... Я все, грѣшница, думала, вотъ хоть одинъ сынокъ у меня молитвенникомъ будетъ Господу Богу, въ монастырь уйдетъ. Все со мной въ Кіевъ просился, я пѣшкомъ-то когда ходила. Устанешь, говорю, куда тебѣ, вѣдь далеко, далеко; нѣтъ, говоритъ, не устану, а самъ плачетъ. Ну, да Захаръ-отъ Кирилычъ не велѣлъ... Теперь вонъ, смотри-ко ты, своихъ дѣтей нажилъ сколько—вотъ она воля-то Божья.

— Ну какъ же, бабушка, ты говоришь шляпами да сапогами торговали, а теперь вотъ ситцы да платки въ лавкѣ у насъ, спрашивалъ я.

— Да, дитятко, это еще при дѣдушкѣ перемѣнили торговлю-то и все это большакъ-отъ, старшой сынъ выдумалъ... Ну и было же ему горя-то. Старикъ-отъ, вишь, не хотѣлъ, а онъ все пристаетъ: выгодно, говоритъ, больно выгодно будетъ. Ну и купили краснова товару—въ Казань ѣздили, а Казань-то отъ насъ, шутка дѣло, два ста верстъ; пиво, помню, варили, да плакали, провожали въ Казань-ту. Ну, вотъ и привезли товару краснаго, чаю мѣшокъ, фунтовъ никакъ въ пятнадцать; да чево-то дѣдушкѣ-то и не понравилось перва-на-перво-то... Разсердился старикъ, больно разсердился... Много, много было тоже горя-то въ тѣ поры.

*

Зѣвнетъ, бывало, бабушка Парасковья, перекреститъ свой ротъ три раза, поплюетъ на пальцы и примется за свое веретено.

— Бабушка, ты зачѣмъ это ротъ крестишь? спрашивалъ я.

— Что ты, дитятко, Христосъ съ тобой! А нечистая-то сила?... И-и, доброй! Мотри всегда крести ротъ, какъ зѣвота тебя возьметъ. А то вотъ еще, за хлѣбомъ не говори «безъ соли»—худо это, больно худо: онъ ужъ тутъ, посматриватъ окаянной и посолитъ, безпримѣнно посолитъ; а говори «не съ солью». Такъ-то-ся, доброй! Крестъ великое дѣло, не помимо насъ сказано: «Крестъ ангеловъ слава и демоновъ язва».

Изъ большихъ комнатъ, *изъ горницъ*, какъ звала ихъ бабушка, слышится звукъ часоваго боя.

— Первой, другой... начинаетъ считать бабушка и опять зѣвнетъ. Ее позываетъ ко сну, а тутъ я, недогадливый, пристаю съ вопросами: какъ, да что было, да почему?

— Поди ты, пострѣленокъ! Что ты тутъ отлчешься? Ступай спать. Вотъ отецъ пріѣдетъ на жалуюсь. Ишь вѣдь вострoглазой! Забылъ развѣ, какъ сказано въ писаніи-то? И при этомъ вопросѣ бабушка, несмотря на одолѣвавшую ее дремоту, не опускала случая прочитать мнѣ любимое ее поученіе въ стихахъ. Оно начиналось такъ:

«Отроча благо! изъ млада учися,
Во всякомъ дѣлѣ Господу молися.
Бодрствуетъ юнымъ всегда въ дѣлѣ быти,
На старость имать въ покои ти жити» и т. д.

Кѣмъ эти вирши были сочинены, и отъ кого ихъ бабушка слышала, она и сама не знала.

Такимъ образомъ, изъ разсказовъ согнувшейся, ветхой бабушки, составилось у меня болѣе или менѣе ясное представленіе о дѣдушкѣ Захарѣ Кирилычѣ, о его сыновьяхъ и ихъ житьѣ-бытьѣ. Старикъ былъ крутой, но молчаливый. Только, бывало, когда въ праздникъ пивца лишняго выпьетъ и ходитъ по комнатѣ, размахивая руками, носилъ онъ всегда широкую русскую рубаху, на поясѣ которой былъ привязанъ ключъ отъ кубышки. Пивцо развязывало ему языкъ и дѣлался онъ въ это время веселымъ, добрымъ семьяниномъ. Въ трезвомъ же состояніи рѣчь его была тихая, отрывистая, какъ будто все сердится. Гнѣвъ его выражался только хлопаньемъ дверей или ужъ мѣткими, какъ говорила бабушка, побоями, въ родѣ привязыванья къ оглоблѣ. Старикъ, умирая, оставилъ всю семью не раздѣленной и всѣхъ поручилъ старшему сыну. Не долго братья пожили вмѣстѣ и раздѣлили дѣдушкино добро. Кому что досталось — не знаю. Каждый изъ братьевъ занялся торговлей по своему желанію: кто выбралъ хлѣбную, кто возвратился къ кожевенной, кто къ торговлѣ мочаломъ, кульемъ и прочими

лѣсными издѣліями, только старшій сынъ остался съ своимъ краснымъ товаромъ, также, какъ и младшій брать его. Прошло времени лѣтъ пятнадцать. Дяди понажили сыновей, нѣкоторые понакопили денегъ, нѣкоторые остальные прожили и стали одинъ за другимъ переселяться въ вѣчность. Сначала померъ одинъ изъ богатыхъ, оставивъ двухъ сыновей и тысячъ двадцать капиталу, изъ которыхъ большая часть должна была перейти на монастыри, на церкви и т. п., дѣтямъ же оставлялось самое меньшее, кажется, тысячъ по десяти.

Вслѣдъ за богатымъ дядей переселились въ вѣчность еще два дяди, за ними дочь бабушки померла, а бабушка старилась, горбилась и плакала о томъ, что Богъ не посылаетъ по душу.

Проживши 70 лѣтъ, она начинала плохо видѣть, и видѣла только, какъ часто говорила сама, однимъ глазкомъ. Ночью, бывало, не спится старухѣ, бормочетъ что-то себѣ подъ носъ и шлепая большущими старыми котами, переходитъ изъ комнаты въ комнату; опустится предъ образами на колѣна, лежитъ, уткнувшись лбомъ въ полъ, и шепчетъ, шепчетъ... Потомъ, едва разогнувъ свою старую спину, плетется дальше. Свѣтъ лампады падаетъ на согнувшуюся, сгорбленную фигуру бабушки. Вотъ часы громко забили. Бабушка останавливается среди комнаты и начинаетъ вслухъ считать: первой, другой, третій... Ну, слава Тебѣ Господи! скоро и къ за-

утрени зазвонятъ... о-о-хо-хо! Господи! Господи! шепчетъ она и плетется въ свою комнату будить старуху Гурьяновну.

Какъ будто за компанію съ бабушкой доканчивали свой вѣкъ родители моей матери. Эта парочка была хотя тоже ветхая, но не смотря на свои лѣта, старики не оставляли торговли, которую продолжали чуть-ли не полвѣка. Торговали они мелочнымъ товаромъ, какъ-то: иголками, булавками, ленточками и имѣли часть бакайныхъ товаровъ. Лавочка ихъ занимала не болѣе четырехъ квадратныхъ аршинъ и годовой торговый оборотъ былъ не болѣе, какъ тысячъ въ пять или шесть.

Старику былъ лѣтъ восемьдесятъ. Женѣ его — лѣтъ семьдесятъ. Или память начинала дѣдушкѣ измѣнять, или просто боялся онъ лишнихъ счетовъ — не знаю; но только цѣна у него была въ лавочкѣ на всякую мелочь по гривнѣ золотникъ. Все гривна золотникъ, на асигнаціи. Идетъ, бывало, въ базарный день, мимо лавки мужикъ, остановится у дѣдовой лавочки и пожелаетъ ему счастливаго торга.

— Здравствуй, Иванъ Николаичъ! Богъ тебѣ на помочь, счастливый торгъ!

— Здравствуй, судырь-то мой! Спасибо тебѣ. Чево скажешь?

— Да вотъ глазъ болитъ, измучилъ, съ Петрова дня... Незнаю какъ и быть.

— Эхъ, судырь ты мой, сичасъ, значитъ леденцу возьми, золотникъ, гривну только и стоитъ-то... разведи примѣрно въ водѣ и примачивай. Сичасъ поможетъ. Пользительно, больно пользительно.

— А и-то дѣдушка... Ну-ко-ся, отвѣсь, говоритъ мужикъ.

Отъ ломоты, отъ кашля, отъ простуды, да и неперескажешь отъ какихъ человѣческихъ немощей не давалъ Иванъ Николаевичъ лекарства. Вставалъ онъ рано, чуть свѣтъ. Еще караульные отъ лавокъ не уйдутъ, еще только только день начинаетъ вступать въ свои права, а ужъ, дѣдушка выплываетъ изъ проулка, припадая на лѣвую ногу и упираясь палачкой. Придетъ къ лавкѣ, помолится на соборъ, отопретъ свои замки и сидитъ посматривая на пустую безлюдную улицу. Вотъ зазвонятъ къ заутрени. Богомольный человѣкъ, сосѣдъ, вскочитъ съ своей мягкой перины и наскоро умывшись, постукается лбомъ во всѣхъ углахъ, гдѣ у него стоятъ иконы и выходитъ торопливо изъ дому?

— Здравствуй, богомольной сосѣдъ! кричитъ дѣдушка проходящему старику. Погоди маненько, что ты больно торопишься: — еще попъ отъ въ церкву не пришелъ.

— Здравствуй, здравствуй Иванъ Николаевичъ! Что это ты, старецъ Божій, въ церковь не идешь?

— Ладно, судырь ты, мой, тебѣ ходить-то: у

тебя сундукъ отъ, сказываютъ, набитъ деньгами. Дай-ко мнѣ ихъ—я и спать-то въ церкви буду.

— Кто тебѣ сказывалъ, а? Кто тебѣ сказывалъ? торопливо затораторитъ сосѣдъ, врутъ, вру-у-тъ, все врутъ, не вѣрь пожалуйста, не вѣрь. Развѣ у меня много денегъ? Каки у меня деньги? Нѣту, нѣту, ничего нѣту... Все, все нищимъ отдамъ... Уйду, уйду, въ монастырь уйду. Робятъ брошу, на попеченіе кому-нибудь отдамъ... Прощай, дѣдушка!

— Да ты куда, судырь ты мой, —въ монастырь или къ заутренѣ прощаешся-то? говорилъ неторопливо Иванъ Николаевичъ, а богомольный сосѣдъ уже бѣжалъ на скоро въ церковь, не отвѣчая на вопросъ.

Проходилъ еще часъ, другой до того времени, пока улица по немногу начнетъ оживлятся. Купеческіе прикащики, одинъ за другимъ, повыползутъ изъ калитокъ воротъ и не-хотя начнутъ отдвигать желѣзные тяжелые запоры, хозяйскихъ лавокъ. Дѣдушко сидитъ себѣ, посматриваетъ кругомъ, да покрякиваетъ. Мысли его давно уже перенеслись домой, къ ожидающимъ его горячимъ пельменямъ, гдѣ его старая подруга жизни, заботливо приготовляетъ ему закуску, примѣшивая въ мясо и лучку, и чесночку и перечку. Поставитъ она на столъ графинчикъ водочки, густаго хлѣбнаго уксусу, квасу жбанчикъ; принесетъ горшокъ съ пельменями, прикроетъ его дощечкой и пойдетъ въ лавочку на смѣну своего

супруга. Онъ уже начинаетъ почаще покрякивать и посматривать въ даль улицы, ожидая появленія изъ проулка своей супруги. Вотъ и она показалась, ветхая старушка, темнымъ платочкамъ подвязанная.

— Ну старуха, братъ, ты чево-то судырь мой, сегодня опоздала, а я ужъ признаться и проголодался. Вишъ дѣла-то много сдѣлалъ, на двѣ гривны канфоры продалъ, говорилъ дѣдушка. И, припадая на лѣвую ногу, онъ отправлялся домой, къ ожидающимъ его горячимъ пельменямъ.

Закусивъ порядкомъ и выпивъ полжбана квасу, дѣдушка, не смотря на 10-й часъ утра, ложится на часокъ другой отдохнуть. Въ 12 часовъ онъ встанетъ, пойдетъ на смѣну бабушки. Въ 3 часа она приходитъ въ лавочку; Иванъ Николаевичъ идетъ пить чай; а въ 6 часовъ его лавочка уже заперта. Въ 7 часовъ онъ поуживаетъ и скажетъ парню дальнему родственнику; «ну-ка, братъ, сударь ты мой, Петруха, прчитай-ка, судырь ты мой, житіе». Не успѣетъ Петруха страницы окончить, какъ здоровый храпъ несется по всѣмъ маленькимъ комнаткамъ дѣдушкинаго дома. Въ это время, хоть въ пять барабановъ стучи, не скоро нарушитъ здоровый, крѣпкій сонъ 80 лѣтняго старика.

О бабушкѣ остается у меня самое свѣтлое и отрадное воспоминаніе. Когда послѣ продолжительнаго бѣганье безъ ученья, мы съ братомъ отданы были къ старицамъ, для изученія книжной премуд-

рости, то каждое утро, отправляясь на уроки, забѣгали поцѣловаться съ бабушкой и получали каждый по пятаку т. е. $1\frac{1}{2}$ к. сер. на брата. Эти пятаки составляли непрерывный доходъ на погашеніе долга за пряники, ножечки, и прочіе хорошія вещи. Бабушка любила иной разъ выпить рюмочку другую водочки. Зайдетъ бывало къ намъ, когда нѣтъ дома отца и поплачетъ глядя на сиротъ выростающихъ безъ родственыхъ заботъ и ласкъ.

— Эхъ вы дѣтушки, дѣтушки голубчики-и-и! запоетъ она, придерживая обоими руками рюмочку и нерѣшивъ выпить ее, или поставить.

— Я вѣдь ужъ и нехочу пить-то, говоритъ бабушка, поднося рюмку ко рту; потомъ покачаетъ головой, выпьетъ водку, плюнетъ и сморчитъ губы

— Охъ ты горечь, ты горечь злющая-я!.. Дайте ко робятушки сахарку кусочекъ.

Отправляемся, бывало, въ Рождество, тотъ часъ послѣ заутрени, по всѣмъ роднымъ, славить христа. Ни кто больше не дастъ намъ за славленьѣ, какъ бабушка и всегда тихонько отъ дѣдушки. При немъ, дастъ по гривнѣ на брата, а выйдетъ провожать на крыльцо, поцѣлуетъ насъ и сунетъ каждому по полтиннику; а сама плачетъ, тихонько, крадучись, утираетъ слезы и шепчетъ: «сироты вы, сироты» и опять цѣлуетъ и опять плачетъ. А намъ и думушки въ тѣ минуты о своемъ сиротствѣ не было,— занималъ насъ полтинникъ, снившійся намъ за долго

до праздника. Это такая, громадная, казалось, сумма, что думалось въ простотѣ дѣтской души, бываютъ-ли еще на свѣтѣ деньги другіе, больше полтинника.

Въ силу-то этого полтинника и прочихъ мелкихъ грошей и пятаковъ, праздникъ рождества въ нашемъ ребяческомъ мірѣ, считался выше всѣхъ праздниковъ. Бабушка Парасковья хотя и говорила что Пасха больше, потому что она есть, праздникомъ праздникъ, и торжество торжествъ.

— За чѣмъ-же бабушка въ Пасху не ходятъ славить? спрашивали мы заражонные пріобрѣтеніемъ полтинника и другихъ мелочей.

— А это ужъ дитятко я и не знаю, говорила старушка, и не помню бывало-ли когда на Пасхѣ христославленье, однако и въ старые годы этова не водилось.

— А худо это, думали мы, какъ это, молъ, люди недогадливы...

Миръ праху вашему отшедшіе въ вѣчность добрые старики, миръ и вамъ старые люди доживающіе свой вѣкъ.

ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ.

I.

Героя нашего звали Павломъ, фамилія его была, Іордасовъ. Сей замѣчательный мужъ, былъ потоюкъ одного богатаго и славнаго, когда-то дворянкаго рода. Онъ получилъ бытіе свое въ древнемъ ородѣ Чувашевѣ. Павелъ, или какъ звала его мамаıа, Поль, въ дѣтствѣ своемъ оказалъ великія спообности въ перенесіи побоищъ въ формѣ затреминъ, заушеній, оплеваній и круженій главы за естные власы, — все сіе поименованное, исходя тъ тяжеловѣсныхъ рукъ чадолюбиваго и заботливаго го родителя, имѣло на юнаго Мордасова самое лагодѣтельное вліяніе. Получивъ заушеніе, нашъ ›ный герой, пользовался первою удобною минутой летѣлъ сломя голову въ дворницкую конуру, дабы оскорѣе примѣнить на другомъ только что полуенный урокъ. Для этого примѣненія, весьма удобо и въ обширномъ количествѣ, практику предста-

вляла золотушная рыжеволосая головешка дворницкаго сынишка, который большую часть дня обрѣтался въ одиночествѣ, ибо его родительница исполняла при домѣ Мордасова обязанность гончей собаки, обивая пороги знакомыхъ госпожи Мордасовой, достойной матери нашего юнаго героя, имѣвшей похвальную страсть къ нарядамъ. Въ силу этой похвальной страсти мать золотушнаго дворницкаго сынишка, стрѣляла съ лѣстницы на лѣстницу, цѣлые дни бѣгая за выкройками и модными картинками; а родитель сего золотушнаго мальчика, то есть, самъ дворникъ, возсѣдалъ съ утра ранняго, до вечера поздняго у высокихъ воротъ Мордасовскаго дома. Юный герой нашъ, получивъ, какъ сказано выше, надлежащее внушеніе отъ руки папеньки, спѣшилъ въ дворницкую и пробовалъ, въ свою очередь поучать золотушнаго мальчишку, украшая его рыжую голову волдырями и синяками. «Микитка» какъ ласково звали его, сами его родоначальники, — сей не благодарный Микитка поднималъ отчаянный ревъ, высказывая тѣмъ свое плебейское происхожденіе и полную неблагодарность за поученія. Видя таковую, юный Мордасовъ, на скоро давъ еще двѣ три затрещины Микиткѣ, спѣшилъ поскорѣе на утекъ, но золотушный Микитка выползалъ изъ дверей дворницкой конуры и ревѣлъ, оглашая барскій дворъ отчаяннымъ не человѣческимъ крикомъ, какъ будто-бы его рѣзали десятью ножами, такъ что, наконецъ

самъ его родитель поднимался съ своего дворницкаго мѣста, и считалъ своею обязанностію... дать ему затрещину въ ухо.

— Эка тебя какъ дьявола-то давятъ, паршивой ты поросенокъ! ворчалъ онъ запихивая свое отроча обратно въ душную конуру, пропитавшуюся насквозь запахомъ кислой капусты и прогоркаго масла.

— Тя-а-ть-ка-а! Молодой-то барченокъ, меня все по башкѣ-ѣ!.. жаловался Микитка, мѣшая свои слова съ плачемъ, ревомъ и со всяческими мокротами отдѣляемыми носомъ и ртомъ.

Выслушавъ эту жалобу родоначальникъ, какъ и слѣдуетъ всякому отцу, приходилъ въ немалое негодованіе и, вѣроятно, въ утѣшеніе своего обиженнаго сынишка, считалъ долгомъ дать ему затрещину и въ другое ухо, за тѣмъ, считая свою обязанность, по усмиренію ревущаго сына, оконченной, онъ плотно притворялъ дверь дворницкой и уходилъ къ воротамъ, ворча себѣ подъ носъ: — «охъ ужъ эти мнѣ молодые барченки! Не я имъ хозяинъ-то, а то взялъ-бы всѣхъ да и согнулъ въ три погибели, што-бы небольно... тово...» Онъ останавливался, пріискивалъ слово для объясненія своей мысли и ненаходя его, принимался ругаться съ прохожими, причемъ жилистая, загорѣлая рука его, складывалась въ большущій костлявый кулакъ, повидимому, весьма пригодный для того что-бы имъ вбивать сваи въ землю, или, по меньшей мѣрѣ, со-

крушать человѣческія ребра. А тѣмъ временемъ, нашъ юный герой успѣвалъ скрыться и высиживалъ полчаса подъ лѣстницей, дабы, въ случаѣ поисковъ не быть найденнымъ и неподвергнуться самому, новымъ поученіямъ. Иногда-же, когда слѣды были недостаточно скрыты, герой нашъ подвергался допросамъ и во время ихъ умѣлъ горячо защищать себя. Въ этомъ случаѣ онъ руководствовался нѣкоторыми соображеніями и дѣйствовалъ двоякимъ образомъ. На примѣръ: если допросы производились старой ключницей, (Мамаша его никогда въ допросахъ и вообще въ воспитаніи своего дѣтища, никакаго участія не принимала, послабости своей конмплекціи) если, говорю, допросы производила старая ключница, то юный Мордасовъ начиналъ плакать и жаловаться что «Микитка» смѣлъ его ударить, причемъ божился, клялся и крестился что болѣе никогда не заглянетъ въ дворницкую, только-бы клюшница не говорила объ этомъ отцу, то есть, оставила-бы это дѣло, втунѣ; но когда, по великому несчастію, начиналъ производить слѣдствіе самъ старикъ Мордасовъ, то юный нашъ герой, дѣйствовалъ совершенно иначе: онъ спѣшилъ доказать отцу фактами — зналъ, что тутъ ни слезы ни жалобы не помогутъ — онъ логически, послѣдовательно объяснялъ своему papa, что во время отчаяннаго рева Микитки, онъ юный герой былъ вдали отъ родительскаго крова, слѣдовательно и отъ дворницкой,

а именно на противуположномъ концѣ города, у своего товарища по дѣлу, яко-бы объ одной учебной книгѣ, каковая была дана товарищу, для ради прочтенія; при этомъ въ доказательство показывалась старому Мордасову и самая книга. Старикъ довольный тѣмъ, что его наслѣдникъ ведетъ себя безукоризненно, иногда говорилъ: «а, ну хорошо» иногда-же просто мычалъ и посасывая изъ длиннаго чубука, уходилъ въ свой кабинетъ. Иногда-же, благополучно отсидѣвшись подъ лѣстницей и составивъ, на всякій случай, искусный планъ защиты отъ могущихъ быть поученій, нашъ герой, крадучась, яко тать, пробирался въ свою комнату и на нѣкоторое время оставался въ ней, занимаясь перелистываньемъ книгъ, но таково е скучное и весьма утомительное занятіе, скоро надоѣдало юному Мордасову и онъ спѣшилъ на новые подвиги, добычи и опасности. Не рѣдко выподали ему надолю счистливые дни, въ которые, благодаря сонливости и старости подслѣповатой ключницы, онъ успѣвалъ похитить у ней ключи отъ кладовой, откуда, съ елико-возможною аккуратностію и должной быстротою, уносилъ къ себѣ въ компату банку варенья, или полные карманы конфектъ, или, въ случаѣ особенной удачи, и того и другого. Подобныя похищенія иногда оканчивались для молодаго барича благополучно: старая ключница не замѣчала убыли банокъ и конфектъ, молодой желудокъ юнаго героя безропотно выносилъ

всю тяжесть напиханныхъ въ него продуктовъ и дѣло оставалось безъ всякихъ послѣдствій: Но бывали въ юношеской жизни молодаго Мордасова такіе злосчастные дни, когда судьба посылала на него всѣ кары: въ желудкѣ начиналась страшная боль, ключница ловила съ поличнымъ на мѣстѣ преступленія и самъ баринъ съ неизмѣнной своей трубкой «Жукова», точно изъ земли выросталъ предъ дверями кладовой, гдѣ его законный наслѣдникъ стоялъ съ банкой варенья въ рукахъ и съ полными карманами конфектъ. Герой нашъ съ отчанія хватался за всѣ средства разомъ: плакалъ, божился, клялся и тѣмъ окончательно проигрывалъ свое дѣло. Старый Мордасовъ приказывалъ представить не ловкаго воришку въ свой кабинетъ, запускалъ одну изъ своихъ бѣлыхъ жирныхъ рукъ въ густые, черные волосы своего наслѣдника, а другою,—предварительно поставивъ длинный чубукъ съ янтаремъ въ особо устроенный для этого шкафъ, — другою рукою начиналъ румянить, и безъ того уже достаточно румяныя щеки нашего юнаго героя. На сей великій шумъ и крикъ выплывала изъ своего будуара, весьма тощая maman нашего барича, извѣстная въ городѣ Чувашахъ, по замѣчательной своей сухощавости, за «комариную смерть». Выплывала она окруженная великимъ множествомъ юбокъ, волановъ и прочихъ принадлежностей дамскаго туалета; она останавливалась въ дверяхъ и томно возводя очи къ небу, начинала, на

французскомъ діалектѣ, выплакивать у своего благовѣрнаго супруга, прощеніе своему единородному дѣтищу, доказывая,—старикъ Мордасовъ любилъ доказательства—что похищеніе сластей не есть воровство, а доказательства свои она основывала на томъ, что воры никогда варенье не воруютъ. Янтарный чубукъ снова изъ шкафа показывался на свѣтъ Божій, начиналъ въ немъ дымиться, сизой струей, «Василій Жуковъ» и заботливый родитель, развалясь на мягкомъ креслѣ, читалъ поученіе своему единородному наслѣднику, осужденному злымъ рокомъ, стоять предъ очами родителя на подобіе придорожнаго столба.

— А вотъ если ты, не будешь вести себя такъ, какъ тебѣ подобаетъ по твоему званію, состоянію и общественному положенію, если ты не будешь сознавать священныхъ обязанностей честнаго гражданина, (старикъ былъ, при случаѣ, краснорѣчивъ, и однажды во время обѣда, даннаго новому начальнику края, былъ названъ Всероссійскимъ Цицерономъ) если ты, продолжалъ онъ, еще впередъ будешь пойманъ въ воровствѣ варенья, то я тебя заставлю служить въ военной службѣ съ солдатскаго чина!..

«Жуковъ» снова начиналъ дымиться, сынишко вздыхалъ и смотрѣлъ изъ подлобья; его maman глубоко вздыхала и печально взглянувъ, въ послѣдній разъ, на взъерошенные волосы своего единороднаго

сына, на бѣлыя, жирныя руки своего супруга,—спѣшила оглядѣть въ зеркалѣ свой туалетъ, высматривая, вполнѣ-ли удовлетворителенъ фасонъ новаго моднаго пеньюара, а единородный наслѣдникъ, между тѣмъ, терзался болью въ желудкѣ, отъ вчерашней порціи украденнаго варенья и думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе убраться въ свою комнату, не обращая никакого вниманія на краснорѣчіе Всероссійскаго Цицерона.

Такъ шли и проходили одинъ за однимъ дѣтскіе годы нашего юнаго героя.

II.

Но «все на свѣтѣ семъ превратно» какъ сказалъ одинъ мудрецъ, имени котораго я, къ сожалѣнію, не помню. Да все на свѣтѣ семъ превратно! Тучный Мордасовъ, воедину изъ пятницъ, въ каковыя у него бывали картежные вечера,—волею Божіею помре. Это случилось слѣдующимъ печальнымъ образомъ: онъ возсѣдалъ съ своими собратами за преферансомъ, «янтарь въ устахъ его дымился» и только что успѣлъ онъ, родитель нашего героя, послѣ пятой сдачи, собрать карты, привелъ ихъ въ надлежащій порядокъ,—чего съ нимъ, между прочимъ, сказать, рѣдко бывало, потому что онъ отлично игралъ въ карты и рѣдко ихъ раскладывалъ по мастямъ,—только что, говорю я, онъ разобралъ по мастямъ

карты, какъ вдругъ громогласно произнесъ «восемь въ червяхъ», повалился со стула и «отдалъ Богу господскую душу!» Собраты его по игрѣ, весьма соболѣзновали, что ихъ партнеръ, столько лѣтъ игравшій съ ними въ карты, вдругъ вздумалъ выкинуть такой пассажъ и не окончивъ преферанса, окончилъ свое земное странствіе; это было тѣмъ болѣе не простительно, что и объявленная имъ, такъ громко, игра «восемь въ червяхъ», оказалось, по расположенію картъ, «безъ трехъ». Эта маленькая непріятность,—смерть стараго Мордасова,—помѣшала большому удовольствію,—записать съ него за ремизъ «безъ трехъ» и въ этотъ вечеръ совершенно разстроила расположеніе духа, не только его трехъ портнеровъ, погрузившихся въ глубокую задумчивость при мысли объ отысканіи новаго партнера на мѣсто умершаго,—но и остальныхъ гостей, которые, по обыкновенію, ждали обильнаго ужина, но вмѣсто него должны были довольствоваться зрѣніемъ фигуры мертваго человѣка, державшаго въ правой рукѣ игру «восемь червей». Такъ всѣ гости и разошлись безъ ужина.

Родительница нашего юнаго героя, Павла Павловича Мордасова, котораго съ этой минуты мы и будемъ называть: «Поль Мордасовъ» слѣдуя поучительному примѣру его мамаши. И такъ, родительница Поля Мордасова одѣлась въ глубокій трауръ и тотчасъ-же, по окончаніи туалета, подошла къ

зеркалу, предъ которымъ стояла неменѣе получаса, разсматривая, такъ сказать, во всѣхъ фазахъ, свою тощую фигурку, въ такомъ новомъ и весьма идущимъ ей къ лицу нарядѣ. «Почли похоронною тризною» останки стараго Мордасова, такъ,—между прочимъ сказать—счастливо отдѣлавшагося отъ ремиза безъ трехъ въ червяхъ, какъ рѣдко кому удается. «Почли его похоронною тризною», поговорили о томъ, что «всѣ мы смертны и всѣ мы, слѣдовательно, помремъ» погоревали о томъ, что «старикъ Мордасовъ умеръ» и сошолъ онъ, наконецъ, въ могилу, герой избавленный судьбою отъ непріятности розыгрывать такую несчастную игру, въ рукахъ съ которой онъ испустилъ духъ. Кто знаетъ, можетъ быть онъ, въ тотъ самый моментъ, когда уста его громогласно произнесли: «восемь въ червахъ», можетъ быть, пытливый глазъ его, въ этотъ моментъ, случайно упалъ на карты сосѣда и несчастный старикъ, предвидя свое неминуемое пораженіе, такъ былъ испуганъ его послѣдствіями, что умеръ.

Кто разрѣшитъ теперь намъ эту загробную тайну?!

Во всякомъ случаѣ, я принимая во вниманіе смерть старика Мордасова, считаю необходимымъ посовѣтовать играющимъ въ преферансъ, держать карты по ближе къ себѣ, такъ что-бъ глазъ сосѣда, не случайно и не умышленно, не могъ видѣть расположеніе мастей. Но обратимся къ продолженію нашего разсказа.

Большія перемѣны произошли въ домѣ, послѣ неожиданной и, пожалуй (принимая во вниманіе ремизную игру), трагической смерти старика Мордасова! Вечера вмѣсто пятницы были назначены во вторникъ; «Василій Жуковъ» былъ изгнанъ навсегда вонъ и замѣнился гаванскими сигарами; оканчивались вечера вмѣсто часу по полуночи въ три часа утра, ибо Поль Мордасовъ, въ то время уже двадцати пяти-лѣтній юноша, давно прекратилъ тайныя путешествія въ кладовую за вареньемъ и конфектами, а ѣлъ то и другое явно, запивая явства, пяти рублевымъ шамбертенемъ. Онъ еще при жизни papa изучилъ всю премудрость зеленаго поля и послѣ смерти его, спеціально занялся картами, играя въ «направо налѣво» или какъ говорятъ гвардейскіе юнкера «въ любишь-нелюбишь» а такъ какъ его сухощавая maman, послѣ смерти своего супруга, стала страдать безсонницей, то вышеозначенная перемѣна въ часахъ окончанія вечера, была ей, отчасти, даже и пріятна, тѣмъ болѣе, что ея единородный сынъ Поль, весьма счастливо и съ большимъ тактомъ велъ игру и такъ сказать, съ великимъ успѣхомъ упражнялся въ дѣлѣ опустошенія людскихъ кармановъ.

— Вотъ поди-жь ты, пойми, говорили часто знакомые Поля Мордасова, — пойди, разгадай, какое воспитаніе нужно давать человѣку, чтобъ онъ не вышелъ дуракомъ! Вотъ смотри-ка на молодаго Мор-

дасова, ужъ, кажется, какой былъ въ дѣтствѣ болванъ, въ юности шалопай, отецъ было и рукой на него махнулъ, а посмотри-ко какой молодецъ вышелъ—прелесть! Да вѣдь какъ играетъ! Ты посмотри, какъ онъ играетъ—заглядѣнье!

— Все это только одно глупое счастье, оспаривалъ собесѣдникъ, у котораго въ тотъ вечеръ Поль Мордасовъ выигралъ послѣдніе 500 рублей, назначенные было на уплату процентовъ въ опекунскій совѣтъ и попавшіе, вмѣсто опекунскаго совѣта, въ карманъ нашего героя.

— Нѣтъ! тутъ не одно счастье, тутъ умѣнье нужно. Выдержка нужна. Ты посмотри, какъ онъ...

И собесѣдники начинали разсуждать о достоинствахъ Поля, а въ особенно о его умѣньи жить и играть въ карты.

Теперь, читатель, мы должны съ вами изъ роскошныхъ аппартаментовъ Мордасовскаго дома, спуститься въ душную дворницкую конуру и посмотрѣть, что случилось съ ея обитателями. Обитателей тѣхъ, о которыхъ мы говорили въ первой главѣ нашего разсказа, тѣхъ обитателей уже нѣтъ. Тамъ другой дворникъ, но намъ до него нѣтъ дѣла. Гдѣ же старые обитатели дворницкой? спрашиваемъ мы и узнаемъ, что родительница рыжеволосаго, золотушнаго Микитки, отъ великаго стрѣлянія по лѣстницамъ, получила водянку въ ногахъ и отправилась къ предкамъ; родитель же Микитки все сидѣлъ у

воротъ, сидѣлъ, сидѣлъ, и наконецъ досидѣлся до старости и за негодностью къ дворницкой службѣ, счелъ тоже нужнымъ оставить сей міръ. Микитка выросъ, возмужалъ и отчасти даже похорошѣлъ, если только рыжіе волоса, расплывшійся носъ и толстыя мясистыя губы не мѣшаютъ красотѣ человѣческаго лица. Возмужавшій Микитка, по старой памяти, въ силу прежнихъ затрещинъ и потасовокъ, былъ принятъ въ комнаты къ молодому барину и въ послѣдствіи времени оказалъ ему, въ плаваніи по житейскому морю, немаловажныя услуги. Поль Мордасовъ часто послѣ хорошаго выигрыша, раздѣваясь въ постель, любилъ поговорить съ своимъ вѣрнымъ лакѣемъ.

— Никитка! спрашивалъ онъ, докуривая дорогую гаванскую сигару.

— Что угодно вашей милости, батюшка баринъ? почтительно вопрошалъ Никитка.

— Помнишь-ли какъ я тебя въ дѣтствѣ за рыжіе вихры таскалъ?

— Какъ не помнить, батюшко баринъ,—оченно хорошо я все это, можно сказать, помню. За это васъ денно и нощно, благодаримъ покорно, за науку значитъ... отвѣчалъ кланяясь Никитка и встряхивалъ своими огненными волосами.

На лицѣ молодого барина, не смотря на его молодые года, складывалась улыбка самодовольствія, и въ эту минуту онъ уже начиналъ нѣсколько смахи-

вать па покойнаго Мордасова, когда сего послѣдняго, пресмыкающаяся бѣдность нѣжила льстивыми рѣчами.

— То-то вотъ и есть, Никитка, говорилъ ласково молодой Мордасовъ, то-то вотъ и есть, видишь, выбился, человѣкъ сталъ, при барскихъ комнатахъ находишься, — чувствуешь-ли ты это?

— Какъ, батюшко баринъ, не чувствовать, все-же я, теперича не камень и вторительно надобно сказать и то, значитъ, что я долженъ по гробъ моей жизни благодарить...

— А помнишъ-ли ты, какъ я разъ тебѣ морду о каменную тумбу разбилъ?

— Все, батюшко баринъ, помню, на этомъ, можно сказать, благодаримъ покорно.

— Такъ-то. Теперь вотъ благодаримъ, а тогда небойсь жаловался матери, мошенникъ!...

— Виноватъ, батюшко баринъ,—мальченко былъ глупой, не понималъ того, что вы мнѣ все это отъ чистаго сердца дѣлали, добра дураку желали.

Никитка опять кланялся и встряхивалъ своими волосами, а баринъ между тѣмъ, докуривъ сигару, подставлялъ ему одну за одной ноги, для снятія сопоговъ.

— Ну поворачивайся поскорѣе, оселъ!...

— Сію минуту, сію минуту. подобострастно и торопливо говорилъ Никитка, помогая нашему нѣжившемуся герою лечь въ кровать.

— Фу, какъ я усталъ! вздыхая заключалъ Поль Мордасовъ и завалившись въ мягкій пуховикъ, припоминалъ въ дремотѣ о томъ, какъ удачно трефовая девятка и бубновый тузъ, по пяти разъ къ ряду упали на правую сторону. Такъ шли дни за днями. Maman Поля вдовствовала и одѣвалась хотя весьма скромно но съ большимъ вкусомъ; на побѣгушки, для стрѣлянія по лѣстницамъ, за модными картинками, была выписана изъ деревни другая женщина и въ первыя недѣли весьма медленно исполняла свою обязанность и тѣмъ раздражала слабонервную, чувствительную maman Поля; но вскорѣ она попривыкла и дѣло пошло правильно: свои картинки и выкройки отсылались къ знакомымъ, отъ нихъ получались другія, отъ другихъ еще другія и такъ до безконечности...

Нашъ герой рѣдко выходилъ на половину мамаши. Большая часть его дня была занята сномъ, легкими завтраками съ друзьями, за которыми (т. е. за легкими-то завтраками) выпивалось нерѣдко до дюжины бутылокъ шампанскаго. Потомъ герой нашъ почивалъ (выраженіе Никитки), потомъ ѣхалъ кататься на парѣ сѣрыхъ съ яблоками, или на ворономъ рысакѣ и жизнь, какъ видитъ читатель, шла съ пользою для другихъ, съ удовольствіемъ для себя и съ честію для цѣлаго общества: «что, дескать, вотъ, молъ, въ нашемъ городѣ какіе люди живутъ!»

Такъ прошло послѣ смерти старика Мордасова

года три. Не смотря на то, что вдовствующая madame Mordasoff не мѣшалась нисколько въ образъ жизни своего наслѣдника (она имѣла родовое имѣніе), видѣла его иногда въ два-три дня разъ, была съ нимъ всегда ласкова и любезна, но тѣмъ не менѣе, нашъ юный герой, имѣвшій похвальную страсть къ пріобрѣтенію капитала, или, говоря языкомъ передовыхъ людей русскаго общества,—бывъ приверженцемъ утилитарнаго направленія, — нашъ юный герой, чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе тяготился присутствіемъ въ домѣ, его вдовствующей мамаши. Онъ этого никому не высказывалъ, но не рѣдко во время легкихъ завтраковъ, въ разговорѣ съ пріятелями, у него, между словами проскакивала мысль, ясно выражавшая тайное желаніе нашего героя, отдѣлаться поскорѣе отъ своей мамаши. Надъ нимъ, слѣдовательно, сбылась, народная мудрость, выражающаяся въ пословицѣ, «шила въ мѣшкѣ не утаишь».

Истинно такъ!

Наконецъ и тайное желаніе Поля было услышано и пришолъ часъ воли Божіей, — стала умирать его *maman*. Кончина ее была по истинѣ трогательная и умилительная, это не то что гаркнуть: «восемь въ червяхъ» и умереть. Нѣтъ-съ, тутъ со всѣмъ другое,—кончина ее, такъ сказать, за самыя чувствительныя струны сердца хватаетъ, — вотъ что! Она была истинная христіанка, греко-россійскаго вѣроисповѣданія, была большая патріотка любив-

шая Русь и все русское. Да, жаль! Въ наше время такіе люди рѣдко встрѣчаются. Она, madame Mordosoff, за долго до смерти, кажется чуть ли не за цѣлый часъ, безъ всякаго сожалѣнія раздарила большую часть своихъ платьевъ прислугѣ и только одинъ разъ вздохнула, едва впрочемъ замѣтно, когда отдавала тюлевое бальное платьѣ своей поломойкѣ Аксюткѣ, причемъ грустно изволила произнести: «носи его Аксютка» забывъ въ простотѣ сердечной, что на толстыя плечи Аксютки и на ее саженную фигуру нужно бы было пятокъ такихъ платьевъ, для того чтобы вышелъ сносный сарафанъ. Но Аксютка, — представьте, это неблагодарное плебейское племя,—Аксютка осталась недовольна подаркомъ и, свертывая его въ комокъ, смѣла проворчать себѣ подъ носъ: «ну что же, съ паршивой собаки хоть шерсти клокъ» и ушла! Впрочемъ стоитъ ли говорить объ этомъ грубомъ народѣ, который никакъ неможетъ понять, что дѣло не въ качествѣ подарка, а въ чувствѣ съ какимъ его дарятъ!

Раздаривъ такимъ образомъ большую часть своихъ платьевъ, наколокъ, шиньоновъ и прочихъ весьма полезныхъ вещей, умирающая Мордасова попросила чашку шеколада. Наступило глубокое молчаніе, всѣ ждали скоро ли... принесутъ шеколадъ. Принесли. Больная приподняла нѣсколько голову, велѣла подложить подъ нее еще подушку; попросила себѣ

въ руки чашку и только что начала говорить: Au nom du père, et du fils, et du Saint Esprit... какъ руки задрожали, чашка выпала, звякнула, и разбилась!

— О! Mon Dieu! Сервскій фарфоръ! Сервскій фар...

И умерла.

Не правда ли, жаль разбитую чашку?..

Поль Мордасовъ былъ свидѣтелемъ этой печальной сцены. По его полному, краснощекому лицу прокатилась даже слеза... О чемъ она? Кто знаетъ! Но только никакъ не о чашкѣ сервскаго фарфора, ибо, какъ извѣстно, онъ не любилъ никакого фарфора, ни сервскаго, ни китайскаго, ни прочихъ, иныхъ земель. А всплакалъ,—ну извѣстно, что же? Мало ли о чемъ человѣкъ плачетъ. У меня, вонъ, есть знакомый, который, какъ урѣжетъ полштофа водки, такъ и начинаетъ рыдать, да такъ рыдаетъ, какъ будто вотъ только что онъ схоронилъ вѣсь живущій на земномъ шарѣ людъ! Вотъ тутъ и пойми, и раскидывай умомъ-то, какъ тебѣ заблагоугодно!.. Но Богъ съ ней и съ слезой!.. Поль Мордасовъ глубоко вздохнулъ, какъ будто бы съ его плечъ свалилась тысяча пудовъ тяжести и на скоро произнесъ тихимъ, но внушительнымъ тономъ.

— Уберите по скорѣе фарфоръ и приготовьте покойницу на столъ!

Слуги и служанки при этихъ словахъ испуганно выпучили глаза, не понявъ словъ барина, имъ да-

же показалось, что баринъ что-то упомянулъ объ обѣдѣ (необразованность!), но наслѣдникъ всего состоянія послѣ умершей своей maman, возвысилъ тонъ и дѣлая рукою повелительный жестъ, приказалъ прислугѣ приготовить все, что нужно для перенесенія тѣла его maman въ парадный залъ. Потомъ онъ подошелъ къ кровати, на которой, съ сожалѣніемъ о разбитой чашкѣ, покончила свои дни его мамаша и самъ ей закрылъ глаза двумя золотыми имперіалами. (Замѣтьте, — нынче они очень, очень рѣдко попадаютъ въ руки, ихъ по всему вѣроятію, берегутъ для того, чтобы закрывать ими глаза умирающимъ аристократамъ и богачамъ).

— Да, проговорилъ Поль со вздохомъ. — долгонько вы maman позатянулись было, но впрочемъ я на васъ не имѣю права быть въ претензіи...

Онъ пошелъ въ свой кабинетъ и идя проговорилъ еще на французкомъ діалектѣ:

— Mieu tard que jamais...

III.

Да, все на свѣтѣ семъ превратно: разбилась чашка сервскаго фарфора, умерла госпожа Мордасова,—я скромный разскащикъ, такъ огорченъ этими печальными происшествіями, что не знаю о чемъ больше скорбѣть, о чашкѣ ли сервскаго фарфора, или о госпожѣ Мордасовой, а не знаю я потому,

что придерживаясь, въ подражаніе современному молодому поколѣнію, утилитарнаго направленія, я не могу рѣшить что могло быть полезнѣе: остаться ли чашкѣ сервскаго фарфора не разбитой, или госпожѣ Мордасовой продолжать свою жизнь.

Вскорѣ послѣ смерти госпожи Мордасовой, извѣстной въ г. Чувашевѣ, какъ я сказалъ выше, подъ названіемъ «Комариной смерти», вскорѣ послѣ этого, какъ скончалась сама смерть, въ аппартаментахъ занимаемыхъ ею при жизни, наслѣдникъ ея Поль Мордасовъ сдѣлалъ радикальныя преобразованія. Всѣ пять комнатъ, въ которыхъ изволила помѣщаться тощая фигура его покойной мамаши, всѣ онѣ были превращены въ гаремъ, а именно: гостинная большая, гостинная маленькая, будуаръ, спальная и кабинетъ. Въ большой гостинной былъ устроенъ по срединѣ комнаты резервуаръ и въ немъ въ мраморной ваннѣ, имѣвшей громадные размѣры, плавали, плескались... Но позвольте. Вы подумали что это были рыбы? Нѣтъ! Это были не рыбки и не рыбы, а нѣчто похожѣе на тѣхъ нифмъ и сиренъ, какими были разрисованы стѣны и потолки гостинной, чрезъ недѣлю послѣ смерти г-жи Мордасовой.

Нашъ герой, Поль Мардасовъ, какъ можетъ изъ предъидущаго, совершенно безъ ошибочно, заключить читатель,—не пожелалъ вступить ни въ какіе браки, не въ законный, ни въ гражданскій, и

даже не въ такой бракъ, каковый мы сподобились зрѣть въ стѣнахъ Александрійскаго театра,—я говорю, о Чернявскомъ бракѣ. Онъ, нашъ герой, говоря словами одного мудреца, (имени же его не вѣдаю) предпочелъ: «Порхать по кустамъ и срывать цвѣты наслажденія». Это можно, пожалуй, назвать бракомъ «натуральнымъ» какъ называетъ г. Авенаріусъ, а если вы хотите изъ существительнаго сдѣлать прилагательное, то можно назвать: «Авенаріусовскимъ бракомъ» это пожалуй будетъ еще яснѣе. И такъ герой нашъ, состоялъ въ одинъ и тотъ же день, въ нѣсколькихъ Авенаріусовскихъ бракахъ, и жилъ себѣ припѣваючи и была у него во всемъ тишь да гладь, только не Божья благодать.

Экономическая часть по управленію домомъ была уже не въ рукахъ старой ключницы, которая во дни оны ловила Поля на воровствѣ варенья и конфектъ, нѣтъ: она была изгнана изъ дома въ деревню «пасти телятъ», а завѣдывалъ этой частію все тотъ же рыжеволосый Никитка, котораго Поль Мордасовъ, какъ оказывается, дѣйствительно не понапрасну бивалъ въ дѣтствѣ: изъ Никитки вышелъ человѣкъ просто на всѣ руки. Онъ успѣвалъ управлять домомъ, успѣвалъ воровать, состоять «при баринѣ» камердинеромъ и иногда, пользуясь отсутствіемъ Поля, забираться своей золотушной особой, совсѣмъ не въ указанное мѣсто...

На охоту Поль Мордасовъ не ѣздилъ, своры со-

бакъ не держалъ и его преданный Никитка, «Личарда вѣрная», какъ онъ самъ себя называлъ, эта «Вѣрная Личарда» иногда налопавшись украдкой шампанскаго (барскія замашки, каналья, получилъ!) говаривалъ своимъ знакомымъ камердинерамъ и лакеямъ (имя имъ Легіонъ!).

— У насъ съ Павломъ Павловичемъ, теперича есть на свѣтѣ первая охота по зеленому суконному полю, а вторительно есть охота въ Репосѣ.

При этомъ извѣстіи слушатели таращили отъ изумленія глаза, раскрывали рты, а пьяный ораторъ «Микитка» заложивъ руки назадъ, задиралъ свою рыжую голову къ верху и начиналъ насвистывать: «Въ селѣ новомъ Ванька жилъ».

— Микита Микифорычъ! робко спрашивали собесѣдника.

— Что-о! ошарашило-о! а! съ достоинствомъ подтрунивалъ рыжій Микитка.

— Да-а... тово... Мудрено что-то ужъ больно!...

— Небойсь... у на-ше-го ба-ри-на... ре-по-са-а!...

Микитка едва поворачивалъ языкомъ, пошатывался и вытаскивая изъ боковаго кармана папиросницу, величаво предлагалъ пріятелямъ «затянуться».

— Курите, сколько угодно... У насъ, значитъ Лаферма и вто-ри-тель-но ре-по-са...

— Какая же это такая Микита Микифорычъ, эта самая репоса?

— Репоса-а? Репоса, значитъ, теперича, едва

ворочалъ обезсилвшимъ языкомъ Микитка,—репо-са, примѣ-ѣ-рно...

— Да ты говори по проще—не поймешь у тебя...

— Чево-о? дико озираясь, грозно спрашивалъ опьяпѣвшій камердинеръ Поля Мордасова.

— Да репоса та эта што?

— Ну?

— Што она, къ примѣру означаетъ?

— Да гдѣ значитъ у насъ барышни, пояснялъ Микитка и безсильно, безуспѣшно старался сплю-путь на сторону.

Дѣло въ томъ, что нашъ герой Поль Мордасовъ, на дверяхъ, ведущихъ въ гаремъ, сдѣлалъ надпись, какъ это дѣлается на нѣкоторыхъ французскихъ мо-гилахъ, надпись эта была слѣдующаго содержанія: «Ici Répos». Ясно, коротко и внушительно.

— А то, у насъ еще есть, продолжалъ вывора-чивать языкомъ Никитка, есть еще у насъ Личарда вѣрная...

— Это еще што. Опять, значитъ, какой ни на есть притонъ?

— Нѣтъ ужъ это подожди, стой, это, значитъ, я самъ. Я Личарда! такъ меня баринъ Павелъ Пав-лычъ назвалъ и говорить объ этомъ нечего. Зна-читъ, шаб-башъ... Личарда и — кончено дѣло! Ли-чарда вѣрная, бормоталъ Никитка и рыжіе его во-лосы спустившись на лицо, закрывали отъ товари-щей опьянѣвшую рожу камердинера.

*

Я — Личарда-а!.. бормоталъ Микитка въ глубокій часъ полночи, когда баринъ его, гдѣ-нибудь въ гостяхъ «гнулъ уголъ третьяго туза» — я можетъ, во всемъ городѣ... одно слово... а меня голой рукой не бери, потому, какъ и при полномъ своемъ капиталѣ... у меня, можетъ, есть пять тысячъ на серебро...

И одна только темная ночь была свидѣтельницей, какъ пьяный языкъ Мордасовскаго камердинера высказывалъ всѣ задушевныя тайны своего владѣтеля, противъ его собственной воли.

Но народная мудрость сложила великую пословицу, что «въ счастіи и песокъ солитъ и шило брѣетъ», а «въ несчастіи и соль не солитъ». Такъ случилось и съ нашимъ героемъ Полемъ Мордасовымъ. Нѣсколько лѣтъ шли его дѣла прекрасно. Проигрышъ былъ рѣдкій, выигрышъ почти постоянный, какой капиталистъ на него не нападалъ на зеленомъ полѣ, каждаго онъ обиралъ до нитки, не пренебрегая и мелкими кушами, слѣдуя пословицѣ: «стрѣляй сороку и ворону, до стрѣляешься и до яснаго сокола». Попадали ему подъ руку и ясные соколы и все шло хорошо, оставалось только благодарить Аллаха. Но Поль Мордасовъ, вѣроятно, никого не благодарилъ и въ одинъ несчастный день съ нимъ случилось необычайное происшествіе.

Его, знатока и практика, въ дѣлѣ опустошенія людскихъ кармановъ, поддѣлъ на удочку другой зна-

рокъ и повторилось при этомъ сказаніе о томъ, что «воръ у вора дубинку укралъ». Новый знатокъ оказался крупнаго полета и такъ ошарашилъ Поля, что онъ съ разу ему спустилъ всѣ наличныя деньги. Поль пришелъ въ негодованіе и сталъ умѣщать на карты по цѣлой деревнѣ на каждую, по пятиэтажному дому на одного туза ставилъ,—все повалилось на сторону новаго счастливца, ему «солилъ песокъ и брило шило», а Поль по прошествіи нѣсколькихъ часовъ лишился всего своего состоянія. Прошло мѣсяца два, счастіе не возвращалось, долги накоплялись и карманы нашего героя опустѣли.

Перемѣна въ счастіи Поля Мордасова повѣла къ тому, что наслѣдственный его домъ и все въ немъ имѣвшееся пошло съ молотка за долги. Онъ долженъ былъ оставить и ту комнату, въ которой его достопочтенный родитель не разъигравъ ремизной игры, перешелъ въ лучшій міръ; и тѣ пять комнатъ своей сухощавой мамаши, въ которыхъ онъ, быть можетъ, въ память ея прекрасныхъ качествъ, помѣстилъ до двѣнадцати прекрасныхъ дѣвъ; и дворницкую даже, гдѣ, когда-то, въ дни своего дѣтства и отрочества, онъ преподавалъ поучительные уроки золотушному Никиткѣ; и лѣстницу, подъ которой скрывался самъ отъ поучительныхъ уроковъ, и все, все, что толстый родитель и тощая родительница оставили ему, какъ единственному законному наслѣднику въ полное и безконтрольное пользованіе

«на вѣчныя времена». Все это пошло прахомъ, хлопнулось съ трескомъ объ полъ, какъ хлопнулся его родитель съ ремизной игрой «въ восемь червей безъ трехъ». Все разлетѣлось въ дребезги, разбилось на куски, какъ разбилась чашка севрскаго фарфора, выпавшая въ послѣднюю минуту жизни изъ рукъ его maman. Sic transit gloria mundi!

Гаремъ даже нужно было распустить, и его даже, эту знаменитую «репосу» какъ говорилъ «вѣрная Личарда» Никитка,—нужно было распустить. Распустили и репосу. Но распуская свой гаремъ, Поль-Мордасовъ, утѣшалъ себя той мыслію, что онъ, такъ сказать, идетъ по стопамъ турецкаго султана Абдулъ-Азиса и дѣлаетъ важныя преобразованія въ своемъ государствѣ. Въ то время Абдулъ-Азисъ только что вступилъ на турецкій престолъ, послѣ смерти своего брата «умершаго отъ истощенія силъ вслѣдствіе гаремной жизни», какъ справедливо сдѣлали заключеніе европейскія газеты. Поль Мардасовъ, хотя и не читалъ никогда газетъ, но случайно наткнувшись на № газеты, прочелъ именно ту статью въ которой говорилось о причинѣ смерти стараго султана и о распущеніи гаремовъ Абдулъ-Азисомъ.

— Ну вотъ и хорошо... А то въ самомъ дѣлѣ, пожалуй и умрешъ, вонъ султанъ тоже умеръ — долго-ли, утѣшалъ самъ себя Поль.

— Никитка! Ей Никитка! кричалъ онъ къ своему камердинеру.

— Что вамъ? грубо спрашивалъ Никитка, замѣчая что фонды барина давно упали.

— А хорошо, братъ, что мы гаремъ-то распустили. Вонъ почитай-ка, что пишутъ, говорятъ вредно, вонъ и султанъ тоже распустилъ...

— Извѣстно. Мерзость одна, чего хорошаго, сердито ворчалъ Никитка, подумывая о томъ, жить или откупиться отъ Поля.

— То-то, то-то... Да и грѣшно.

— Конечно. Надо и о душѣ подумать,—такъ-то!

— Да, да. Вотъ и султанъ тоже...

Поль всего болѣе напиралъ на султана утѣшая себя, что «не я молъ одинъ».

Но проматавшійся и проигравшійся Поль Мордасовъ утѣшалъ себя напрасно и обманывалъ свою собственную особу Богъ знаетъ для чего. Впрочемъ это вопросъ давно рѣшенный психологами, что, яко-бы, человѣку въ трудныя минуты жизни свойственно утѣшать себя тѣмъ, что въ сущности никакого утѣшенія дать не можетъ и есть не болѣе ни менѣе, какъ «самонадувательство». Вотъ и Поль Мордасовъ ухватился за это самонадувательство и началъ внушать себѣ, что онъ тоже Абдулъ Азисъ, разгоняющій гаремы своего умершаго брата. Но какъ толстому старику Мордасову было далеко до Цицерона, такъ Полю Мордасову далеко было до Турецкаго Султана.

Безумный! восклицаю я, — сколь велико было

твое мнѣніе о себѣ! Сколь много ты возмечталъ о своей особѣ! Абдулъ Азисъ распустилъ гаремы своего брата потому, что нашелъ его женъ недостаточно молодыми и распустивъ ихъ, набралъ себѣ новые гаремы, къ вящему удивленію Европейскихъ газетъ, вообразившихъ о реформаціи въ Турецкой Имперіи. А ты несчастный Поль Мордасовъ, разставаясь съ своими двѣнадцатью женами, не имѣлъ въ виду возможности найдти не только лучшихъ, но и удержать у себя прежнихъ женъ, ибо средства твои истощились и нечѣмъ было содержать гарема, Лучше-бы тебѣ умереть «отъ истощенія силъ въ слѣдствіе гаремной жизни», чѣмъ извѣдать множество треволненій въ плаваніи по житейскому морю.

Дальнѣйшая участь нашего героя не извѣстна. Были слухи, что онъ выпущенъ изъ долговаго отдѣленія, но это еще требуетъ подтвержденія. Никитка откупился на волю, отростилъ себя большое брюхо, записался въ купцы и теперь слыветъ благодѣтелемъ...

ПУТЕВЫЯ НАСЛАЖДЕНІЯ НА РУССКИХЪ ДОРОГАХЪ.

Двадцатаго апрѣля 186... года мы отправились изъ Казани на пароходѣ общества «Кавказъ и Меркурій» и чрезъ четыре дня доплыли до города Царицына. Не смотря на всю поспѣшность выхода съ парахода, мы не могли попасть на отходившій поѣздъ Волго-Донской желѣзной дороги, такъ какъ времени между приходомъ парохода и отходомъ поѣзда было не болѣе десяти минутъ; нужно было ждать слѣдующаго дня и найдти гдѣ нибудь на ночь пристанище. Въ воксалѣ желѣзной дороги была отдѣльная комната, но она не представляла никакихъ удобствъ: не говоря уже про то, что половая щетка едва-ли когда касалась ея пола, но и ходъ въ нее былъ чрезъ общій залъ, въ которомъ находилось что-то въ родѣ гостинницы; постоянный говоръ и шумъ посѣтителей, конечно, не могли дать покою, такъ какъ комната отдѣлялась отъ за-

ла только перегородкой. За неименіемъ въ Царицынѣ извощиковъ пришлось шагать по песчанымъ улицамъ бѣднаго городишка и отыскивать пристанище. Послѣ продолжительныхъ, но безполезныхъ странствованій я увидѣлъ на одномъ домѣ вывѣску: «въ ходъ въ номера», но вмѣсто гостинницы оказался, не то трактиръ, не то кабакъ, о помѣщеніи въ которомъ нечего было и думать: отчаянная брань, хриплые пьяные голоса и разудалыя пѣсни слышались изъ оконъ, давая заранѣе понятіе объ удобствѣ помѣщенія въ этомъ веселомъ домѣ. Измученный, усталый, я возвратился снова въ воксалъ желѣзной дороги и по необходимости помѣстился съ моей больной женой въ неудобной комнатѣ воксала. Рѣзкій свистъ локмотивовъ, переводившихъ вагоны съ береговыхъ рельсовъ къ воксалу, крики рабочихъ, говоръ и шумъ въ общемъ залѣ, не дали никакой возможности заснуть до разсвѣта; больная еще болѣе разстроилась и пришлось послать за докторомъ. Явилась какая-то общипанная подозрительная фигура мѣстнаго эскулапа и съ первыхъ-же словъ показала всю свою бѣдность въ медицинскихъ знаніяхъ, начавъ городить невообразимыя безсмыслицы о вліяніи сѣверныхъ и южныхъ вѣтровъ на человѣческую жизнь.

Начало путешествія оказалось не совсѣмъ то удобно...

Утромъ на слѣдующій день мы отправились съ

товарнымъ поѣздомъ къ р. Дону въ селеніе Калачъ.

Станица Калачъ, состоящая изъ пятнадцати или двадцати бѣдныхъ избушекъ, разбросана не вдалекѣ отъ берега Дона и напоминаетъ скорѣе таборъ, чѣмъ селеніе. Ближе къ берегу, въ сторонѣ отъ бѣдныхъ крытыхъ соломой избушекъ, возвышаются постройки, принадлежащія управленію желѣзной дороги: все величественно, широко, высоко, красиво и неудобно: для гостинницы назначенъ по видимому и большой домъ, но въ немъ тѣсно, грязно и дорого; комнатъ для номеровъ отведено не болѣе шести, да и тѣ всѣ заняты живущими на пристани судовыми прикащиками и хозяевами пшеницы. Посмотришь кругомъ—настроены десятки домовъ, понадѣланы всѣ возможныя архитектурныя украшенія, раскрашены они разными красками,—смотришь и не можешь надивиться, какъ это люди умѣютъ ухитриться раскинуть дѣло на широкую ногу и устроить, какъ будто нарочно, такъ, чтобы тѣмъ, для кого устраиваются эти фигурныя, красивыя зданія,—мѣста въ нихъ никогда не оказывалось. Я не знаю гдѣ-бы мы помѣстились, если-бы въ день нашего пріѣзда не освободилась одна комната: какой-то грекъ отплывалъ на суднѣ съ пшеницей въ Ростовъ; ранѣе насъ пріѣхавшіе больные, такъ же какъ и мы, слѣдовавшіе на минеральныя воды,—не найдя себѣ мѣста въ гостинницѣ, заняли комнату

въ какой-то казачьей избушкѣ. Въ ожиданіи парохода, въ Калачѣ намъ пришлось прожить четыре дня, и мои небольшіе финансы значительно потерпѣли отъ дороговизны цѣнъ за комнату, обѣдъ, самовары и разныя копѣечныя мелочи, превращаемые содержателями гостинницъ въ рубли...

Скучно тянулись эти четыре дня Съ ранняго утра и до поздняго вечера слышались свистъ локомотивовъ, крики и брань рабочихъ, перегружавшихъ изъ вагоновъ въ баржи пшеницу: съ вечера раздавались въ станицѣ пѣсни и не умолкали до утра, иногда общій шумъ покрывалъ раздирающій крикъ какого-нибудь рабочаго, испытывавшаго на своихъ бокахъ силу кулака товарищей. Въ станицѣ чуть-ли не въ каждомъ домѣ открыто питейное заведеніе...

За проѣздъ изъ Калача до Ростова за пятьсотъ верстъ пути, во второмь классѣ, мы заплатили по 12 руб. за мѣсто, что, сравнительно съ цѣною существующей на волжскихъ пароходахъ, дорого: за проѣздъ изъ Казани до Царицына за 1000 верстъ, если не болѣе, во второмъ классѣ, платится всего 16 руб. Пассажировъ на пароходѣ было немного. Ѣхалъ казанскій купецъ въ Ростовъ, по торговымъ дѣламъ, два семейства на минеральныя воды и нѣсколько грековъ.

На третій день пути пароходъ подошелъ къ богатой Аксайской станицѣ, безспорно заслуживаю-

цей названіе города. Пароходъ нашъ около часу прождалъ развода моста и, на вопросъ пассажировъ о причинѣ такой продолжительной задержки, капитанъ объяснилъ, что у него есть какія-то непріятности съ мѣстнымъ начальствомъ. Догадливы: нашли удобный и невинный способъ мщенія капитану, заставляя неповинныхъ пассажировъ чувствовать на себѣ все удовольствіе ихъ личныхъ ссоръ. Наконецъ и мостъ разведенъ; потѣшились, значитъ, и помиловали,—дескать вотъ вамъ впередъ наука, не ѣздите на тѣхъ пароходахъ, капитаны которыхъ не могутъ ужиться съ Аксайскими властями. Чрезъ два часа мы въѣхали въ Ростовъ и остановились въ гостинницѣ.

Тотчасъ же по пріѣздѣ я отправился въ отдѣленіе почтовыхъ каретъ, чтобъ запастись поскорѣе билетами на проѣздъ до Пятигорска, но не смотря на подробнѣйшіе распросы въ конторѣ, добиться не могъ никакого болѣе или менѣе яснаго отвѣта; почтальонъ, покачиваясь на стулѣ и заложивъ за ухо перо, долго и много говорилъ мнѣ, но изъ его разговоровъ я составить не могъ ничего опредѣленнаго; вижу, что человѣкъ шевелитъ губами и силится что-то объяснить, но его непослушный языкъ окончательно размокъ и не шевелится—водочка-злодѣйка обезкуражила. Въ дверяхъ появилась какая-то женщина, почтальонъ показалъ на меня рукой,—что вотъ, дескать, толкуй съ нимъ,—гово-

рю, говорю ничего понять не можетъ. Женщина объяснила, что чиновникъ, завѣдывающій почтовыми каретами, ушелъ въ гости и неугодно-ли будетъ его подождать до вечера. Вечеромъ я его не засталъ; онъ не возвратился еще изъ гостей и пришлось дѣло отложить до утра. На слѣдующій день чиновникъ оказался дома, въ халатикѣ, съ трубочкой въ зубахъ и принялъ меня по домашнему, посиживая за чайнымъ столомъ. Отъ этого почтеннаго, гладко выбритаго человѣка, сохранившаго и въ домашнемъ быту свое чиновное достоинство, я получилъ краткій, но ясный отвѣтъ, что кареты отправляются черезъ четыре дня и то только въ такомъ случаѣ, когда заняты всѣ мѣста внутри и наружи; что цѣна до Пятигорска внутри 26 руб. снаружи 18 руб., за багажъ по 2 руб. съ пуда. Болѣе отъ почтеннаго человѣка никакихъ свѣдѣній ждать было нечего,—онъ началъ сосать свою трубку и прихлѣбывая изъ стакана чай, сердито взглядывалъ на меня.

— Ну и что-же вамъ? обратился онъ ко мнѣ.

— Ничего,—говорю,—пойду справлюсь, узнаю, нѣтъ ли возможности за болѣе дешевую цѣну уѣхать. Но розыски мои были напрасны. Высокая цѣна за проѣздъ въ каретѣ имѣла свое основаніе: частныхъ ямщиковъ въ городѣ нѣтъ, а если и были нѣмецкія фуры, то тоже дешевле взять не могли, потому что обратно имъ пришлось бы возвращаться пустымъ. Безполезно измучившись въ отъисканіи болѣе деше-

аго способа передвиженія, я снова явился въ конору. Почтенный человѣкъ успѣлъ окончить свой тренній чай и сидѣлъ уже въ мундирѣ за тѣмъ же толомъ, на которомъ теперь, вмѣсто самовара, тояла чернильница и лежали массивныя книги. Я положилъ на столъ 52 руб. и попросилъ два билета. Почтенный человѣчекъ хитро улыбнулся и отдавая билеты пропустилъ сквозь зубы: «за багажъ особо,—послѣ.» Семейства плывшія съ нами на пароходѣ, оказались тоже не изъ богатыхъ и также какъ я, отыскивали въ городѣ извощиковъ, но пришли тоже въ контору. Получивъ билеты, мы стали просить отправить насъ поскорѣе, но наша просьба не могла быть уважена, потому что кареты были отданы въ починку; оправдывалась, слѣдовательно, наша русская пословица: «когда на охоту ѣхать тогда и собакъ кормить». Четыре дня мы прожили въ Ростовѣ въ ожиданіи, пока окончится починка, и эти четыре дня стоили намъ въ гостинницѣ съ обѣдомъ и самоваромъ по три рубля въ сутки, и такимъ образомъ мои экономическіе расчеты разбивались въ прахъ предъ дѣйствительностію: выѣзжая въ путь, я никакъ не могъ себѣ представить, что придется останавливаться по нѣскольку дней чуть не въ каждомъ городѣ.

Наступилъ наконецъ день нашего отъѣзда. Чиновникъ объявилъ, что кареты отходятъ въ семь часовъ

утра, и неугодно-ли намъ сдать съ вечера багажъ, а самимъ явиться за полчаса до отъѣзда.

Мы хотѣли попросить измѣнить часъ отъѣзда, удивляясь странному росписанію, назначающему выѣздъ изъ города въ ранній утренній часъ, но получили въ отвѣтъ, что почтовое начальство знаетъ что дѣлаетъ и, конечно, для всѣхъ больныхъ своихъ росписаній измѣнять не будетъ. Нужно было покориться обстоятельствамъ. Чтобы не потревожить нашихъ больныхъ рано утромъ, мы рѣшились перевезти ихъ съ вечера въ контору и уложили спать въ кареты, сами-же помѣстились въ тѣсной комнатѣ почтарей. Комнату, назначенную для проѣзжающихъ, занималъ самъ чиновникъ, оправдываясь тѣмъ, что онъ семейный человѣкъ и, недавно пріѣхавъ на службу, не нашелъ еще для себя квартиры. Въ комнатѣ почтарей небыло никакой мебели, спали мы просто на полу и утромъ проснулись съ головной болью,—такъ сильно накурили почтари своимъ крѣпкимъ трапезондскимъ табакомъ.

Несмотря на то, что по росписанію мы должны были выѣхать въ семь часовъ, выѣхали только въ девять. Что-то лѣниво и нехотя копошились ямщики, перебраниваясь между собой; почтари сидѣли на крыльцѣ и разсуждили о томъ, кому сколько удалось провезти изъ Владикавказа, кантрабанднаго табаку, а чиновникъ, назначивъ нашей каретѣ кондуктора, самъ ушелъ на базаръ за покупкой провизіи.

Намъ хотѣлось напиться чаю, но гостинница была далеко и мы, въ ожиданіи скораго отъѣзда, должны были голодать до одинадцати часовъ, пока наша махина-карета не дотащилась до Аксайской станицы.

Во все продолженіе пути до Аксайской станицы меня неотступно преслѣдовало напечатанное, не помню въ какихъ вѣдомостяхъ, объявленіе тоъ управленія Кавказскихъ минеральныхъ водъ, объ удобствахъ и дешевизнѣ сообщенія города Ростова на Дону съ минеральными водами...

Выѣхали изъ Аксайской станицы. Потянулись скучныя нескончаемыя степи, погода стояла жаркая, пыль столбомъ поднималась отъ лошадей, едва тащившихъ нашу тяжелую варшавскую карету. На станціи ямщики перебранивались съ кондукторомъ и жаловались другъ другу на новые порядки. Кондукторъ сердито махалъ своимъ мѣднымъ рожкомъ и угрожалъ жалобой начальству; изъ распросовъ о причинѣ ссоръ оказывалось, что плату ямщики получаютъ только за три лошади, а запрягать по тяжести экипажа иногда необходимо до пяти и шести. Заслыша мои распросы, къ каретѣ подошелъ старикъ ямщикъ и началъ говорить.

— Это вотъ теперича намъ, ваше почтеніе, немножко, то есть, и обидно и по правдѣ ежели сказать, тяжко; коней-то измучишь въ досталь, дороги тоже избиты и плоховаты, а деньжонокъ-то достанется быдто только за три коня,

Старикъ помолчалъ нѣсколько времени, потомъ посмотрѣлъ по сторонамъ и снялъ шапку.

— Ужъ вы, ваше почтеніе, не пожалѣйте прибавить хоть на одну лошадь.

— Голубчикъ мой—отвѣчалъ я—заплатилъ бы я тебѣ и за двѣ лошади, но я уже отдалъ за весь путь до Пятигорска и отдалъ за два мѣста съ багажемъ 62 р., за пятьсотъ верстъ, такъ мнѣ ужъ не изъ чего больше платить-то.

— Это правда. Значитъ, теперь вы отдали 60 рублевъ, да за наружныя мѣста за два, господа заплатили 40, такъ оно и выходитъ по двадцати копѣекъ за версту, а на нашу долю только по девяти достается,—это-то немножко и тово!..

Старикъ вздохнулъ и пошелъ къ своимъ усталымъ, тяжело дышавшимъ конямъ. Поѣхали дальше. Нашъ кондукторъ сначала строго держался выданнаго росписанія—на какой станціи въ какой часъ быть, но потомъ сбился съ толку и видимо покорился волѣ Божіей. Мы, пассажиры, читая въ росписаніи, что на такой-то станціи можно получать обѣдъ и удостовѣрившись что обѣдъ значится только на бумагѣ, вынимали свои дорожные саки и удовольствовались тѣмъ, что съумѣли запасти для своего пропитанія въ Ростовѣ. На нѣкоторыхъ станціяхъ, за неимѣніемъ ключевой, и рѣчной воды, брали для чая воду изъ колодцевъ и не разъ уѣзжали, не

напившись чаю, потому что вода оказывалась негодной для питья.

На пути встрѣчались намъ много обозовъ въ двуколесныхъ арбахъ, тянувшихся на быкахъ по направленію къ Ставрополю. Кондукторъ надрывался, надувая свой мѣдный рожокъ, мужики пугливо взглядывали на нашу махину-карету, снимали шапки и суетливо сворачивали быковъ въ сторону. Опять тянулась длинной извивающейся лентой степная дорога, нигдѣ не было видно ни одного кусточка, и только одиноко торчавшіе верстовые столбы доказывали собой, что мы ѣдемъ по почтовому тракту, а не по проселочной дорогѣ. На ночь мы должны были останавливаться, неуклонно слѣдуя данному росписанію, да иначе и быть не могло, потому что мы въ темнотѣ ночи могли заѣхать въ какую-нибудь рытвину и сломать себѣ шеи. Впрочемъ, кондукторъ, объясняя о неудобствахъ ночнаго путешествія, боялся всего болѣе за цѣлость кареты.

— Помилуйте господа—говорилъ онъ—какъ можно ночью ѣхать—вещь казенная, случись какая бѣда, поломайся что—на мнѣ спросится...

На третій день пути, мы, цѣлы и невредимы, въ не поломанной каретѣ, доѣхали до Ставрополя; онъ находится на половинѣ пути между Ростовомъ и Пятигорскомъ и издали кажется весьма красивымъ, картинно раскинувшимся на возвышенной мѣстности, по среди необъятной пустынной равнины.

Въ Ставрополѣ почему-то насъ продержали болѣе трехъ часовъ. При Ставропольской гостинницѣ для почтовой станціи было отведено двѣ комнаты, одна для дамъ, другая для мужчинъ. Во время всего нашего путешествія мы только въ первый разъ видѣли сносную, довольно чистую и свѣтлую комнату для проѣзжающихъ; это, казалось, такая рѣдкость, такая роскошь, что мы невольно простили гостинницѣ и за жидкій водянистый супъ, и за пережаренныя котлеты; такъ насъ ошеломило чистое помѣщеніе послѣ постоянной, въ продолженіе двухъ недѣль, грязной обстановки.

За Ставрополемъ, верстахъ въ пятидесяти, начинаетъ нѣсколько измѣняться мѣстность, болѣе попадается холмиковъ... Чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ возвышеннѣе дѣлалась мѣстность, нашу махину-карету, при спускахъ подъ горы, нужно было тормозить и при подъемахъ на гору мы должны были идти пѣшкомъ, чтобъ дать возможность тощимъ лошадямъ поднять хотя и пустой, но тѣмъ не менѣе весьма тяжелый экипажъ. Распрашивая ямщиковъ, отчего у нихъ такъ плохи кони, мы слышали откровенные разсказы о томъ, что содержатели станціи поберегаютъ хорошихъ лошадей на случай проѣзда кого-либо изъ значительнымъ лицъ, а для обыкновенныхъ проѣзжающихъ выставляютъ коней похуже, не тѣхъ, которыхъ обязаны по контракту имѣть на станціи.

— Вѣдь вы сами знаете—объяснялъ одинъ изъ
мщиковъ — если теперича поставить на станціи
ѣхъ коней, которые по контракту должны быть, то
ѣдь все равно за нихъ туже плату получишь, да
коней такъ-же изморишь,—вонъ вѣдь она изба-то
акая, карета-то эта! а послѣ, пожалуй, поѣдетъ
акой ни на есть начальникъ, того и гляди, что на
юловинѣ станціи срѣжемся, а вѣдь ему не вылѣ-
ать изъ махины-то, вотъ хоть какъ вамъ, примѣр-
о въ гору ежели...

— Ну, а если проѣзжающіе на васъ будутъ жа-
оваться, что тогда будетъ?

— Это ужъ дѣло подрядчиковъ. Только они тоже
вои порядки доподлинно знаютъ. Вотъ тоже дру-
ой разъ наѣдетъ почтовой левизоръ и повѣряетъ,
начитъ, все-ли примѣрно въ порядкѣ,—тогда ужъ
аранѣ ставятъ тѣхъ коней, какіе по контракту
лѣдуютъ и сколько паръ полагается, все, значитъ,
тобы въ исправности; левизоръ посмотритъ и
ѣдетъ, ну опять по старому: и кони похуже и
аръ поменьше...

— А если ревизоръ вдругъ пріѣдетъ неожиданно?

— Нѣтъ, этого не бываетъ. Левизора подрядчики
сегда заслышатъ недѣли за двѣ, должно, у нихъ
акое чутье на это есть, или ужъ такъ, порядки...
то знаетъ...

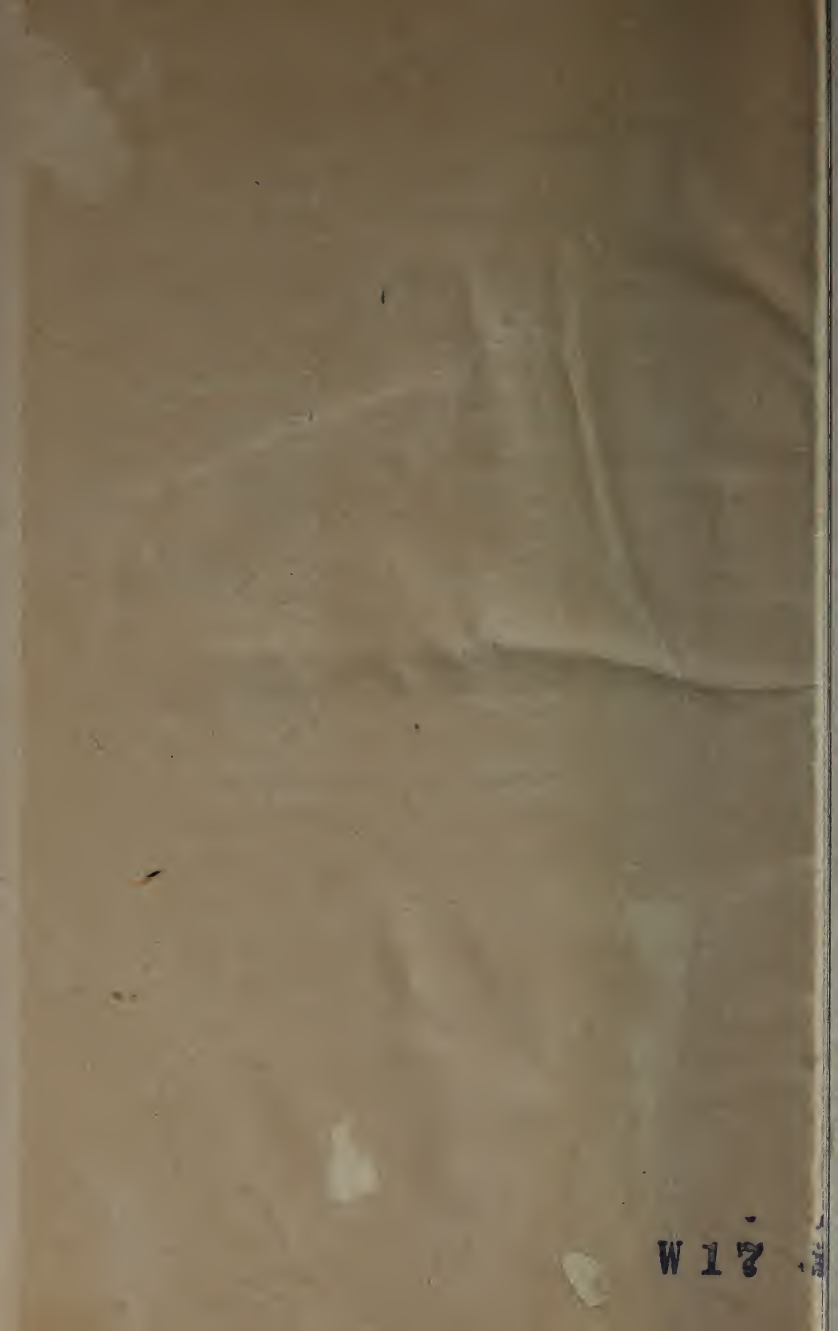
Черезъ два дня мы были въ Пятигорскѣ.

Путь оконченъ, и не мѣшаетъ свести счеты. Изъ

Казани до Пятигорска мы отдали за проѣздъ съ двоихъ 108 р. за багажъ 17 р., всего 125 р. Это неизбѣжная сумма. Что же касается содержанія на столъ, неожиданныхъ расходовъ за комнаты въ гостинницахъ, за перевозъ вещей съ пароходовъ и проч., объ этомъ говорить нечего. Считаю только не лишнимъ напомнить путешествующимъ по русскимъ дорогамъ, русскую пословицу: «Ѣдешь въ путь на день, бери денегъ запасъ на недѣлю».

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Стр.		Напечатано.	Должно читать:
54	8	сверху	древесны	древесныя
—	14	»	глухіе	глухія
64	13	»	Курсановъ	Ккурсанъ
97	17	»	рядъ я	рядъ
152	10	»	ночи	ноги
178	2	»	крестеянскими	крестьянскими
195	16	»	помолнлся	помолился
208	9	»	сбъявленіе	объявленіе
215	5	»	ивволите	изволите
219	21	»	задумчаво	задумчиво
231	12	»	того	до того
264	20	»	станавой	становой
272	9	»	Дѣлать	дѣлать

W 17

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007
PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa
Sept —Oct 1987
Quality Bound

